
Русский
Фольклор
Russian
Folklore
М.А.Полторацкая

RUSSIAN
FOLKLORE

РУССКИЙ
ФОЛЬКЛОР

RUSSIAN FOLKLORE

by

Marianna A. Poltoratzky

М А. ПОЛТОРАЦКАЯ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Хрестоматия,
статьи
и
комментарии

Нью-Йорк
1 9 6 4

RUSSIAN FOLKLORE

by Marianna A. Poltoratzky
Chairman, Department of Russian,
Vassar College

Published in U.S.A. by Rausen Bros. Publishers

Produced by Rausen Language Division
of Howard O. Bullard, Inc.
150 Varick Street, New York 13, N. Y.

Светлой памяти
Академика
Бориса Александровича Ларина
учителя и друга

ACKNOWLEDGEMENT

I wish to express my appreciation for the support received from the Lucy Maynard Salmon Fund of Vassar College.

I am also pleased to acknowledge editorial assistance in the preparation of the English texts rendered by Professor Emeritus Jane J. Swenarton.

Professor Catherine A. Wolkonsky was kind enough to read the manuscript and Vassar students Ann Weiler and Carol Dannenhauer gave technical assistance.

Marianna A. Poltoratzky

GENERAL PLAN

This book is intended mainly as a textbook aid for students taking a course on Russian folklore in American universities and colleges. It can also serve as a reference book for teachers, writers, and in general for all those interested in Russian folk poetry and popular culture. From the selections of folklore given in this book, it is possible to know the sources of Russian literature of the past as well as of the present. As illustrations of this, the book contains extracts from the poetry of V. I. Zhukovsky and A. S. Pushkin. My ten years of experience as a teacher of graduate courses in Russian folklore in the U.S.A.—at the Russian Summer School of Middlebury College, at Georgetown University, at Windham Institute of Critical Languages, and at Vassar College—have served as the basis for this book. While the book is basically an anthology of Russian folklore, it has been expanded to include introductory articles explaining the essence of folklore, its various genres, its particular features of language and style and the character of its versification. There is also a survey of the history of the development of folklore and of the scientific study of folklore (folkloristics).

The book consists of ten sections representing separate aspects of folklore, arranged as accurately as can be determined in chronological order. For example, the first section is devoted to the description of folk holidays and their appropriate ceremonial songs: carols, New Year songs, Shrovetide songs, spring choral songs, and others. The second section contains wedding songs of various historical periods. The next sections include songs of genres characteristic only of Russian folklore: lamentations, charms, "chastooshki" and others. A special section has been compiled for proverbs illustrating different aspects of the life of the Russian people from pagan times to the present, for sayings, and for riddles, all of which give a distinctive liveliness, accuracy, and expressiveness to Russian folk speech. The heroic epos is presented through "byliny" of various cycles and through historical

songs of the fourteenth through the eighteenth centuries. The largest number of "byliny" describe a beloved national hero—Ilya of Murom. Next come various kinds of tales well known among the Russian people. Religious concepts of the people (often with mythological interpretations) are expressed in "dukhovnye stikhi" (verses on religious subjects) and in apocryphal legends.

The concluding section presents examples of folk drama during different historical periods in the development of the Russian popular theater. The material for the anthology has been taken from the recordings of distinguished Russian folklorists and scholars. A list of sources used has been placed at the end of the book. The section of Cossack songs (particularly the folklore of the Nekrasov Cossacks) is original; this material was collected and recorded personally by me in the Don and Kuban regions at the end of the 1930's and the beginning of the 1940's. Each section of the anthology is supplemented by commentaries and English translations of very old and dialectic Russian words and expressions. In the appendix to the book are several articles in English which explain the historical facts and the distinctive character of the mode of life of the Russian people, to which allusions are made in the texts. There is also a short historiographical summary with indications of the main schools and currents in West-European and Russian folkloristics.

ОБЩИЙ ОБЗОР
РАЗВИТИЯ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Научным термином «Фольклор» называются произведения устной народной словесности. В настоящее время термин «Фольклор» приобрел международное значение, но это слово английского происхождения и дословно значит: народное творчество, народная мудрость.

К произведениям русского народного творчества (или устной народной словесности) относятся былины, сказки, песни, заговоры, пословицы, поговорки, загадки, частушки, всевозможные сказания и предания.

Русский фольклор существовал уже в глубокую старину, еще до образования Руси как государства, и до появления письменности на Руси. Однако, и с распространением письменности, устное народное творчество продолжало развиваться. Оно развивается и теперь, оказывая известное влияние на русскую художественную литературу и музыку.

В русском народе, с давних времен, было много талантливых самородков-поэтов, музыкантов, певцов. В старину их называли песнотворцами, песельниками, скоморохами, гудцами, гуслярами, игрецами.

Они складывали песни, былины, сказы, и сами же исполняли их, сопровождая игрой на гуслях, или на каком-либо ином музыкальном инструменте (свирель, гудок, дудка...) Творчество этих первых певцов-поэтов широко распространялось по стране и становилось общим народным достоянием. Произведения народного творчества обычно передавались устно, от одного к другому, и из поколения в поколение. При этом каждый новый певец или рассказчик («сказитель»), передавая старую песню или сказку, нередко старался украсить ее от себя и отразить современную ему жизнь, а иногда и свои чувства. Поэтому с течением времени, появля-

лись различные изменения в тексте одного и того же устного произведения и складывались различные варианты, хотя образы и идея произведения оставались прежние.

В силу этого, устную народную словесность можно считать коллективным творчеством, так как различные исполнители являлись в то же время и творцами.

За долгое, многовековое существование фольклора в нем сложились разнообразные виды произведений, отличающихся и по своему содержанию и по художественным особенностям.

Наиболее известные виды русского народного творчества — это песни, былины, сказки, а также пословицы, поговорки и загадки.

Народные песни стали создаваться еще в древнейшие времена, и в них отражались верования и жизнь отдаленных предков русского народа. До нашего времени дошло много старых обрядовых песен, свадебных, трудовых...

Все языческие праздники в поклонение силам природы сопровождались обрядами и пением.

Так, например, встречая весну, молодежь водила хороводы с пением **веснянок**, в которых воспевалась **Весна-Красна** и выражалась надежда на обильный урожай:

Весна, весна красная,
Приди, весна, с радостью,
С радостью, радостью,
С великой милостью,
Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебами обильными.

В зимний праздник Коляды, когда солнце поворачивало на лето, пелись колядовые песни («колиодки») и совершались жертвоприношения.

Вот пример древней «колиодки»:

...Добры молодцы, красны девицы
Поют песни колиодушки.

Ой колиодка, ой колиодка.

В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит —
Хотят козла зарезати,
Во котел горючий вкинути.
Ой колиодка, ой колиодка.

На свадьбах пелись особые обрядовые песни — свадебные.

В старые времена свадьбы сопровождались сложными, торжественными обрядами: прием сватов, девичник, прощанье невесты с подругами, а жениха с друзьями и с «вольной волюшкой», свадебный поезд, свадебный пир и др. При совершении обрядов всегда пелись соответствующие песни.

Свадьба превращалась как бы в театральное зрелище, поэтому народ говорил: «**сыграть свадьбу**».

Сохранились в народе и удалые молодецкие песни, и нежные, лирические любовные песни — в них выражались и радость свидания и тоска разлуки, счастье взаимной любви и страдания по умершему. Такова, например, трогательная песня молодца о смерти невесты:

Где ты, звездочка, где ты ясная?
Где ты, девица, где ты, красная?
Иль покинула друга милого?
И я с горести, со лютóй тоски
Пойду в поле, в поле чистое.
Не увижу ль ясной звездочки?
И не встречу ль красной девицы?
Туча мрачная скрыла звездочку,
Земля хладная взяла девицу.

Язык и поэтический стиль древних песен послужили образцами для более поздних песен, в которых традиционно употреблялись те же словосочетания, обороты речи, метафоры, эпитеты, — как, например, постоянные эпитеты: красное солнышко, ясные звездочки, синее море, чистое поле, лазоревые цветы, шелковая

трава, добрый молодец, красная девица. Также характерно для всех видов народной поэзии повторение одних и тех же слов с перенесением их из одной строки в следующую. Это создает впечатление волн, набегающих одна на другую, и усиливает выразительность языка и образов.

К более поздним видам народной песни относятся частушки.

Частушка — это короткая песенка, обычно из четырех строк. Многие частушки отличаются остроумием, юмором, и представляют собой быстрый поэтический отклик на события общественного или бытового характера. Для частушки характерны общие черты народной поэзии: 1) параллелизмы, состоящие в сопоставлении явлений природы и жизни человека, например:

Раскудрявая березка,
Ветра нет, а ты шумишь;
Ретиво мое сердечко,
Горя нет, а ты болишь.

2) Повторения, усиливающие выразительность речи:

Скоро, скоро лед растает,
Скоро речки потекут...

3) Хореический ритм, т. е. двусложная стопа с ударением на первом слоге:

Ско́ро, / скоро, / лёд рас / та́ет...

Среди народных **эпических** произведений первое место занимают **былины.**

Былины (или стари́ны) — это песни-сказания о богатырях и важных событиях из жизни народа. Богатыри — люди необыкновенной силы и храбрости. Они совершают подвиги для защиты своей страны и народа от нападения врагов; они оберегают слабых от обиды сильными, защи-

щают христианскую веру (хотя в былинах часто встречаются черты «двоеверия»: христианские верования смешиваются с древними языческими). По содержанию былины делятся на две основные группы: Киевские и Новгородские. Киевские былины носят чисто богатырский характер; в них говорится о воинских подвигах древнерусских богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича.

Новгородские былины — это былины историко-бытового характера; их герои — богатый купец (торговый гость) Садко и удалец Васий Буслаевич.

Киевские и Новгородские богатыри принадлежат к младшим богатырям. К старшим богатырям относятся Святогор, Волх Всеславьевич, Вольга Святославгович, Микула Селянинович. Старшие богатыри отличались волшебными свойствами и стихийной силой.

Самым любимым богатырем русского народа является Илья Муромец — крестьянский сын. Первые записи былин сделаны в начале XVIII века. В 1804 г. был издан первый сборник былин, записанных на Урале и в Сибири казаком Киршей Даниловым.

Начинается былина обычно с «**запева**» или «**зачина**»; например, зачин в былине об Илье Муромце:

Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Заканчивается былина **«исходом»**, например:

Тут Илье и славу поют.

Былина **сказывается** нараспев особым стихом. Былинный стих строится ритмически на трех или двух ударениях, поледнее из которых обычно падает на третий от конца слог. Былинный стих называется также русским **народным напевным стихом.** Характерной его чертой является отсутствие рифмы, но правильное соблюдение ритма.

Народные сказки являются также одной из самых древних форм устного творчества у всех народов. В сказках рассказывается о вымышленных событиях, часто фантастического характера. Идея сказок обычно поучительная.

По своему содержанию народные сказки отличаются большим разнообразием: сказки о животных, мифические сказки, волшебные, бытовые, нравоучительные, социально-сатирические и др.

Под влиянием народных сказок, многие русские и иностранные писатели писали **литературные сказки.** Таковы, например, глубокие по содержанию и высоко художественные по форме сказки А. С. Пушкина. Замечательны сказки В. А. Жуковского, П. П. Ершова («Конек-Горбунок»), сатирические сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина, поучительные сказки Л. Н. Толстого и др.

К малым формам фольклора принадлежат **пословицы, поговорки и загадки.** Пословица — это краткое, часто в стихотворной форме, народное изречение, по поводу различных жизненных явлений. В пословицах отражается многовековый опыт народа и его житейская мудрость. Обычно пословица состоит из двух частей: первая часть образно изображает явление, а вторая часть — заключительное поучение; например:

Любишь кататься — люби и саночки возить.
Век живи — век учись.

Поговорка представляет собой образное выражение, метко определяющее то или иное жизненное явление. В отличие от пословиц, поговорки выражаются обычно неполным предложением и не имеют поучительного заключения, например:

Не в бровь, а в глаз.
Как снег на голову и др.

Пословицы и поговорки придают речи красочность, меткость и выразительность.

Загадка — это иносказательное образное определение какого-либо явления или предмета; например:

Два брата через дорожку живут, один другого не видит (Глаза).

В древние времена загадки применялись при выполнении обрядов или же для испытания ума и находчивости человека.

Одним из замечательных видов русской народной поэзии являются похоронные **плачи-причитания,** отличающиеся глубоким лиризмом в выражении чувств безутешного горя. Сильное впечатление от этих песенных причитаний поэт Н. А. Некрасов отразил в своих крестьянских поэмах: «Мороз-Красный нос» и др.

Особенность русского фольклора составляют также **заговоры,** дошедшие от древнейших времен. Заговоры — это сочетания особых слов, имеющих, по представлению древнего славянина, особую магическую силу. Есть заговоры на болезни, на кровь, на раны, а также на чувства любви, тоски и на путь-дорогу. Заговоры отличаются исключительной силой выразительности и поэтичности.

Русский фольклор вдохновлял поэтов, писателей, композиторов, художников прошлой эпохи; влияние фольклора не ослабевает и в современном искусстве.

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Язык фольклора — это в основном народный язык древней и старой Руси; его характерные особенности проявляются и теперь в народной речи.

Лексика былин, сказок, пословиц, песен — чисто русская. Лишь изредка встречаются церковнославянизмы (град, глас, глаголует), грецизмы (архистратиг, порфира) или же тюркизмы (копья мурзамецкия, таможня), как следствие более поздних влияний.

Для русского народного языка весьма характерно словообразование при помощи разнообразных суффиксов, передающих тонкие оттенки смысла и чувствований. Таковы, например, в фольклоре ласкательные и уменьшительно-ласкательные суффиксы в именах людей и в

названиях предметов и явлений природы. Это суффиксы: ушк-, юшк-, ятк-, и др.: матушка, батюшка, тетушка, нянюшка, сестрицы-голубушки, братцы-соколики, доченька, подруженьки, дитятко, Добрынюшка, Микулушка, Алёнушка, Алешенька, солнышко, травушка-муравушка, сердечко, сердечушко, полюшко-раздольице и др.

Для передачи увеличительности или же чувства ненависти, негодования — употребляются особые усилительные суффиксы: ищ-, ин-: каличище Иванище; Идолище Поганое, Змеище-Горынчище, царище Демьянище-басурманище, нахвальщина, головища, коровища и др. Разнообразны также суффиксы имен прилагательных и наречий, придающие мягкость и задушевность фольклорному языку. Таковы суффиксы: охонек-, охоньк-, ешенек-, ешеньк- и др.: радёхонек, радёшенька, молодёшенька, близёхонько, низёхонько, скорёшенько, жалобнёхонько и т. п.

В глаголах преобладают суффиксы многократности. ыва-, ива-, и приставка **по**, обозначающая начало многократного действия: похаживати, поезживати, помахивати, покликивати, поваживать, поскакивать, посвистывать и т. п. Для усиления действия употребляются двойные приставки: по-раз; по-вы: поразмысливал и др.

Нередки глаголы и однократного действия с суффиксом **ну**: стегнул, скакнул, повыдернул и т. п.

Имена прилагательные обычно употребляются в краткой форме: красно солнышко, красна девица, удал богатырь, добры молодцы, чисто поле, буйны ветры, зелено вино.

В разговорную речь вставляются частицы и междометия, придающие естественную живость повествованию:

Ай ты, славный Владимир стольно-киевский...

Ай же, удал богатырь, **да** Илья Муромец...

Охти, как мне горе горевати...

Ты скажи-**тко** тебя как-**то,** молодца, **да** именем зовут...

Крест-**от** клал он **да** по-писаному.

Встречаются также старинные синтаксические конструкции, как например, в согласовании им. существи-

тельного собирательного с глаголом во множественном числе:

Нища братия **пришли.**

Употребляется много старинных идиоматических выражений и фразеологизмов, многие из которых уже в древности обратились в статические формулы:

Гой еси! Исполать! (приветствия).

Бить челом (почтительная просьба).

Третье лето в доходе (третий год кончается).

Растеть-матереть (расти, мужать, набираться сил).

Ученье в наук пошло (успешное ученьё) и др.

Красочность речи подчеркивается также обилием синонимов, насыщающих фольклорные произведения! Вот некоторые из примеров: воин, ратник, витязь, поединщик; битва, сеча, бой, брань; рать, войска, полки, дружина, сила; тужить, горевать, кручиниться, печалиться и др.

Своеобразным приемом народно-поэтического творчества является также частая смена глагольных времен. Так, например в былинном языке употребляются глагольные формы будущего времени совершенного вида для обозначения прошедших событий:

1) Он **пнёт** ногой в двери железные
Изломал все пробои булатные

2) Илья **махнёт** нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева стоячего

Во всех этих случаях действие разделяется на предшествующее, которое обозначается будущим временем, и последующее, обозначаемое прошедшим временем. Такой прием оживляет события и усиливает впечатление. Предшествующее действие иногда выражается деепричастием:

Лежучи у Ильи втрое силы прибавило.

Для выражений неожиданности употребляются обороты с **«как»:**

Как закричит — **как** заплачет! Мгновенность действия обозначается глагольными частицами, напр.: бух! бац! скок! хлоп!

Для обобщения употребляются безличные обороты с страдательным причастием вместо глагола:

В девках **сижено** — **плакано,**
Замуж **выдано** — вы́то (старая пословица).

В заключение краткого обзора особенностей народно-поэтического языка приведем высказывание Максима Горького о значении фольклора в развитии русского литературного языка.

Обращаясь к молодым писателям, М. Горький советовал им: «Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки, былины, сборники песен. Вникайте в прелесть народной речи, в строение фразы в песне, в сказке. Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту — чарующую силой, изумительную красоту определений. Эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, помогла мне ознакомиться с обаятельной красотой и богатством нашего языка». (1934 г. Сочин. т. 27)

A GENERAL OUTLINE OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FOLKLORE

(*English translation of the preceding article*)

The scientific term "folklore" designates popular oral literary works. In the present day the term "folklore" has acquired an international meaning, but it is English in origin and literally means popular creations or popular wisdom.

Among the works of Russian folklore (or popular oral literature) belong "byliny" or epics, tales, songs, charms, proverbs, sayings, riddles, "chastooshki" or short witty verses, and all sorts of stories and legends. Russian folklore existed in the remote past, even before the founding of Rus' as a state and the beginning of writing. Even with the spread of writing, popular oral creations continued to develop, and they are developing even today, exerting a notable influence on Russian literature and music.

From remote times there have existed among the Russian people many naturally gifted and talented people—poets, musicians, singers. In ancient days they were called "pesnotvortsy"

(similar to troubadours), "peselniki" (singers of folk songs), "skomorokhi" (mummers or buffons), "gudtsy" (pipers), "guslyary" (psaltery players), and "igretsy" (instrumentalists). They composed songs, "byliny," stories, performed them, and accompanied themselves on a "gusli" (psaltery) or some other musical instrument (such as a shawm, horn, or reed pipe). The works of these first poets and singers spread widely throughout the country and became the common property of the people. These works were usually passed on orally from one person to another and from one generation to the next. In this way, each new singer or storyteller ("skazitel") in passing on an old song or story often tried to embellish it himself and to reflect in it his own times and sometimes even his own feelings. In the course of time, therefore, there appeared various changes in the text of the same oral work, and different variants were composed, although the images and ideas of the work remained the same. On these grounds, folklore can be considered a collective creation, since to a large extent the various performers were themselves composers.

During its centuries-old existence, folklore has been composed of many different kinds of works, characterized by their contents and artistic peculiarities. The most famous types of Russian folklore are the songs, "byliny," stories, and also the proverbs, sayings, and riddles.

Popular songs were composed even in the most distant times and reflected the beliefs and life of the remote forefathers of the Russian people. Many ceremonial, wedding, work songs, etc., have come down to us today. All the pagan festivals, worshipping the forces of nature, were accompanied by rites and songs. Thus, for example, youth greeting the spring danced in a "khorovod" (a kind of circle dance) and sang "vesnyanki" (songs to spring), in which they praised "Vesna-Krasna" (the beautiful spring) and expressed a hope for bountiful crops:

Spring, beautiful spring,
Come, spring, joyfully,
Joyfully, joyfully,
With great grace,
With tall flax,
With deep roots,
With bountiful wheat.

For the winter festivals of "Kolyada" they sang "koliodki" and made offerings. Here is an example of an ancient "koliodka":

Good youths, fair maids
Sing a little "koliodka."
  Oi koliodka, oi koliodka.

In the middle sits an old man,
He sharpens his steel knife.
The hot cauldron bubbles.
Beside the cauldron stands a goat—
They want to slaughter it,
And throw it in the hot cauldron.
Oi koliodka, oi koliodka.

At weddings they sang special ceremonial songs—"svadebnye." In ancient times solemn and complicated ceremonies accompanied a wedding: the reception of matchmakers, the celebration on the nuptial eve, the bride's farewell to her friends, the groom's farewell to his friends and his freedom, the wedding trip, the wedding feast, etc. Appropriate songs were always sung throughout the whole ceremony. The wedding was transformed into a theatrical spectacle, and thus, people used the expression "to play a wedding."

Both bold, courageous songs and tender, lyric, love songs have been preserved among the people. They express the joy of meeting and the grief of parting, the joy of mutual love and the suffering for the dead. Such, for example, is this moving song of a young man about his bride's death:

Where are you, little star, where are you, bright one?
Where are you, young maid, where are you, fair one?
Have you abandoned your dear love?
And I with sorrow, with terrible anguish,
Walk in the field, in the open field.
Won't I see my bright little star?
Won't I meet my fair maid?
The gloomy storm clouds have covered the little star.
The cold earth has taken the young maid.

The language and poetic style of the ancient songs serve as models for the later songs, which traditionally use the same syntax, phraseology, metaphors, and epithets, as, for example, these invariable epithets: the dear bright sun, bright little stars, blue sea, open field, azure flowers, silky grass, good youths, fair maids. Also characteristic of all types of popular poetry is the repetition of the same words, carried on from one line to the next. This gives an impression of waves, one rolling over the other, and strengthens the expressive qualities of the language and images.

The "chastooshki" belong to a later type of popular song. A "chastooshka" is a short little song, usually consisting of four lines. Many "chastooshki" are characterized by their wit and humor and represent clever poetic answers to events of a social or everyday nature. The common features of popular poetry are also characteris-

tic of the "chastooshka": 1) parallelisms, consisting in comparisons of natural phenomena and human life:

O bushy birch tree,
There is no wind, and yet you rustle;
O my ardent little heart,
There is no sorrow, and yet you hurt.

2) repetitions, strengthening the expressiveness of the language:

Soon, soon the ice will melt,
Soon the rivulets will flow, . . .

3) trochaic meter, that is, a two-syllable foot with the stress on the first syllable:

Skó-ro, / skó-ro, / lyód ras- / tá-yet . . .
(Soon, soon the ice will melt)

The "byliny" occupy the most important place among the popular epic works. "Byliny" or "stariny" are tales that are sung about heroic warriors and the important events in the life of the people. The warriors are men of unusual strength and valor. They perform brave deeds in the defense of their country and people from the attacks of the enemy; they protect the weak from injury by the strong; they defend their Christian faith (although the presence of "dvoeverie" or double faith is often encountered in "byliny"; Christian beliefs are mixed with ancient pagan ones). "Byliny" can be divided into separate groups according to their content: the Kievan and the Novgorod. The Kievan "byliny" have a purely heroic character; they tell of the military exploits of the ancient Russian warriors (bogatyri). Ilya Muromets, Dobrynia Nikitich, and Alyosha Popovich. Novgorod "byliny" have a historical or topical nature; their heroes are the rich merchant Sadko and the dare-devil Vasilii Buslaevich. The Kievan and Novgorod warriors belong to the younger group of "bogatyri." To the older group belong Svyatogor, Volkh Vseslavevich, Volga Svyatoslavgovich, Mikula Selyaninovich. The older warriors were distinguished by their magical virtues and primordial strength. The best loved warrior of the Russian people was Ilya Muromets, a peasant's son. The "byliny" were first written down in the beginning of the eighteenth century. In 1804 the first collection of "byliny" were published, having been written down along the Ural Region and in Siberia by a Cossack, Kirshya Danilov. "Byliny" usually begin with a "zapev" (a striking-up) or a "zachin" (beginning); for example, the "zachin" in a "bylina" about Ilya Muromets is:

Who would tell us about the old times,
About the old times, about the things that occurred,
About that Ilya, about Muromets?

The "bylina" ends in an "iskhod" (ending):

Here they glorify Ilya

Composed in a special verse, the "byliny" are recited in a sing-song fashion. The verse of the "byliny" is composed metrically of two or three stresses, the last of which usually falls on the third from the last syllable. The verse is also called the Russian "narodnopevnyi," or folk song, verse. Characteristic traits of the "byliny" are the absence of rhyme and the strict maintenance of meter.

Popular tales are also one of the most ancient forms of folklore among all peoples. The tales tell of imaginary events, often of a fantastic nature. The idea of the tales is usually didactic. These popular tales have a great variety of content: animal tales, mythical tales, magical, topical, and moral tales, tales of social satire, etc. Under the influence of the popular tales, many Russian and foreign writers have composed "literary" tales. Such, for example, are the profound and highly artistic tales of Pushkin. Also excellent are the tales of Zhukovsky, those of Yershov ("The Little Humpbacked Horse"), the satirical ones of Saltykov-Schedrin, the didactic tales of Tolstoy, etc.

To the lesser forms of folklore belong the proverbs, sayings, and riddles. The proverbs are short, popular "aphorismy" often in verse, concerning various phenomena in life. The proverbs reflect the century-old experience of the people and their worldly wisdom. Usually the proverbs are composed of two parts: the first picturesquely describes the phenomenon, the second, the concluding precept:

Lubish katat'sya — lubi i sanochki vozit.
You enjoy riding, then enjoy pulling your sled.
(After the feast comes the reckoning.)
Vek zhivi — vek uchis'.
Live a century, learn a century.
(Live and learn.)

A saying is a picturesque expression, which aptly defines one or another phenomenon of life. Unlike proverbs, sayings are usually expressed in incomplete sentences and do not have a didactic conclusion:

Ne v brov', a v glaz
Not in the brow, but in the eye.
(Hit the nail on the head)
Kak sneg na golovu.
Like snow on your head.
(Like a bolt from the blue.)

Proverbs and sayings give speech color, aptness, and expressiveness.

Riddles are figurative, picturesque definitions of some kind of phenomenon or object:

Across a path two brothers live; neither one can see the other.
(Answer: the eyes)

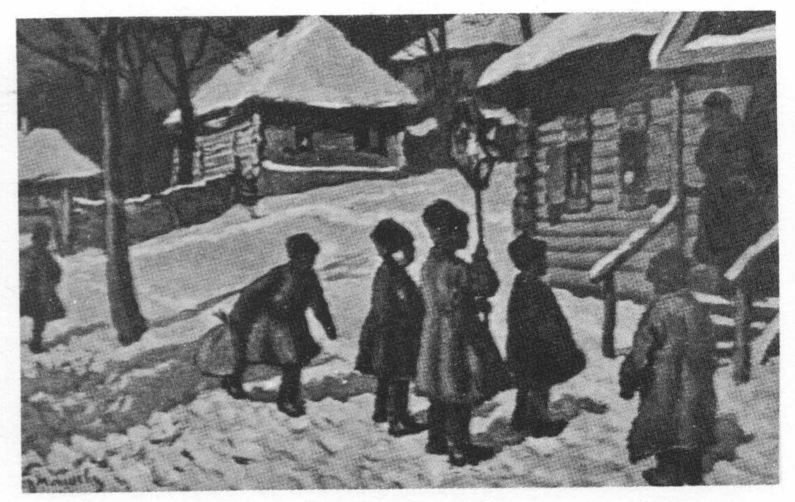
In ancient times riddles were employed in the performance of ceremonies or for testing a man's intelligence and quick wit.

One of the remarkable types of Russian popular poetry is the funeral lament, characterized by a profound lyricism in expressing a feeling of unconsolable grief. The poet N. A. Nekrasov reflects the strong influence of these laments in his peasant poems.

Charms make up another feature of Russian folklore, having come down to us from the most remote pagan times. Charms are combinations of special words, which had a special magical power according to the beliefs of the ancient Slavs. There are charms for illness, blood, wounds, and also for love, sorrow, and traveling. Charms are distinguished by an exceptional strength of expression and poetical feeling.

Russian folklore has inspired poets, writers, composers, and artist of the past, and its influence may be seen in contemporary art.

Русские народные праздники и обычаи*



Христославы

РУССКОЕ РОЖДЕСТВО**

Ру́сское Рождество́ пра́зднуется на 13 дней по́зже, чем на Западе. Это объяся́ется тем, что ру́сская Правосла́вная Це́рковь традицио́нно сохраня́ет ста́рый Юлиа́нский календа́рь. Таки́м о́бразом, 25-ое декабря́ по ста́рому сти́лю прихо́дится на 7-ое января́ но́вого сти́ля.

По ста́рому обы́чаю, ру́сский наро́д о́чень торже́ственно пра́здновал Свя́тки: так называ́ется вре́мя от Соче́льника до Креще́ния, то-есть от 24-го декабря до 7-го января (старого стиля). Осо́бенно до́лго сохраня́лись Рожде́ственские обы́чаи на Укра́ине, в Белору́ссии и по всему́ ю́гу Росси́и.

Сле́дуя церко́вным пра́вилам, в Соче́льник ру́сские лю́ди постя́тся весь день, пока́ на не́бе не появи́тся пе́р-

---

* See footnotes and vocabulary pages 59-63.

** See the material in English, page 277.

вая звезда́. Тогда́ семья́ садится за стол, стоя́щий под образа́ми (ико́нами). На столе́ на се́не стоя́т традицио́нные рожде́ственские блю́да: кутья́ и взвар («узва́р» в ю́жно-ру́сском произноше́нии). «Се́но» символизи́рует я́сли, в кото́рых лежа́л Младе́нец Иису́с. «Кутья́» — это разва́ренные зёрна пшени́цы, поли́тые мёдом; «взвар» — ва́рится из сушёных я́блок, груш, ви́шен, слив, изю́ма. Все блю́да на Рождественском ужи́не по́стные: подаётся борщ с гриба́ми, пироги́ с капу́стой, карто́фелем, фасо́лью; сту́день из ры́бы. Ужин (или «Рожде́ственская ве́черя») зака́нчивается кутьёй и взва́ром.

По́здно ве́чером раздаётся церко́вный звон, и семья́ идёт в це́рковь на Рожде́ственскую все́нощную. В города́х, по́сле богослуже́ния, в дома́х зажига́ют све́чи на ёлках, укра́шенных накану́не, по секре́ту от дете́й. В деревня́х э́того о́бычая нет; там рожде́ственских ёлок не устра́ивали.

По́сле богослу́жения, в деревня́х на у́лицах пока́зываются «христосла́вы». Это ма́льчики лет 10-12. Один впереди́ высоко́ несёт сде́ланную из золото́й бума́ги звезду́. На звезде́ наклее́на бума́жная ико́нка Рождества́ Христо́ва, а внутри́ звезды́ стои́т свеча́, освеща́ющая изнутри́ ико́нку и всю толпу́ ма́льчиков. Христосла́вы подхо́дят под о́кна домо́в и пою́т Рожде́ственские моли́твы и стари́нные «коля́дки». «Коля́дки» подо́бны англи́йским «Carols».

Ча́сто коля́дки зака́нчиваются восхвале́нием хозя́ев и пожела́нием им благополу́чия: как, наприме́р, в стари́нной моско́вской коля́дке:

«Здра́вствуй, хозя́ин с хозя́юшкой
И со все́ми гостя́ми приходя́щими!
Хозя́ин во дому́ —
Как Ада́м в раю́,
Хозя́юшка во дому́,
Что мали́нка в саду́,
Ма́лы де́ти во дому́
Ро́вно пчёлки во меду́.
Здра́вствовать хозя́евам!»

Хозя́ева до́ма даю́т христосла́вам конфе́ты, пря́ники, оре́хи, ме́лкие де́ньги.

На Новый Год, рано утром, в деревнях дети ходили по домам соседей, посыпали пол овсом и пели овсеневые песни с пожеланием хозяевам дома обильного урожая в наступающем году. Овсеневые песни заканчивались величанием хозяину и всей его семье.

Таки́е Рожде́ственские обы́чаи соблюда́лись в ста́рой России до 1917 г., а в отдалённых деревня́х, возмо́жно, соблюда́ются и тепе́рь.

I. СВЯТОЧНЫЕ ПЕСНИ

1. Колядовые песни

а) За реко́ю, за быстро́ю,
Ой колио́дка, ой колио́дка!
Леса́ стоя́т дрему́чие;
В тех леса́х огни́ горя́т,
Огни́ горя́т вели́кие;
Вокру́г огне́й скамьи́ стоя́т,
Скамьи́ стоя́т дубо́вые;
На тех скамья́х добры́ мо́лодцы,
Добры́ мо́лодцы, кра́сны де́вицы
Пою́т пе́сни колио́душки.
Ой колио́дка, ой колио́дка!
В середи́не их стари́к сиди́т,
Он то́чит свой була́тный нож.
Котёл кипи́т горю́чий,
Возле́ котла́ козёл стои́т —
Хотя́т козла́ заре́зати.
Ой колио́дка, ой колио́дка!
Козла́ того́ заре́зати,
Во котёл горю́чий вки́нути.
Ой колио́дка, ой колио́дка!

б) Приходи́ла коляда́
Наперёд Рождества́
Виногра́дье кра́сно-зелёное моё!

(Этот припев повторяется после каждых двух стихов)

Напáла порóша[1]
Снéгу бéленького.
Как по этой по порóше
Гýси, лéбеди летéли.
Колядóвщики, недорóсточки
Крáсны дéвушки,
Сочúли, искáли Ивáнова дворá.
А Ивáнов двор
Ни блúзко, ни далёко, —
На семú столбáх;
Вокрýг э́того дворá
Тын[2] серéбряный стоúт;
Вокрýг э́того тынá
Всё шелкóвая травá;
На кáждой тынúнке
По жемчужúнке.
Во э́том во тынý
Стоя́т три тéрема,
Златовéрхие:
Во первóм теремý —
Свéтел мéсяц,
Во вторóм теремý —
Крáсно сóлнышко,
В третьём теремý —
Чáсты звёздочки.
Свéтел мéсяц —
То хозяúн во домý;
Крáсно сóлнышко —
То хозя́юшка;
Чáсты звёздочки —
Мáлы дéточки.

в) Виногрáдье крáсно-зелёное!
Ещё хóдят же ребя́та-колядóвщики.
Виногрáдье крáсно-зелёное!

(Припев после каждого стиха)

Ещё úщут же ребя́та госудáрева дворá,
Госудáрев-то дворéц середú Москвы́ стоúт,

Середи́ Москвы́ стои́т, серёдь я́рмарки.
А вокру́г его́ двора́ стои́т желе́зный тын,
А на ка́ждой тыни́нке по ма́ковке,
Что по ма́ковке и по золото́му кресту́.
А сам то госуда́рь, как све́тел ме́сяц взошёл,
А сама́ то госуда́рыня, как у́тренняя заря́,
Ма́лы де́точки — ча́сты звёздочки,
Сам то госуда́рь на крыле́чко выходи́л,
На крыле́чко выходи́л и по ру́блику дари́л.
А сама́ то госуда́рыня по полти́не дари́ла,
Ма́лы де́точки по копе́ечке.

г) Пришла́ коляда́
Накану́не Рождества́,
До́йте коро́вку,
Ма́сляну голо́вку,
А дай Бог тому́,
Кто в э́том дому́,
Ему́ рожь густа́
Рожь ужи́ниста!
Ему́ с ко́лосу осьми́на,
Из зерна́ ему́ коври́га,
Из полузерна́ — пиро́г.
Надели́л бы вас Госпо́дь
И житьём, и бытьём,
И бога́тством,
И созда́й вам, Го́споди,
Ещё лу́чше того́.

*2. Овсеневые песни**

Овсе́нь, овсе́нь!
Ты ходи́л, ты гуля́л
По круты́м гора́м,
По святы́м вечера́м.

Овсе́нь, овсе́нь!
Ты лета́л, ты порха́л,
К Филимо́ну на двор
Ко Проко́фьевичу.

---

* Овсень — бог урожая, у древних славян.

Овсéнь, овсéнь!
Ты сыскáл, угадáл
На ширóком дворé
Полны́ вёдра винóм.

Овсéнь, овсéнь!
У хозя́йна двор
Осушён, омощён,
Чи́сто вы́метен.

Овсéнь, овсéнь!
По среди́не Москвы́
У хозя́йна двор
Воротáми красен.

Овсéнь, овсéнь!
У Прокóфьича двор
Весь ты́ном затынён
Серебрóм обнесён.

(Если хозяин щедро награждает певцов, то они начинают весело плясать под песню и присвистывать:)

На дворé у Филимóна
Три тéрема стоя́т:
Высóкие теремá
О двенáдцати венцáх.
Филимóн — сýдарь хорóш,
Свет Прокóфьевич пригóж.

Овсéнь, овсéнь!
Свет Прокóфьевич пригóж.

(Если хозяин приглашает певцов в избу, то они входят с величальными припевами:)

Пéрвый тéрем — свéтел мéсяц
Другóй тéрем — крáсно сóлнце
Трéтий тéрем — чáсты звёзды.
Свéтел мéсяц — хозя́ин сам
Крáсно сóлнце — хозя́юшка
Чáсты звёзды — их дéтушки.

3. Величальные песни

Сла́ва Бо́гу на не́бе,
Сла́ва!
Госуда́рю на́шему на се́й земле́,
Сла́ва!
Что́бы на́шему госуда́рю не ста́риться,
Сла́ва!
Его цве́тному пла́тью не изна́шиваться,
Сла́ва!
Его до́брым коня́м не изъе́зживаться,
Сла́ва!
Его ве́рным слуга́м не изме́ниваться,
Сла́ва!
А э́ту пе́сню мы хле́бу поём,
Сла́ва!
Хле́бу поём, хле́бу честь воздаём,
Сла́ва!

4. Святочные игровые песни

Как и но́нче у нас святы́е вечера́ пришли́,
Святы́е вечера́ пришли́, святы́е и́грища;
Все мои подру́жки на и́грища ушли́,
На и́грища ушли́ — по двора́м наря́дные хо́дят,
А я, кра́сна де́вица, до́ма заме́шкалась,
До́ма заме́шкалась, ра́ботой заняла́сь!
Ой свя́тки, да святы́е вечера́!
Ой дид, ой ла́да моя![1]
Ой все де́вки на у́лицу ушли́,
Ой дид, ой ла́да моя́!
Одна́ я то заме́шкалась, во дому́ сижу́,
Ой дид, ой ла́да моя́!
Как на у́лицу и я пойду́,
С кра́сными де́вицами игру́ заведу́
Ой дид, ой ла́да моя́!
Как но́нче у нас свя́тки пришли́,
Свя́тки пришли́, святы́е и́грища
Для подру́женек — гуля́нье да раздо́льице,
Ой дид, ой дид,
Ой ла́да моя́!

НОВОГОДНИЕ И КРЕЩЕНСКИЕ ГАДАНЬЯ*

Под Новый Год и под Крещенье молодые девушки гадают о своей судьбе. Гаданья очень разнообразны, но цель их одна: будет ли девушка счастлива в любви?, выйдет ли она замуж в будущем году? — за кого? Обычно девушки, собравшись поздно вечером в доме одной из подруг, расстилают на столе белую скатерть, ставят глубокое блюдо или чашу с водой, опускают в воду свои кольца, серьги, монеты, затем покрывают блюдо полотенцем и хором поют «подблюдные песни». Под пение, каждая девушка по очереди вынимает из чаши какую-нибудь вещь... Символическое значение имеют слова песни, под которые девушке пришлось вынуть что-нибудь из чаши. Слова в песне могут предсказывать счастливую любовь, скорое замужество, богатство, но могут выражать и печаль, неудачу в любви, болезнь и даже смерть. Символическое значение имеет и вынутая вещь: кольцо означает замужество, деньги — богатство.

Другое гаданье: девушки топят над огнём воск и затем выливают его в холодную воду; воск затвердевает и принимает какую-то форму. По полученной форме разгадывают будущее.

Или такое гаданье: в стакан с водой опускают обручальное кольцо и пристально смотрят в кольцо, не появится ли в нем какая-нибудь фигура; если девушка увидит мужскую фигуру, то значит, она в этом году выйдет замуж. Подобно этому гадание на зеркале: девушка садится перед зеркалом и по бокам его ставит две зажжённые свечи; потом долго смотрит в зеркало, чтобы увидеть своё будущее. В полночь девушка-гадальщица выбегает на улицу и у первого прохожего спрашивает имя. Его имя предсказывает ей имя будущего жениха. Вообще, существует множество гаданий, и обычай гадания до сих пор не забыт русскими девушками. О гаданиях очень хорошо писали наши поэты: А. С. Пушкин описал гадание Татьяны в «Евге-

* See the material in English, page 278.

нии Оне́гине», а В. А. Жуко́вский — гада́ние де́вушек в балла́де «Светла́на»:

Раз в Креще́нский вечеро́к
Де́вушки гада́ли.
За воро́та башмачо́к,
Сняв с ноги́, броса́ли.
Снег поло́ли, под окном
Слу́шали, корми́ли
Счётным ку́рицу зерно́м,
Ярый воск топи́ли,
В чашу́ с чи́стою водо́й
Кла́ли пе́рстень золото́й,
Се́рьги изумру́дны.
Расстила́ли бе́лый плат,
И над ча́шей пе́ли в лад
Пе́сенки подблю́дны.

Подблюдные песни

а) Хороне́ние зо́лота.
Хор:
И я зо́лото хороню́, хороню́,
Чи́сто се́ребро хороню́, хороню́,
Я у ба́тюшки в терему́, в терему́,
Я у ма́тушки в высо́ком, в высо́ком.
Гада́й, гада́й, де́вица; отга́дывай кра́сная:
В како́й руке́ бы́лица?[5]
Змеи́ные кры́лица?

Девушка в кругу

И я ра́да бы гада́ла,
Кабы́ зна́ла, ве́дала!
Че́рез по́ле идучи́,
Ру́су ко́су плетучи́,
Шёлком первива́ючи,
Зла́том приплета́ючи . . .
Ах вы, ку́мушки; вы, голу́бушки,
Вы скажи́те, не ута́йте,
Моё зо́лото отда́йте!

Хор:
Пал, пал пéрстень
В калúну, в малúну,
В чёрную сморóдину...
Дéвушки гадáли
Да не отгадáли...
Нáше зóлото пропáло,
Чúстым пóрохом[6] запáло.
Молодáйка, отгадáй-ка!

б) Исýс Христóс у ворóт стоúт;
Он с хлéбом, с сóлью, со скáтертью,
Со скотúнкою, с животúнкою.
Слáва Дéвы, Слáва!
Комý вы́нется,
Томý сбýдется, —
Не минýется.
Слáва, Слáва!

в) Катúлось колéчко
По бáрхату,
Прикатúлось колéчко
По я́хонту.

Комý вы́нется,
Томý сбýдется, —
Не минýется.
Слáва, Слáва!

г) За коры́том сижý,
Коры́сти себé жду;
Ещё посижý,
Ещё подождý.

Комý вы́нется,
Томý сбýдется, —
Не минýется.
Слáва, Слáва!

МАСЛЕНИЦА

После Святок приходит «широкая русская» Масленица. На Масленицу традиционно русские люди ели блины с маслом, катались на санках с ледяных гор или на тройках с бубенцами, рядились в маскарадные костюмы, чаще всего в медведя, волка и других зверей, и пели песни о проводах Зимы и о встрече Весны:

«Зима, зима лютая,
Прошла твоя пора,
Убирайся со двора...
Весна, весна красная,
Приди весна с радостью,
С радостью, с весельем,
С тёплою погодою...

ПРИЛЕТ ЖАВОРОНКОВ

А после Масленицы прилетают жаворонки — первые весенние птицы. Прилёт жаворонков празднуется 22-го марта. В этот день пекут «жаворонков», то-есть делают из теста фигурки птички с острым клювом, и втыкают изюминки на место глаз. Но веселья в этот день не бывает, так как «прилёт жаворонков», обычно совпадает с Великим постом.

Самое большое веселье наступает на праздник Пасхи и на Красной Горке.

ПАСХА У РУССКИХ*

Православная Пасха празднуется в первое воскресенье после полнолуния, следующего за весенним равноденствием. Пасхе предшествует семинедельный пост, который начинается в понедельник, а не в среду, как это принято на Западе. Пост очень строгий. В посту значительно увеличивается число богослужений в церквах. Все они совершенно особенные по своей духовной глубине и обрядам. На всенощной перед Вербным Воскресеньем прихожане стоят с веточками вербы и с горящими

* See the material in English, page 279.

свечами в руках. Это обычай чисто русский. На Западе Вербному Воскресению соответствует праздник «Palm Sunday»; в России пальмы не растут, зато много вербы, которая к этому времени пышно распускается, покрываясь листочками и пушистыми сережками.

Другое важное Богослужение, которое вошло в ряд народных обычаев, — совершается вечером в Великий Четверг на Страстной Неделе, с евангельскими чтениями о страданиях Христа. Все молящиеся стоят на коленях с зажженными свечами. Эта служба называется — Страсти Господни или Двенадцать Евангелий. По окончании Богослужения никто не тушит своей свечи, а все несут огонь домой для дого, чтобы зажечь лампаду перед иконой и копотью от огонька изобразить знак креста на дверях. Страстной огонь несут в разноцветных фонариках, и в ночной темноте это представляет очень красивое и торжественное зрелище.

Самое празднование Пасхи начинается в двенадцать часов ночи с субботы на Воскресенье. Все собираются в церкви в половине двенадцатого и приносят с собой куличи, сырную пасху и крашеные яйца для освящения.

Перед двенадцатью часами ночи священники, хор и прихожане с иконами и хоругвями три раза обходят вокруг храма с Пасхальными песнопениями. Ровно в полночь Священник первый раз произносит «Христос Воскресе» перед закрытыми дверьми церкви, после этого все входят в храм и начинается самое торжественное Богослужение, которое называется Светлой Заутреней. Это Богослужение состоит, главным образом, из пасхальных гимнов, положенных на музыку знаменитыми духовными композиторами. После заутрени священник освящает куличи. Это очень красочный обряд. Прихожане ставят свои корзинки с куличами, сырной пасхой и крашеными разноцветными яйцами на землю вокруг церкви. В куличи вставляют свечи, которые зажигаются во время освящения, и огоньки блестят в темноте пасхальной ночи. Тут же в церкви начинаются поздравления с Праздником: все христосуются; это значит, что приветствующий говорит: «Христос Воскресе». Привет-

ствуемый отвечает «Воистину Воскресе» и оба трижды целуют друг друга в обе щеки. Обычно при этом христосующиеся дарят друг другу крашеные яички. По русскому обычаю, пасхальные яйца расписываются многоцветными узорами и называются писанками.

Пюсле Светлой Заутрени служится Пасхальная Литургия. Возвращаются домой только в пять, шесть часов утра. По приходе домой из церкви все разговляются куличем и красным яйцом, и в первый раз после строгого поста едят освященную скоромную пищу.

У православных Пасха считается самым главным Праздником в году, и торжество настолько вошло в народный быт, что принято и мертвым нести радость Воскресения. Во вторник, на второй неделе после Пасхи, на кладбищах служат панихиды и поют пасхальные песнопения. На могилы близких кладут крашеные яйца и куличи, в знак христосования с умершим. Этот день с древних времен называется Радоницей. (Радость для всех: живых и мертвых). Фомина неделя, следующая за Пасхальной, называется, по древнему обычаю, Красной Горкой. Это неделя свадеб. Свадьба на Красной Горке считается издревле самой счастливой.

II. ВЕСЕННИЕ ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

ВЕСНЯНКИ

Приветственные веснянки

Весна́, весна́ красна́!
Что ты нам принесла́?
  Кра́сное ле́течко.
  — Тёплое вре́мечко.
Весна́, весна́ кра́сная!
Приди́, весна́ с ми́лостью,
С ми́лостью, с бла́гостью,
С со́лнышком, с вёдрышком,
С тра́вушкой, с мура́вушкой.
  Со́лнышко, вёдрышко,

Вы́гляни в око́шечко!
Твои́ де́тки пла́чут...
Со́лнышко, покажи́сь,
Кра́сное, снаряди́сь!

Приди весна...

Приди́ весна́ с ра́достью,
С ра́достью, с бла́гостью,
С вели́кой ми́лостью,
Со льно́м высо́ким,
С ко́рнем глубо́ким,
С хле́бами оби́льными.

Веснянки о любви

Ох ты, ма́тушка весна́,
Что нам, ра́дость, принесла́?
— Принесла́ я вам весну́,
Кра́сным, де́вкам сухоту́,
До́бру мо́лодцу печа́ль.
Почему́ са́дик завя́л?
— До́брый мо́лодец гуля́л
На своём добро́м коню́,
На черка́сскому седлу́.
Ох ты, конь вороно́й,
Стрепени́ся подо мно́й!
Марья́нушка молода́
С острога́[7] коня́ вела́
За шёлковы повода́,
Золочёны стремена́!

Веснянки об уходе зимы и приходе весны с дарами

Благослови́, Бо́же,
Благослови́, Христо́с,
Нам весну́ зача́ти,
А зиму прокля́сти!
Ой весна́ красна́,
Тёпло ле́течко!
Что нам вы́несла?

— Ко́роб жи́тушка,
Два — пшени́чушки,
Ма́лым де́тушкам
По яи́чушку,
Кра́сным де́вушкам —
По перстенёчку,
Молоды́м моло́душкам —
По детёнышку,
Ста́рым лю́дям
По рублёвику.

Веснянки о первом вылете пчел

Ты пчёленька,
Пчёлка я́рая!
Ты вы́лети за́ море,
Ты вы́неси клю́чики,
Клю́чики золоты́е.
Ты замкни́ зи́мыньку,
Зи́мыньку студёную!
Отомкни́ ле́течко,
Ле́течко тёплое,
Ле́течко тёплое,
Ле́то хлеборо́дное!

О прилете жаворонков

Лете́л кули́к
Из-за мо́ря,
Принёс кули́к
Де́вять замко́в.
Кули́к, кули́к,
Замыка́й зиму́,
Отпира́й весну́,
Тёплое ле́то.

Эта песня пелась в день прилета жаворонков 9-го марта. Жаворонки иначе назывались «кулики».

Веснянки при первом весеннем дождике

До́ждик до́ждик, припусти́!
Полива́й, дождь, на ба́бину рожь,
На де́дову пшени́цу,
На де́вкин лён
Полива́й ведро́м.

До́ждик, до́ждик, припусти́
Посильне́й, поскоре́й,
Чтоб всем ста́ло веселе́й!

СЕМИК И РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ

Весной, в ста́рые, до-христиа́нские времена́ славя́не пра́здновали Семи́к и Руса́льную Неде́лю.

В э́ти весе́нние пра́здники де́вушки и молоды́е лю́ди шли в лес, выбира́ли стро́йную, кудря́вую берёзку и «завива́ли» её, то-есть: обвива́ли ствол ле́нтами, а ве́тви украша́ли цвета́ми и разноцве́тными бу́сами. Пото́м де́вушки собира́ли в лесу́ цветы́ и плели́ венки́. За э́той рабо́той они́ пе́ли Семи́цкие пе́сни, воспева́я славя́нское божество́ Ди́до-Ла́до — покрови́теля любви́ и бра́ков:

Весна́ Красна́ пришла́,
Кра́сны дни привела́!
    Ай Ди́до, ой Ла́до!
Пришла́ пора́ цветы́ срыва́ть
И венки́ завива́ть.
    Ай Ди́до, ой Ла́до!
А мы в лес пойдём
И цвето́в сорвём. . .
    Ай Ди́до, ой Ла́до!
И цвето́в сорвём,
И вено́к совьём!
    Ай Ди́до, ой Ла́до!

Сплетя́ венки́, де́вушки надева́ли их на го́лову себе́ и молоды́м лю́дям, и все сади́лись пирова́ть под «зави́тую» берёзу.

На пиру́шке де́вушки пе́ли, обраща́ясь к белоство́льной берёзке:

Берёза, моя́, берёзонька,
Берёза моя́ бе́лая,
Берёза моя́ кудря́вая!

Стои́шь ты, берёзонька,
Посреди́ доли́нушки.
Под тобо́й, берёзонька,
Трава́ шелко́вая.

Близ тебя́, берёзонька,
Краса́вицы-де́вицы,
Да удалы́-мо́лодцы,

Сла́дки ре́чи говоря́т,
Хме́льно пи́во, бра́гу пьют,
Пе́сни зво́нкие пою́т...

По́сле пирова́ния, молодёжь станови́лась в круг, окружа́ла берёзку, и води́ла хорово́ды до по́здней но́чи под пе́ние хорово́дных пе́сен:

Во поле́ берёзонька стоя́ла,
Во поле́ кудря́вая стоя́ла.
    Ай-Люли́, ай-Люли́, ай-Люли́!
Не́кому берёзу залома́ти,
Не́кому кудря́ву залома́ти.
    Ай-Люли́, ай Люли́ и т. д.

Но́чью де́вушки снима́ли венки́ и ве́шали их на ве́тки берёзы, для руса́лок. По дре́вне-славя́нскому ве́рованию, в э́ту ночь выходи́ли из рек руса́лки, с дли́нными зелёными волоса́ми, сади́лись на ве́тки и кача́лись на них. На у́тро сле́дующего дня, де́вушки приходи́ли опя́ть в лес, снима́ли венки́, надева́ли их и шли к реке́ гада́ть о своей судьбе́.

Придя́ на бе́рег, они́ запева́ли пе́сню:

Как пойду́ ли я тишко́м
Лужко́м-бережко́м,
Ай-Люли́, люли́, лужко́м-бережко́м.
Как сломлю́ я молода́,
Со сыра́ дуба́
Ги́бку ве́точку,
Бро́шу ве́точку на бы́стру ре́ченьку.
Ай-Люли́, люли́ на бы́стру ре́ченьку...
Понеси́ ты, бы́стра ре́ченька,
Мою́ берёзову ги́бку ве́точку
Понеси́ в ту сторо́нушку,
Где до́брый мо́лодец живёт...

При э́тих слова́х де́вушки броса́ли свои́ венки́ в во́ду и гада́ли: е́сли вено́к прибьёт к бе́регу — зна́чит де́вушка в э́том году́ вы́йдет за́муж и прито́м в ту сто́рону, куда́ приста́л её вено́к. Если вено́к поплывёт по тече́нию, — зна́чит де́вушка вы́йдет за́муж в далёкую сто́рону. Если же вено́к пото́нет, — э́то бы́ло злове́щее предзнаменова́ние сме́рти.

Таковы́ бы́ли дре́вние обы́чаи, и мно́гие из них дошли́ почти́ до на́шего вре́мени. Так, наприме́р, де́вушки и тепе́рь лю́бят украша́ть себя́ венка́ми, и совсе́м неда́вно ещё ходи́ли к реке́, что́бы по венка́м гада́ть о своей судьбе́. В бо́лее по́здние времена́ э́ти весе́нние пра́здники совпа́ли, по календарю́, с христиа́нским пра́здником Тро́ицы. Сле́дуя ста́рому обы́чаю, ру́сский наро́д на Тро́ицу украша́л свои́ жили́ща молоды́ми берёзками и цвета́ми, а полы́ в до́ме посыпа́лись души́стой весе́нней траво́й. Таки́м о́бразом, пра́здник Тро́ицы был и пра́здником Весны́.

Стари́нное пове́рье о руса́лках, выходя́щих из воды́ в ма́йскую Руса́льную неде́лю, о́чень я́рко пе́редано в по́вести Н. В. Го́голя «Ма́йская Ночь». По сюже́ту э́той по́вести компози́тор Ри́мский-Ко́рсаков написа́л о́перу под тем же назва́нием, «Ма́йская Ночь».

III. ПЕСНИ СЕМИЦКИЕ И ТРОИЦКИЕ

1. Песни на Троицу. Завиванье венков

Благослови́, Тро́ица, Богоро́дица,
Нам в лес пойти́,
Нам венки́ завива́ть.

Ай Ди́до, ой Ла́до!

Нам венки́ завива́ть
И цветы́ сорыва́ть.

Ай Ди́до, ой Ла́до!

А мы в лес пойдём,
И цветы́ сорвём.

Ай Ди́до, ой Ла́до!
И цветы́ сорвём,
И венки́ совьём.

Ай Ди́до, ой Ла́до!

2. Песни на Семик. Завиванье березы

Берёза моя, берёзынька,
Берёза моя бе́лая,
Берёза моя кудря́вая!
Стои́шь ты, берёзынька,
Осере́дь доли́нушки;
На тебе́, берёзынька,
Ли́стья бума́жные;
Под тобо́й, берёзынька,
Трава́ шелко́вая,
Близ тебя́ берёзынька
Кра́сны[8] де́вушки
Семи́к[9] пою́т
Под тобо́ю, берёзынька,

Кра́сны де́вушки
Вено́к плету́т;
Тебя́, берёзынька, завива́ют,
Ле́нтами шелко́выми обвива́ют...
. . . .
То не бе́лая берёзынька
К земле́ кло́нится;
Не зелёная тра́вонька
Под ней расстила́ется,
Не ле́нты шелко́выя
От ве́тру развива́ются, —
Под э́той берёзынькой
С краса́вицей де́вушкой
Удал-мо́лодец разгова́ривает.

(После «завивания березы» и плетения венков, молодые люди «кумятся» (целуются) через венок со словами: «Здравствуй, кум и кума!» Затем садятся в венках под «завитой» (обвитой лентами и бусами) березой и пируют. После пирушки начинают водить хороводы вокруг березы с песнями)

3. Хороводные песни

Не до́ждик берёзку обмыва́ет:
Здесь, в ро́ще, де́вок прибыва́ет.
Ска́чьте, пляши́те, кра́сны де́вки.
А вы, холосты́е, погляди́те!
С гуля́нья вам де́вушек не взя́ти!
А взять ли, не взять ли с до́брой во́ли,
По ба́тюшкиному повеле́нью.
По ма́тушкиному благослове́нью,
По неве́стиному рукоде́лью.

(Потом на средину хоровода выходит одна девушка, а остальные поют:) —

Ай во́ поле ли́пынька стоя́ла;
Во́ поле кудря́вая стоя́ла;
Под ли́пою бел шатёр,
В том шатре́ стол стои́т,
За тем столо́м деви́ца,
За тем сиди́т кра́сная,

Шьёт ширúнку[10] зóлотом,
Нúжет уздý жéмчугом.
Ехал мúмо мóлодец:
«Бог на пóмощь, дéвица!
Бог на пóмощь, крáсная!
Ширúнку шить зóлотом,
Низáть уздý жéмчугом!»

(Парни спрашивают:) —

«Не мне ли ширúнку?
Не моемý ль конѝо уздéчка?»

(Девушки отвечают:) —

Не по мóлодцу ширúнка,
Не по твоём конѝо уздéчка! —
Русáлка — царúца,
Крáсная девúца,
А мы тебé клáняемся,
До землú нагибáемся.
Мы пойдём, девúцы,
Во лугá гулять,
Ай — люлú, люлú,[11] во лугá гулять!
Во лугá гулять,
Венкú завивáть,
Ай — люлú, люлú, венкú завивáть,
Мы завьём венóчки
На все крáсны денёчки.
Ай — люлú, люлú, на крáсны денёчки!

4. Гаданье на Троицу

Благословú, Трóица, Богорóдица,
Нам венóк сплестú.
Ай — люлú, люлú, нам венóк сплестú!
Свёкру-бáтюшке,
Свекрóви-мáтушке!
Свёкру-бáтюшке — малúновый,
Свекрóви-мáтушке — калúновый.
Ай — люлú, люлú, калúновый!

А мне, молодо́й,
С ги́бкой ве́точки,
Ай — люли́, люли́, с ги́бкой ве́точки!
Да пойду́-ль я тишко́м,
Лужко́м — бережко́м,
Ай — люли́, люли́, лужко́м-бережко́м!
Сломлю́ со сыра́ ду́ба ве́точку,
Бро́шу на быстру́ ре́ченьку,
Ай — люли́, люли́, на быстру́ ре́ченьку!

(При пении этой песни, девушки бросают венки в воду. Если гадание предсказывает неудачный брак, то хор поет:) —

Да грозна́, грозна́
Громова́я ту́ча!
Ай — люли́, люли́, громова́я ту́ча!
Грозне́й того́ нет, —
Ко мне свёкор е́дет.
Ай — люли́, люли́, ко мне свёкор е́дет!
Ко мне свёкор е́дет
Со лю́тою свекро́вью!
Ай — люли́, люли́, со лю́тою свекро́вью!
Вы мости́те мосты́, —
Гнилы́я коло́ды.
Ай — люли́, люли́, гнилы́я коло́ды!
Забива́йте гво́зди, —
Ело́выя ши́шки.
Ай — люли́, люли́, ело́выя ши́шки!
Что́бы мост обломи́лся,
Лю́тый свёкор провали́лся!
Ай — люли́, люли́, свёкор провали́лся!

5. *Летняя игровая песня*

Девушки и парни становятся в два ряда друг против друга. Хор девушек поет:

I А мы про́со се́яли, се́яли.
(Хор парней отвечает)
II А мы про́со вы́топчем, вы́топчем.
I А мы топта́ть не дади́м, не дади́м.

II А мы коне́й вы́пустим, вы́пустим.
I А мы коне́й переймём, переймём.
II А чем же вам переня́ть, переня́ть?
I А шелко́вым по́водом, по́водом.
II А мы по́вод разорвём, разорвём.
I А мы коне́й в сто́йло запрём, запрём.
II А мы коне́й вы́купим, вы́купим.
I А чем же вам вы́купить, вы́купить?
II Мы сто рубле́й вам дади́м, вам дади́м.
I А нам ста рубле́й не на́до, не на́до.
II Мы дади́м вам ты́сячу, ты́сячу!
I Нам и ты́сячи не на́до, не на́до!
II Мы дади́м дров костёр, дров костёр.
I А нам дров не на́до, не на́до:
У нас и́збы сто́плены, сто́плены.
II Мы дади́м лык пучо́к, лык пучо́к.
I И лык нам не на́до, не на́до;
У нас ла́пти спле́тены, спле́тены.
II Мы дади́м вам мо́лодца, мо́лодца.
I Нам и мо́лодца не на́до, не на́до.
II А нам на́до кра́сну де́вицу, кра́сную . . .

(При этих словах одна из девушек переходит на сторону парней и становится за одним из них. После этого девушки поют:) —

I У нас в полку́ у́было, у́было.
II А в на́шем полку́ при́было, при́было.

Пение двух хоров продолжается, пока все девушки не перейдут на сторону парней. Тогда парни и девушки берутся за руки и ведут хоровод.

IV. ПЕСНИ НА ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ*
(23 апреля)

Мы вокру́г по́ля ходи́ли —
Его́рья оклика́ли. . .
«Его́рий ты наш хра́брый,
Ты спаси́ на́шу скоти́нку

---

* Св. Георгий, или по-народному Егорий, считался в древней Руси покровителем стад (как бог Велес в до-христианские времена).

В по́ле и за по́лем,
В лесу́ и за ле́сом,
Под све́тлым, под ме́сяцем,
Под кра́сным со́лнышком,
От волка́, от хи́щного,
От медве́дя лю́того,
От зве́ря лука́вого.

ПРАЗДНИК КУПАЛЫ

Среди́ ру́сского наро́да до́лго сохраня́лся, пра́здник Купа́лы с стари́нными обря́дами и пе́снями.

В э́тот день славя́не прославля́ли божество́ со́лнца Яри́лу и божество́ Купа́лу, кото́рый счита́лся покрови́телем бра́ков.

Заключе́ние бра́ков происходи́ло, как и на Кра́сной Го́рке, при восхо́де со́лнца. По ве́рованиям славя́н, в э́тот моме́нт бог Яри́ла, окружённый а́лой зарёй, появля́ется на не́бе, и свои́ми пе́рвыми луча́ми благословля́ет молоды́е па́ры.

День Купа́лы пра́здновался в са́мый разга́р ле́та, когда́ со́лнце достига́ет наибо́льшей си́лы и дни са́мые дли́нные.

Пра́здник Купа́лы в христиа́нские времена́ был приуро́чен ко дню пра́зднования Иоа́нна Крести́теля (24-го ию́ня) и поэ́тому наро́д стал называ́ть э́тот дре́вний пра́здник объединённым назва́нием: Иван Купа́ла.

По обы́чаю пре́дков, в ночь на 24-ое ию́ня (7-ое ию́ля но́вого сти́ля) молодёжь разводи́ла костры́ и пры́гала́ че́рез них. Че́рез ого́нь переводи́ли та́кже и дома́шний скот. Это бы́ли дре́вние ве́рования в очисти́тельную си́лу огня́, даю́щую здоро́вье и си́лу.

Но́чью молоды́е лю́ди ходи́ли в лес иска́ть цвето́к па́поротника. По преда́нию, в э́ту ночь па́поротник расцвета́ет о́гненным цве́том и помога́ет оты́скивать кла́ды зо́лота, скры́тые в земле́. Кла́ды охраня́ются нечи́стой си́лой (ве́дьмами, бе́сами). Направля́ясь в лес на по́иски кла́да,

молодёжь пéла пéсню, обращáясь к Купáле, как к владéльцу клáдов:

Купáла, нáш Купáла,
Дай нам котлы́ зóлота,
Котлы́ зóлота, мешóк серебрá...
Сорвý я папорóтинку,
Найдý клад серебрá-зóлота,
Бýду богáч-богаты́рь
На весь мир.

В послéдний раз в годý, в день Ивáна Купáла, молодёжь води́ла хоровóды и игрáла в вы́бор невéсты. Дéвушки станови́лись в круг и пéли:

Я полю́, полю́ капýсту,
Полю́ бéленькую
Полю́ бéленькую, полубéленькую...
У когó капýсты нет,
Приходи́ в мой огорóд,
Приходи́ в мой огорóд,
Во деви́чий хоровóд,
Капýсту поливáть,
Сам деви́цу выбирáть.

При э́тих словáх пáрень, ходи́вший вокрýг хоровóда, вхóдит внутрь крýга, обхóдит дéвушек и останáвливается пéред однóй из них.

В э́то врéмя дéвушки пою́т:

...Подойди́, корóль, побли́же,
Поклони́сь, корóль, пони́же,
Поцелýйся помилéе,
Улыбни́ся понежнéе.
Ты возьми́ её за рýчку,
Поведи́ её с собóю,
Назови́ её женóю...

Под пéние э́той пéсни пáрень клáняется дéвушке, берёт её зá руку, вывóдит ее на среди́ну хоровóда и целýет.

V. ПЕСНИ НА ИВАНА-КУПАЛА

Купальская песня о папоротнике и о кладе

Купа́ла, наш Купа́ла![12]
Дай нам котлы́ зо́лота!
Вот соло́душка[13] цветёт,
Я уся́дусь при ней,
Проночу́ю при ней,
Подстерегу́ кра́сочку,[14]
Сорву́ па́портку,
Найду́ клад сребра́-зо́лота,
Бу́ду бога́ч-богаты́рь
На весь мир.

VI. ЛЕТНИЕ ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ

1. Выбор невесты

а) Я полю́, полю́ капу́сту,
Полю́ бе́ленькую,
Полю́ бе́ленькую, полубе́ленькую.
У кого́ капу́сты нет, —
Приходи́ в мой огоро́д,
Приходи́ в мой огоро́д,
Во деви́чий хорово́д:
Капу́сту полива́ть —
Сам деви́цу выбира́ть.

б) Круго́м го́рода Каза́ни
Молодо́й коро́ль гуля́ет,
Короле́вну выбира́ет.
Растворя́йтесь ворота́,
Ты войди́, коро́ль, во го́род,
Подойди́, коро́ль, побли́же,
Поклони́сь, коро́ль, пони́же,
Поцелу́йся помиле́е,
Улыбни́ся понежне́е,
Ты возьми́ её за ру́чку,
Поведи́ её с собо́ю,
Назови́ её жено́ю.

2. Девичьи думы

Как у Ду́ни мно́го ду́мы,
У краса́вицы заба́вы:
Где бы с ми́лым повида́ться,
Повида́ться, не расста́ться?
— Во саду́ ли во садо́чке,
Гуля́ют кра́сные дево́чки;
Не гуля́ет, а горю́ет
Одна́ в ро́зовом плато́чке
Не гуля́ет, а горю́ет
Го́рько, го́рько воздыха́ет,
Любе́зного вспомина́ет:
«Ты моло́дчик молодо́й
Бери́ де́вицу с собо́й!»

VII. ИГРОВЫЕ ПЕСНИ

1. Заинька

Где же ты был, За́инька?
Что же ты де́лал, бе́ленький?
— В огоро́де, су́дарь мой,
В огоро́де, душа́ мой.

(Этот припев повторяется после каждых четырех стихов)

Что же ты де́лал, За́инька?
Что же ты де́лал, бе́ленький?
— Я капу́сту лома́л,
Зелёную поглода́л.

Кто же тебя́ ви́дел, За́иньку?
Кто же тебя́ ви́дел, бе́лого?
— Три деви́цы, су́дарь мой,
Три деви́цы, душа́ мой.

Не поби́ли-ль За́иньку?
Не поби́ли-ль бе́лого?
— Би́ли, би́ли, су́дарь мой,
Би́ли, би́ли, душа́ мой!

Не пла́кал ли, За́инька?
Не пла́кал ли, бе́ленький?
— Пла́кал, пла́кал, су́дарь мой,
Пла́кал, пла́кал, душа́ мой!

Что же ты не ушёл, За́инька?
Что же ты не ушёл, бе́ленький?
— Я уйти́ не ушёл,
Убежа́ть не убежа́л.

Ты бы боро́здкой, За́инька!
Ты бы боро́здкой, бе́ленький!
— Как боро́здка узка́,
А капу́стка низка́.

Ты бы во́ поле, За́инька!
Ты бы во́ поле, бе́ленький!
— Чи́сто по́ле широко́,
Тёмный лес далеко́.

Ты бы под ёлку, За́инька!
Ты бы под ёлку, бе́ленький!
— Как на ёлке иго́лки, —
Бою́сь: уколю́сь.

Ты бы в дере́вню, За́инька!
Ты бы в дере́вню, бе́ленький!
— Как в дере́вне наро́д,
За́йку го́нят от воро́т.

Был ли ты в гостя́х, За́инька?
Был ли ты в гостя́х, бе́ленький?
— Был, был, су́дарь мой!
Был, был, душа́ мой!

Накорми́ли-ль За́иньку?
Накорми́ли-ль бе́лого?
— Накорми́ли, су́дарь мой!
Накорми́ли, душа́ мой!

Чем тебя́ корми́ли, За́инька?
Чем тебя́ корми́ли, бе́ленький?
— Ма́ша, Ма́ша — калачо́м,
Са́ша, Са́ша — пирого́м,
А Ду́ня, Дуня́ша две конфе́ты дала́.

Чем тебя пои́ли, За́инька?
Чем тебя пои́ли, бе́ленький?
— Ма́ша, Ма́ша — пивцо́м,
Са́ша, Са́ша — винцо́м,
А Ду́ня, Дуня́ша — стака́н ро́му поднесла́.

А как провожа́ли За́иньку?
А как проводи́ли бе́лого?
— Ма́ша, Ма́ша — из двере́й,
Са́ша, Са́ша — из воро́т,
А Дуня́, Дуня́ша
Вдоль по у́лице вела́,
Вдоль по у́лице вела́
Сама́ ла́скова была́.

После пения все садятся или становятся в круг. Посреди круга ходит парень, а хор поет ему:

За́инька, походи́!
Се́ренький, походи́!
Вот та́к, вот та́к
Походи́!

(Этот припев повторяется после каждого двустишия)

За́инька, поверни́сь!
Се́ренький, поверни́сь!
За́инька, попляши́!
Се́ренький, попляши́!
За́инька, то́пни но́жкой!
Се́ренький, то́пни но́жкой!
За́инька, поклони́сь!
Се́ренький, поклони́сь!
За́инька, кого́ лю́бишь,

Се́ренький, кого́ лю́бишь,
За́инька, поцелу́ешь.
Вот та́к, вот та́к...
Поцелу́ешь.

(Парень в кругу выполняет под пение всё, что говорится в песне)

Когда парень поцелует девушку, то хор поет ей:

Посте́лька моя́, посте́люшка,
И ты пухова́я.
Жена-ль моя, боя́рыня,
И ты, молода́я.
— Стелю́, стелю́ посте́люшку,
Стелю́, пухову́ю,
Кладу́, кладу́ изголо́вьицу,[15]
Кладу́ высоку́ю,
Кого́ люблю́, того́ дарю́,
Того́ поцелу́ю.

(При этих словах девушка целует парня)

Хор поет парню вторую игровую:

Ца́рский сын, королёк!
Королёк!
Разду́шенька королёк!
Разми́ленький королёк!
Зайди́, су́дарь, в городо́к!
В городо́к!
Ца́рский сын, королёк!
Королёк!
Всем деви́цам поклони́сь
И мо́лодцам не забу́дь!
Не забу́дь!

(При этих словах парень кланяется сперва девушкам, потом парням)

2. Сватовство

Хор поет:

Как по тра́вке, по мура́вке
Молоде́ц гуля́л.
Он и хо́дит, он и смо́трит
Неве́сту себе́.
— Хоро́шая, приго́жая[16]
Поди́ за меня́,
За тако́ва удало́ва
Молодца́!
Не пойдёшь — так раска́ешься,
Воспомя́нешь меня.

(Молодец останавливается перед выбранной им девушкой и низко кланяется ей; Девушка встает и идет по всему кругу; молодец садится. Хор продолжает песню:)

Идти́ было, спроси́ть было
Сесе́дей про тебя́:
— Сосе́душки, подру́женьки,
Скажи́те вы мне
Про мило́ва, удало́ва
Молодца́.
Сосе́душки, подру́женьки —
Не хва́лят тебя́.
А я, кра́сна де́вица,
Не пойду́ за тебя́!

(Песня исполняется вторично, на этот раз поется:)

Сосе́душки, подру́женьки —
Все хва́лят тебя́,
А я, кра́сна де́вица,
Пойду́ за тебя́.

VIII. ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

1. Во поле береза стояла

Вó поле берёза стоя́ла,
Вó поле кудря́вая стоя́ла,
Люли́, люли́, стоя́ла!
Люли́, люли́, стоя́ла!
Нéкому берёзу заломáти,
Нéкому кудря́ву заломáти,
Люли́, люли́ заломáти!
Люли́, люли́ заломáти!
Как пойду́ я погуля́ю, (2 раза)
Люли́, люли́, погуля́ю
Люли́, люли́, погуля́ю.
Бéлую берёзу заломáю (2)
Люли́, люли́, заломáю (2)
Срéжу я с берёзы три прутóчка (2)
Люли́, люли́, три прутóчка! (2)
Сдéлаю я три гудóчка (2)
Люли́, люли́, три гудóчка! (2)
Четвёртую балалáечку (2)
Люли́, люли́, балалáечку! (2)
Вы, гудóчки, не гуди́те! (2)
Люли́, люли́, не гуди́те! (2)
Стáра му́жа не буди́те, (2)
Люли́, люли́, не буди́те!
Стáрый спит со похмéлья (2)
Люли́, люли́, со похмéлья!

Пойду ль я на нóвы сéни (2)
Люли́, люли́, на нóвы сéни!
Вы, гудки́, загуди́те (2)
Люли́, люли́, загуди́те! (2)
Встань, мой ми́лый, пробуди́ся! (2)
Люли́, люли́, пробуди́ся! (2)
Вот тебé води́ца, — умóйся, (2)
Люли́, люли́, умóйся (2)
Вот тебе полотéнце, — утри́ся.

Люли́, люли́, утри́ся! (2)
Вот тебе́ гре́бень — расчеши́ся (2)
Люли́, люли́, расчеши́ся! (2)
Вот тебе́ башмачки́ — обу́йся (2)
Люли́, люли́, обу́йся! (2)
Вот тебе́ кафта́нчик— оде́нься (2)
Люли́, люли́, оде́нься! (2)
Войди́ в те́рем — весели́ся! (2)

2. Ах вы, сени, мои сени...

Ах вы, се́ни, мои се́ни,
Се́ни но́вые мои́,
Се́ни но́вые, клено́вые,
решо́тчатые...
Выходи́ла молода́,
За но́вые ворота́,
За но́вые, клено́вые,
За решо́тчатые.
Выпуска́ла сокола́,
Из пра́вова рукава́:
Ты лети́, лети́, соко́лик,
Высоко́ и далеко́!
И высо́ко, и далёко, —
На роди́му сторону́.
На роди́мой на сторо́нке
Гро́зен ба́тюшка живёт;
Не пуска́ет молоду́,
По́здно ве́чером одну́!
Я не слу́шала отца́,
Потеша́ла молодца́!
Он оди́н сын у отца́,
Уроди́лся в молодца́!
Зовут Ва́нюшкой
Пивова́рушкой!
Пивова́р пи́во вари́л,
Зелено́ вино́ кури́л,
Зелено́ вино́ кури́л,
Кра́сных де́вушек мани́л:

«Вы пожа́луйте, деви́цы,
На пова́рню, на мою́!
На мое́й ли пивова́рне
Пи́во пья́но на ходу́,
Пи́во пья́но на ходу́,
Сла́дка во́дка на меду́.

ЖАТВА

По́сле Ива́на Купа́ла со́лнце убыва́ло, дни станови́лись коро́че, и хорово́ды уже́ не води́лись.

Наро́д гото́вился к убо́рке хле́ба.

Летняя пора́ для крестья́нина — была́ «стра́дная» пора́ (от сло́ва «страда́ние») так как сбор урожа́я тре́бовал осо́бенно напряжённого труда́, и под горя́чим ле́тним со́лнцем лю́ди изнемога́ли. Но э́то бы́ло са́мое ва́жное вре́мя в трудово́й жи́зни крестья́нина: хоро́ший урожа́й приноси́л ему́ оби́лие в хозя́йстве и дава́л возмо́жность существова́ть весь год, от одно́го урожа́я до друго́го.

Поэ́тому пора́ жа́твы сопровожда́лась торже́ственными обря́дами и вызыва́ла осо́бое поэ́тическое тво́рчество.

ЗАЖИНКИ И ДОЖИНКИ

Нача́ло жа́твы называ́лось «Зажи́нки», а оконча́ние — «Дожи́нки». В день «Зажи́нок» же́нщины и молоды́е де́вушки сплета́ли в по́ле гирля́нды из коло́сьев ржи и с пе́снями несли́ их домо́й ве́чером, когда́ со́лнце сади́лось. В пе́снях восхваля́лись «Зажи́нки» и испра́шивалось благослове́ние на на́чатый труд.

«Дожи́нки» отмеча́лись осо́бенно торже́ственно среди́ всех славя́нских наро́дов. В Росси́и они́ наибо́лее до́лго сохраня́лись у белору́ссов. В жа́твенных пе́снях изобража́лась, гла́вным о́бразом, тяжёлая рабо́та в поле́. . .

Боля́т мои́ но́женьки с непого́душки,
Боля́т мои́ ру́ченьки от рабо́тушки. . .

Но коне́ц пе́сен в день «Дожи́нок» был ра́достный, с весёлыми припе́вами и пля́сками. Жнецы́ хвали́ли хозя́ина и́ли ста́ршего в семье́ и предвкуша́ли бога́тый пир в награ́ду за свой труд.

...Как дожнём мы до межи́,
Загуля́ем до зари́,
Ста́нем пир пирова́ть,
Пе́сни петь и пляса́ть...

В пе́рвый день жатвы́ вся крестья́нская семья́ выходи́ла в по́ле. По ста́рому обы́чаю, мать семьи́ шла пе́рвой, а за не́ю до́чери и неве́стки. Мать, принима́ясь за рабо́ту, запева́ла пе́сню, ла́сково обраща́ясь к молоды́м же́нщинам и де́вушкам и воодушевля́я их на труд:

...Жни́те неве́стушки,
Жни́те до́ченьки,
До́ченьки-лебёдушки,
Неве́стушки-перепёлушки.

Жни́те ра́но по-утру́,
По́здним по́здно в вечеру́,
Бу́дет вдо́воль хле́б в дому́...

В конце́ жа́твы молоды́е жнецы́ пры́гали че́рез снопы́ ржи и вдоль всего́ по́ля, пригова́ривая:

...По́люшко-по́ле,
Верни́ мою́ си́лушку,
Верни́ мою́ си́лушку,
За до́лгую зи́мушку...

Жа́твенными пе́снями зака́нчивался цикл обря́довых пе́сен, свя́занных с годовы́ми пра́здниками в честь приро́ды.

---

[1] мелкий снег
[2] забор, частокол
[3] большой круглый хлеб
[4] Старинный песенный припев, выражающий обращение к славянским божествам.

[5] травянистое растение
[6] пылью покрылось
[7] острог — в старину поселок, окруженный частоколом
[8] красивые девушки
[9] весенний праздник у древних славян
[10] платок, вышитый шелковыми или золотыми нитками
[11] старинный песенный припев
[12] летний праздник у древних славян
[13] растение с сладким корнем
[14] цветок
[15] подушку
[16] красивая

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

обря́довые пе́сни, ritual songs
свя́точные пе́сни, Christmas songs
коля́довые пе́сни, carols
дрему́чие леса́, dense forests
до́бры мо́лодцы, young fine fellows
кра́сны де́вицы, beautiful young girls
точи́ть, to sharpen
була́тный нож, steel knife
котёл, copper, caldron, pot
козёл, goat
виногра́дье, grapes
припе́в, refrain
поро́ша, first snow
недоро́сточки, teenagers, youngsters
тын, paling
те́рем златове́рхий, tower with golden roof
ча́сты звёздочки, numerous stars
я́рмарка, fair
ма́ковка, cupola, summit
у́тренняя заря́, dawn
крыльцо́, крыле́чко, porch
полти́на, half a ruble
дои́ть коро́в, to milk cow
рожь густа́, thick rye
ко́лос, коло́сья (pl.), ear of wheat or rye
зерно́, grain
коври́га, loaf
круты́е го́ры, steep hills
свято́й ве́чер, Christmas eve
порха́ть, to flit, flutter
ыска́ть, сыска́л, to find, found
угада́ть, to guess
осушён, dried
омощён, cobbled, paved
вы́метен, swept
ще́дро, generously
награжда́ть, to reward
велича́льные пе́сни, songs honoring someone or something
изна́шиваться, to wear out
не изме́ниваться, not to betray

СВЯТОЧНЫЕ ИГРЫ И ГАДАНИЯ

и́грища, и́гры, plays, games
наря́дные, well dressed
заме́шкаться, to linger, be late,
раздо́лье, раздо́льице, expanse, ease
гада́нья, fortune telling
хорони́ть, to hide
хороне́ние, hiding
гада́ть, отга́дывать, to guess
были́ца, grass
змея́, serpent
змеи́ные кры́лица, serpent wings
ве́дать, to know

ДЕВУШКА В КРУГУ (В ХОРОВОДЕ)

The maiden dancing and singing in a ring (folk-dance)

ру́сая коса́, blonde braid
плести́ ко́су, to braid
плетучи́, braiding

перевива́ть, to intertwine, wind round
утайть, to hide, conceal
пе́рстень (m), ring
кали́на, snowball tree
мали́на, raspberry
сморо́дина, currant
по́рох, dust
скоти́нка-животи́нка, cattle
минова́ть, to pass over, escape
коле́чко, ringlet
ба́рхат, velvet
я́хонт, precious stone, saphire, ruby
коры́то, trough
ко́рысть, profit

ГАДАНЬЕ ДЕВУШЕК

(Стих. Жуковского)

The maidens' fortune telling

Креще́нье, Epiphany
поло́ть, to weed
я́рый воск, hot wax
топи́ть, to melt
се́рьги изумру́дны, emerald earrings
расстила́ть, to spread out
плат, полотно́, linen table-cloth
петь в лад, to sing in harmony
подблю́дные пе́сни, festivity songs

ВЕСЕННИЕ ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

бла́гость, benevolence, graciousness
вёдро, вёдрышко, beautiful weather
снаряди́ться, to attire oneself, fit out, to get ready
снаряди́сь!, attire thyself!
сухо́та́ (болезнь), consumption
черке́сский, черка́сский, Circassian
вороно́й конь, black horse
стрепени́ся, встрепени́сь! (встрепену́ться), start, arouse thyself
остро́г, palisade
повода́, reins
стре́мя, стреме́на (pl.), stirrup
зача́ти (нача́ть), to begin
прокля́сти, to curse
ко́роб, basket, hamper
я́рая пчёлка, весе́нняя пчела́, spring bee
хлеборо́дный, fertile
припусти́ть, to quicken, to increase
побежа́ть быстре́е, to run faster

ПЕСНИ СЕМИЦКИЕ И ТРОИЦКИЕ

Pentecostal songs

Тро́ица, Trinity
вено́к, венки́ (pl.), wreath
уда́л, удало́й, daring, bold
бу́сы, f. pl. glass beads
холосто́й, bachelor, unmarried, single
рукоде́лие, needlework
ли́па, ли́пынька, linden tree
шатёр, tent
шири́нка, kerchief
узда́, узде́чка, bridle
же́мчуг, (coll.) pearls
низа́ть, to string, thread pearls
руса́лка, mermaid, water-nymph
нагиба́ться to stoop, bow down
свёкор, father-in-law
свекро́вь, mother-in-law
мали́новый (adj.), raspberry
кали́новый (adj.), snowball tree
ги́бкий, pliant, flexible
лю́тый, ferocious, savage, cruel
коло́да, гнила́я коло́да, trunk, log, decayed trunk
ело́вые ши́шки, fir cones

ЛЕТНЯЯ ИГРОВАЯ ПЕСНЯ

про́со, millet
вы́топтать, to trample on, tread
переймём коне́й, we'll catch horses
  переня́ть, перехвати́ть, to seize, catch horses
костёр, bonfire
лы́ко, пучо́к лык, bast, bundle of bast
ла́пти, bast shoes, sandals
у́было, у́быть, убыва́ть, to decrease, decline
при́было, прибы́ть, прибыва́ть, to arrive, grow, increase

ПЕСНИ НА ИВАНА КУПАЛА

со́лод, соло́душка, liquorice
па́поротка, па́поротник, fern
клад, treasure

ИГРОВЫЕ ПЕСНИ (ЗАИНЬКА)

су́дарь, sir, master
поглода́ть, глода́ть, to gnaw, nibble
боро́здка, борозда́, furrow, trench
кала́ч, a kind of fine, round bun
то́пни, то́пнуть но́жкой, to stamp one's feet
изголо́вье, изголо́вьице, pillow, bolster
посте́ль, посте́люшка, bed
раска́яться, to repent, regret

ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

Dance songs

заломáти берёзу, to break off the birch tree
(обломáть верхýшку берёзы), to break the top of the tree
прут, прутóчек, switch
гудóк, гудóчек, whistle
гудéть, to blow
будúть, to awaken
похмéлье, hangover
башмáк, башмачкú, shoes
кафтáн, long coat
сéни решóтчатые, porch ornamented with lattice work
клён, кленóвый (adj.), maple
потешáть, entertain, amuse
уродúться в молодцá, to be born with good qualities
пивовáр, пивовáрушка, brewer
курúть винó, to distil wine
манúть, to lure
повáрня, brewery
на ходý, on the go, in working order
плясáть, to dance folk dances

Свадебные обряды и песни*

О СВАДЬБАХ

1. В древности славянские племена жили обособленно и нередко воевали между собой. В этот древний период русской истории обычно молодые люди из одного рода похищали себе невест из другого рода. Похищение невест называлось «умыканием».

Происходило «умыкание» на утренней заре у реки, куда девушки из ближнего селения выходили за водой. Молодые люди — чужеплеменники прятались в прибрежных лесах и, при приближении девушек к реке, выскакивали из засады, хватали девушек и увозили их на своих быстрых конях в свое селение. От глагола «умчать на конях» или «умыкать» и произошло название этого древнего обычая — «умыкание невесты».

Свадебные песни, дошедшие от этого периода, очень грустны по содержанию и по напевам. Поэтому они называются «вопли» невесты. Невеста «вопит», т. е. горько оплакивает свою несчастную долю. В песнях этого времени она просит своего брата срубить березу и заградить путь-дороженьку, чтобы «недругам погубителям» нельзя было «ни пройти, ни проехати». Она просит своих подруг «схоронить её от лихого наездника, от чужого-чужанина», (т. е. жениха). Случалось, что молодые люди из чужого рода нападали на другой род и с боем и грабежом «умыкали» невест. Об этом поется в песне, как «Орел» — птица острая — предсказывает девушке ее печальную судьбу:

Быть саду полонённому,
Всему роду покорённому,
Во́люшке быть во нево́люшке.

---

* See footnotes and vocabulary pages 74-76.

Приедут ко ба́тюшке
С боем, да с грабежо́м,
Ограбя́т же ба́тюшку,
Полоня́т мою ма́тушку
Повезут меня молоду́
На чужую сторону́.

2. По мере ослабления враждебных отношений между родами и с развитием меновой торговли между ними, брак постепенно переходил из насильственной формы «умыка́ния» в более мирную форму «ку́пли-прода́жи» невесты. Но положение девушки-невесты стало еще тяжелее, так как теперь и родители и братья перестали быть ее защитниками. Они обратились в продавцов. Жених из «лихого наездника» превратился в «купца», а невеста в «товар». Жених, а чаще его родственники или сваты осматривают «товар» (невесту) на смотринах. Затем, если «товар» подходит, то «купцы», как и при покупке всякого товара, бьют по рукам и пьют «магары́ч» (старинный обычай сговора, соглашения). Свадебные песни этого периода не менее печальны, чем древнейшего времени. С горькими слезами невеста спрашивает у родителей: «Зачем вы меня пропили. Променяли мою вольную-то волюшку,

Как на это на сладко-зелено вино...

В свадебных обрядах брат невесты обычно является главным продавцом. Он получает деньги за сестру от дружки жениха. Он не защищает сестру (как это было в период «умыкания»), потому что, по словам песни: «Хоть брату мила́ сестра, а золото еще милее». Получив от дружки деньги, он отдает сестру жениху. Подруги невесты в песнях укоряют его за это: «Ой, татарин братец, татарин,

Купил твою сестру́ чужани́н:
Продал братец:
Ру́су косу за шеста́к,
Бело лицо за пята́к».

В этот период и жених редко имел возможность выбирать невесту. Обычно выбирали для него родные

(или сваты), и он женился на той девушке, которой он прежде не знал, «не ведал» (предполагают, что от этого произошло и самое слово «невеста», т. е. незнаемая, неведомая). Брак считался неизбежным решением судьбы; поэтому жених назывался суженым, (т. е. кого судьба судила), а невеста «суженой».

Как в первый, так и во второй период положение новобрачной в чужой семье, на чужой стороне, было очень тяжелое. Молодая женщина жалуется в песнях на свою горькую участь в семье родителей мужа:

«Чужая, дальняя сторóнушка
Тоской-кручи́нушкой изусéяна,
Горю́чими слезами поли́вана,
Она печалью да огорóжена,
Кручи́нушкою изувя́зана».

Название «лютый свекор», «лихая свекровь» вошли в поговорку. В народных песнях поется, что и свекор и свекровь, и братья, и сестры мужа безжалостно относятся к невестке.

Невеста в свадебных песнях предвидит свою тяжелую участь в чужой семье:

«Чужие отцы все браня́т, да журя́т,
Чужие матери не дают младёшеньке вы́спаться
Чужие братья и́з-за угла вкось глядя́т,
А сёстры-золóвушки в глаза лестью льстят,
За очами пóедом съесть хотя́т».

Все попрекают ее, что она не умеет работать, все насмехаются над нею:

«Сту́пишь ли ногой, —
Поглядя́т все за тобой;
Махнёшь ли рукой —
Засмею́тся над тобой;
Мóлвишь ли словéчко —
Передра́знивать начнут;

Ся́дешь ли за стол —
Все куски́ во рту сочту́т,
Ста́нешь ли молча́ть —
Стану́т дурой велича́ть».

3. Третий период: свободный выбор и соглашение между женихом и невестой. В более поздних свадебных песнях радостно поется о браке по взаимному выбору и любви жениха и невесты. Об этом свидетельствует древняя летопись — «Повесть временных лет». В летописи упоминается, что еще в языческую эпоху бывало, молодые люди сходились на «игрища между селами, и тут умыкали себе жен, с которыми сговорились о браке («с нею же кто совещашеся»).

С принятием Русью христианства стал укрепляться брак по взаимной любви и согласию. В свадебных песнях этого периода мать говорит своей дочери-невесте:

«Выбирай, мое дитятко,
Выбирай из гостей незнакомых — знакомого,
Из молодых — молодого, нарядного,
Ведь с ним тебе век вековать».

Добрый молодец, полюбив девицу, тоскует в разлуке «как горькая кукушечка». Невеста, выбрав себе жениха по любви, торопит свадебный поезд на быстрых конях и просит месяц светить в пути жениху, чтобы жених «с дороженьки не сбился, чтоб назад не воротился».

В песнях поется, как невеста поит коней жениха «чистой ключевой водой и медовой сытой», кормит «отборным зерном» — чтобы «кони поскорее примчали суженого, со его двора на батюшкин двор», (т. е. на двор отца невесты).

Эти древние свадебные песни и обряды очень долго сохранялись среди русского народа, особенно в деревнях. Подруги невесты пели песни на «девичнике», накануне свадьбы, пели на свадебном пиру, а невеста должна была «плакать», как в древности, когда «умыкали» или продавали девушек. Сохранялось и воспоми-

нание об «умыкании» невесты. Это выражалось в том, что жених и дружки приезжали «за невестой верхом на конях». Соблюдался и обряд «выкупа невесты». Старший дружка должен был одарить деньгами братьев невесты, чтобы те пустили его в дом за невестой. Все эти обряды выполнялись торжественно, по старинной традиции, и свадьба праздновалась обычно три дня.

IX. СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Плач невесты

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

1. Похищение невесты. («умыкание»)

Мне ночéсь-то мáло спáлось,
Да во снé мнóго вúделось,
Уж я вúдела, подрýженьки,
Я гóру высóкую,
Средú горы́ круты́я
Лежúт бéлый горю́ч-кáмень.
На э́том на кáмешке
Сидúт орёл, птúца óстрая,
Во когтя́х дéржит лебёдушку.
Под горóй, под высóкою
Лесá растýт тёмные,
И шúпица[17] колю́чая
И крапúва то жгýчая...
В э́том тёмном лесý
Хóдит медвéдь со медвéдицей.
Рассудúте, подрýженьки
Мне к чемý сон привúделся?
— Эта горá то высóкая —
Чужá дáльняя сторонá.
Бéлый то камéшек —
Чужóй-то высóк тéрем;
А орёл, птúца óстрая, —
Чужóй э́то чужанúн...
Он в когтя́х дéржит лебёдушку —

Это меня́ молодёшеньку;
А леса́ то расту́т тёмные —
Чужи́ лю́ди незна́емые;
Что медве́дь со медве́дицей —
Богода́нный то ба́тюшка
С богода́нною ма́тушкой;
Ши́пица колю́чая —
Богода́нны ми́лы бра́тцы;
Крапи́ва то жгу́чая —
Богода́нные сестри́цы.

2. Встреча невестки в доме мужа

Свёкор говори́т:
К нам медве́дицу веду́т;
А свекро́вь говори́т:
К нам людое́дку веду́т;
А деве́рья[18] говоря́т:
К нам неря́ху веду́т;
А золо́вки[19] говоря́т:
К нам непря́ху веду́т;
Две тётушки сидя́т,
Всё про тоя-ж говоря́т.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

1. «Купля невесты»

Нае́хали сваты́ — купцы́ бо́льшие,
Выводи́ли све́та-ба́тюшку
На но́вы се́ни, на решо́тчаты,[20]
Ста́ли спра́шивать про бе́лую лебёдушку,
Оценя́ть стали во́льну во́люшку,
Сговори́л же свет-роди́тель, мой ба́тюшка:
Эта во́люшка во́ сто рубле́й,
Ру́са ко́сынька во ты́сячу,
А кра́сной де́вушке и цены́ нет.
Но лука́в был злоде́й бо́льший сват:
Он близёшенько к роди́телю подвига́ется,
Низёшенько ему да поклоня́ется,

Сам сули́т ему́ да засу́ливает,[21]
Со́роко вёдер зелена́ вина́,
Со́рок бо́чек пи́ва пья́ного.
На то ли мои роди́тели откли́кнулись,
Променя́ли мою во́льную-то во́люшку
Как на это на сла́дко-зе́лено вино́.
Пропили́сь да промота́лися,
Прогуля́ли мою во́люшку.

2. Тяжелая жизнь в замужестве

Выдала меня матушка

Вы́дала меня́ ма́тушка да́лече за́муж;
Хоте́ла ма́тушка ча́сто езжа́ти,
Ча́сто езжа́ти, подо́лгу гости́ти.
Ле́то проходи́т — ма́тушки нету́,
Друго́е проходи́т — суда́рыни нету́,
Тре́тье в дохо́де — ма́тушка е́дет.
Уж меня́ ма́тушка не узнаёт.
«Что это за ба́ба, что за стару́ха?»
«Я ведь не ба́ба, я не стару́ха,
Я — твоё, ма́тушка, ми́лое ча́до.»
«Где твоё де́лося бе́лое те́ло?
Где твой дева́лся а́лый румя́нец?» —
«Бе́лое те́ло — на шёлковой плётке,
Алый рямя́нец — на пра́вой на ру́чке:
Плёткой уда́рит — те́ла уба́вит,
В щёку уда́рит — румя́нцу не ста́нет. . .»

3. Посещение родного дома

Кали́нку с мали́ной вода́ поняла́:
На ту по́ру ма́тушка меня́ родила́.
Не собра́вшись с ра́зумом, за́муж отдала́,
За́муж отдала́ за неро́внюшку,
За неро́внюшку, в чужу́ сторону́,
Во чу́жу сторо́нушку, во лиху́ семью́.
Чужа́я сторону́шка без ве́тру суши́т,
Чужо́й оте́ц с ма́терью без де́ла брани́т;

Посыла́ют меня́, молоду́, во полно́чь по воду́.
Зя́бнут, зя́бнут но́женьки, у ключа́ стоя́;
Прищипа́ло ру́ченьки к коромы́слицу;
Теку́т, теку́т слёзоньки по бе́лу лицу́;
Утира́ю слёзоньки бе́лым пла́тком.
Не бу́ду я к ма́тушке ро́вно три го́да;
На четвёртом го́дике пта́шкой полечу́,
Го́рькой я пта́шечкой — куку́шечкою.
Ся́ду я у ма́тушки в зелёном саду́
На люби́му я́блоньку на ма́тушкину.
Го́рькими слеза́ми я весь сад потоплю́,
Тяжёлыми вздоха́ми весь сад посушу́;
Закуку́ю в са́дике жалобнёхонько;
Го́рькими причётами я мать разбужу́.

Ма́тушка по го́ренке поха́живает,
Любе́зных неве́стушек побу́живает:
«Встава́йте, неве́стушки, голу́бки мои́!
Что это за чу́до у нас случи́лося?
Что у нас зелёный сад без ве́тру посо́х?
Без дождя́ без си́льного са́дик потону́л?
Что у нас во са́дике за пта́шка поёт,
Жа́лобной пе́сенкой серде́чушко рвёт,
Рети́ву серде́чушку назо́лу[22] дает?»
Бо́льшая неве́стушка возговори́ла:
«Что это за пта́шечка, пойдём погляди́м!»
Сере́дняя неве́стушка: «Пойдём излови́м!»
А ма́лый-то братец: «Пойдём застрели́м!»
Жена́ ему мо́лвила: «Пта́шечки не бей:
Пта́шечка-куку́шечка — сестри́ца твоя́;
Прилете́ла, го́рькая, с чужо́й стороны́,
Со чужо́й сторо́нушки, из лихо́й семьи́!»
«Али ты безу́мная? Сестри́ца моя́ —
Бе́лая, румя́ная, всегда́ весела́,
А э́та хозя́юшка худа́ и бледна́!» —
«Оттого́ худа́, бледна́ — в чужо́й стороне́;
На чужо́й сторо́нушке плохо́е житьё!»

4. Свадебные обряды

Девушки заплетают невесте косу

Не в тру́боньку труби́ли ра́но, по росе́,
Уж и пла́кать ли Катерину́шке по свое́й косе́:
Сызмла́дочка[23] ль эту ко́сыньку ма́тушка плела́,
А на во́зрасте ко́сыньку она́ сама́ плела́!
Как тепе́рича ко́сыньку подру́женьки плету́т,
А на у́тро ко́сыньку сва́хи разобью́т,
Разде́лят её, ко́сыньку, на шесть доле́й,
Заплету́т её, ко́сыньку, на две косы́,
Обовью́т её, ру́сую, вокру́г головы́,
Наде́нут Катери́нушке ба́бий сбо́рничек:[24]
«Красу́йся, Катери́нушка, в ба́бьем сбо́рничке!
Уж и ба́бья краса́ — её за сте́ной не чуть,
А деви́чья краса́ — её за сто вёрст слыха́ть.»

Вон прие́хал погуби́тель мой,
Вон прие́хал разори́тель мой,
Вон прие́хал расплети́-косу́,
Вон прие́хал потеря́й-красу́!

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

1. Невеста выбирает себе жениха

Выбира́й, моё ди́тятко,
Выбира́й, моё ми́лое,
Из госте́й незнако́мых знако́мого,
Из молоды́х молодо́го наря́дного,
Уж как с тем ли тебе́ го́стем век векова́ть[25]
Век векова́ть и меня́ забыва́ть.
Уж как вы́брала Ма́рьюшка
Из госте́й незнако́мых знако́мого,
Из молоды́х молодо́го наря́дного;
Уж как я ли с ним, ма́тушка,
Со жела́нным векова́ть бу́ду,
А тебя́, ма́тушка, не позабу́ду.

2. Невеста ждет суженого с свадебным поездом

Закати́сь ты со́лнце кра́сное,
Ты взойди́ све́тел ме́сяц,
Ты свети́ во всю но́ченьку...
Во весь путь, во всю доро́женьку
Свети́л бы моему́ су́женому,[26]
Чтоб с доро́женьки не сби́лся,
Чтоб наза́д не вороти́лся.
Без него́-то мне тошнёхонько,[27]
Без него́-то мне грустнёхонько!

3. Невеста кланяется в ноги отцу и просит благословения

Благословение невесты

Не зла́та я у тебя́, ба́тюшка, прошу́,
Ни зла́та, ни се́ребра, —
Прошу́ у тебя́, ба́тюшка, благослове́нья.
Благослови́ ты меня́, ба́тюшка,
Во чужи́ лю́ди, во незна́емые,
В незна́емые — незна́комые.
Как-то мне, ба́тюшка,
Во чужи́х людя́х, бу́дет жить?
Как-то мне, роди́мый,
Чужи́м лю́дям бу́дет служи́ть?
Во чужи́х людя́х жить горько́хонько,
Во чужи́х-незнако́мых служи́ть тяжелёхонько.

---

17 шиповник
18 братья мужа
19 сёстры мужа
20 сени с решёткой
21 обещает
22 печаль, тоска
23 с детства
24 головной убор замужней женщины
25 жизнь прожить
26 суженый — жених
27 тоскливо

X. ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

1. Расставание с любимой девушкой

Не со́кол лете́л по подне́бесью,
Не со́кол роня́л си́зы пёрушки,
Ска́чет мо́лодец по доро́женьке,
Го́рьки слёзы льёт из я́сных оче́й.
Распроща́лся он с свое́й ро́диной,
Со сторо́нушкой понизо́вою,[42]
Где течёт в красе́ Во́лга-ма́тушка,
Распроща́лся он с кра́сной де́вицей,
Он оста́вил ей на поми́н о себе́
Дорого́й пе́рстень со алма́зами;
На обме́н же взял от краса́вицы
Золото́ кольцо́ обруча́льное.
При разме́не сам пригова́ривал:
«Не забу́дь меня́, моя́ ми́лая,
Не забу́дь меня́, задуше́вный друг!
Чаще взгля́дывай ты на пе́рстень мой,
Ча́ще ста́ну я целова́ть кольцо́,
К ретиву́ се́рдцу прижима́ючи,
О тебе́, мой друг, вспомина́ючи;
Коль помы́слю я о друго́й любви́, —
Золото́ кольцо́ распая́ется;
Если ты с други́м под вене́ц пойдёшь, —
Ка́мень вы́падет вон из пе́рстня.

2. Девушка вьёт венок своему любимому

Я пойду́, молода́ в чи́сто по́ле,
В чи́сто по́ле, во зелёное. . .
А во по́ле-по́люшке расцвета́ли цветы́,
Расцвета́ли цветы́ все лазо́ревые. . .[43]
Я сорву́ ли цвето́к, я совью ли вено́к,
Своему́ ли дружку́ на голо́вушку:
Ты носи́-ка, ми́лый, да не ски́дывай,
Ты люби́-ка меня, не поки́дывай. . .

---

[42] по нижнему течению Волги
[43] голубые цветы

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Wedding songs

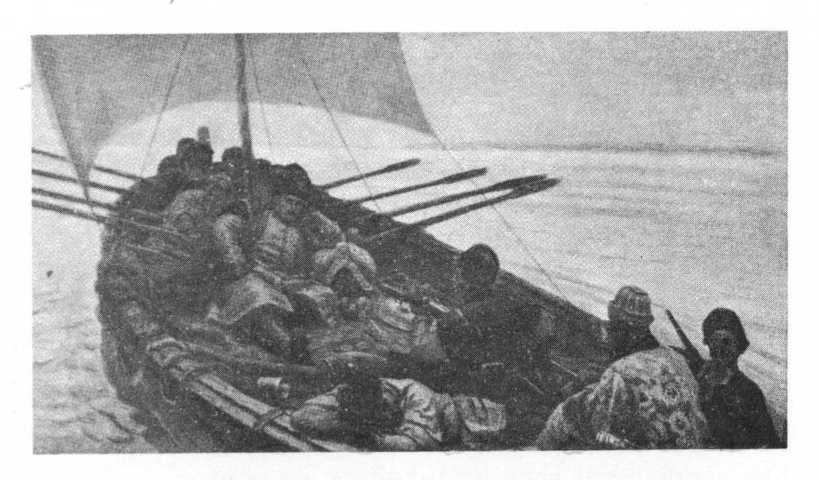
похище́ние неве́сты, abduction of the bride
ши́пица колю́чая, briar
крапи́ва жгу́чая, stinging nettle
богода́нный, God given
богода́нный ба́тюшка, father-in-law
людое́д, людоедка (f.) cannibal
неря́ха, sloth
непря́ха, a girl who does not know how to spin
во́льная во́ля (свобо́да) liberty
сват, matchmaker
лука́в, лука́вый, deceitful, cunning
злоде́й, evildoer
сули́ть, засу́ливать, to promise, to lure by
откли́кнулась, responded, agreed
променя́ть, exchange
промота́лись, to be broke, to have squandered one's money
магары́ч, entertainment on making a good bargain
ча́до, дитя́, ребёнок, child
плётка, lash
а́лый румя́нец, blush, redcheeks
вода́ поняла́, вода́ залила́, the the water flooded
неро́вня, not his or her equal
зя́бнуть, to shiver from cold
коро́мысло, коромы́слице, yoke to carry pails
пта́шка, little bird
куку́шка, cuckoo
причёт, причита́ти, lamentation
труба́, тру́бонька, chimney
сызмла́дочка, с де́тства, from early childhood
не чуть, не слы́шать, not to hear
погуби́тель, one who ruins, destroys
разори́тель, one who ruins
жела́нный, desired, wished for, longed for . . .
су́женый (жени́х), the bride-groom
то́шно, тошнёхонько, тосkли́во, to feel sad, despondent, depressed

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

Love songs

расстава́ние, separation
на поми́н (на па́мять), as a remembrance
распроща́ться, to bid farewell
алма́з, diamond
обруча́льное кольцо, engagemetn ring
разме́н, exchange
задуше́вный друг, bosom friend
раска́яться, to repent
под вене́ц пойти́, за́муж вы́йти, to marry (of a girl)
лазо́ревые цветы́, light blue flowers
ски́дывать (снима́ть), to take off
поки́дывать (поки́нуть), to abandon

Песни удалые и разбойничьи*



В. Н. Суриков — Степан Разин

1

Ах как пал тума́н на си́не мо́ре,
Вели́кая кручи́на[44] в ретиво́ се́рдце;
Не схо́живать тума́ну со си́ня мо́ря,
Злоде́йке-кручи́не с ретива́ се́рдца;
Что дале́че бы́ло в чи́стом по́ле,
Стоя́ла тут дубра́вушка зелёная,
Среди́ неё стоя́л золото́й курга́н.[45]
На курга́не том огонёчек гори́т,
У огня́ лежи́т до́брый мо́лодец,
Припека́ет свои́ ра́нушки боевы́я,
Боевы́я ра́нушки крова́вые.
Что издалёка-далёка, из чи́ста по́ля,
Прихо́дят к нему́ това́рищи-удальцы́,

---

* See footnotes and vocabulary page 80.

Зову́т ли до́брого мо́лодца на святу́ю Русь.
Отве́т де́ржит до́брый мо́лодец:
«Поди́те, бра́тцы, на святу́ю Русь,
Прихо́дит мне сме́ртенька ско́рая,
Отцу́-ма́тери скажи́те челоби́тьице,[46]
Ро́ду-пле́мени — по покло́ну всем,
Молодо́й жене́ даю́ во́люшку

На все ли на четы́ре сторо́нушки,
Ма́лым де́ткам скажи́те благослове́ньице,
Ах как жаль то мне́ ма́лых де́тушек.
Оста́лись де́тушки малёшеньки,
Малёшеньки де́тушки, глупёшеньки —
Нате́рпятся хо́лоду-го́лоду,
Без ба́тюшки без роди́мого.

2

Не шуми́, ма́ти зелёная дубра́вушка,
Не меша́й мне, до́брому мо́лодцу, ду́му ду́мати,
Как за́втра мне, до́брому мо́лодцу во допро́с идти́
Пе́ред гро́зного судью́, самого́ царя́,
Ещё ста́нет меня́ царь-госуда́рь спра́шивати:
«Ты скажи́, скажи́, дети́нушка, кресть́янский сын,
Уж как с кем ты ворова́л, с кем разбо́й держа́л?
Ещё мно́го-ль с тобо́й бы́ло това́рищей?»
«— Я скажу́ тебе́, наде́жда,[47] правосла́вный царь,
Всю пра́вду я скажу́ тебе́, всю и́стину,
Что това́рищей у меня́ бы́ло че́тверо:
Уж как пе́рвый мой това́рищ — тёмная ночь,
А второ́й мой това́рищ — була́тный нож,
А как тре́тий това́рищ мой — до́брый конь,
А четвёртый мой това́рищ — туго́й лук,
Что рассы́льщики мои́ — калёны стре́лы.»
Что возговори́т наде́жда, правосла́вный царь:
«Испола́ть тебе́, дети́нушка, крестья́нский сын!
Что уме́л ты ворова́ть, уме́л ответ держа́ть;
Я за то тебя́, дети́нушка, пожа́лую
Среди́ по́ля хоро́мами высо́кими,
Что двумя́ ли столба́ми с перекла́диной.»

ПЕСНИ ПРО СТЕПАНА РАЗИНА

1

Не под гру́шею под цвету́щею,
Не под я́блонью под кудря́вою,
Что под ду́бом ли, под разве́систым,
На траве́ лугово́й, понахму́рившись,
Отдыха́л-лежа́л до́брый мо́лодец,
Что по и́мени Степа́н, по оте́честву Тимофе́евич,
А из каза́чьего ро́ду сла́вных Ра́зиных.
На нём ша́пка соболи́ная,
А за по́ясом востр нато́чен нож!
Не шуми́т, не греми́т сыр-могу́чий бор,
То Ра́зин Степа́н — удало́й атама́н
В лихо́й набе́г снаряжа́ется,
А дружи́на его́ молоде́цкая
Своéй хра́бростью похваля́ется.

2

Ты взойди́, взойди́, кра́сно со́лнышко,
Над горо́й взойди́, над высо́кою,
Над дубра́вушкой над зелёною,
Над уро́чищем[1] до́бра мо́лодца,
Что Степа́на свет Тимофе́ича,
По прозва́нию Степа́на Ра́зина.
Ты взойди́, взойди́, кра́сно со́лнышко!
Обогре́й ты нас, до́брых мо́лодцев.
Мы не во́ры, не разбо́йнички,
Сте́ньки Ра́зина мы рабо́тнички.
Мы весло́м махнём — кора́бль разобьём,
Кистенём[2] махнём — карава́н собьём,
Мы руко́й махнём — кра́сных де́виц возьмём

УДАЛЫЕ ПЕСНИ

Вниз по ма́тушке по Во́лге,
От круты́х кра́сных бережко́в,
Разыграла́ся погода́,
Пого́душка верхова́я,
Верхова́я, волнова́я.

Ничегó в волнáх не ви́дно,
Однá лóдочка чернéет,
Тóлько парусá белéют,
Да шáпки на гребцáх чернéют,
Кушаки́ на них алéют.
На кормé сиди́т хозя́ин,
Разудáлый атамáн,
Атамáн наш во наря́де,
Во кори́чневом кафтáне,
В соболи́ной шáпке.
А в рукáх сáбля вóстрая,
Во ногáх пищáль грóзная.

44 печаль
45 древний могильный холм
46 поклон до земли
47 Старинный эпитет, выражающий уважение.

ПЕСНИ УДАЛЫЕ И РАЗБОЙНИЧЬИ

кручи́на (печáль, гóре), grief, sorrow
кургáн, tumulus, burial mound
припекáть, to burn
челоби́тье, челоби́тьице, (поклóн до земли́), low bow down to earth
натерпéться (страдáть), to suffer much
допрóс, inquest, interrogation
разбóй, highway-robbery
тугóй лук, tight bow
калёны стрéлы, arrows with red hot tips
хорóмы, mansions
столбы́ с переклáдиной, ви́селица gallows
пищáль, rifle, gun
урóчище, hideout
кистень, an old weapon used by robbers

Похоронные причитания*

ПРИЧИТАНИЯ ПО ПОКОЙНИКАМ

ПЛАЧ ПО МУЖЕ

I

Вы, голу́бушки мои тётушки,
Помоги́те моему́ го́рюшку,
Посмотри́те-ка на го́рюшко,
На моего́ дру́га ми́лого!
Голу́бушка моя́ племя́нница,
Ты спроси́-ка своего́ дя́дюшку,
Он, быва́ет ли, тебе́ не ска́жет ли,
Куда́ он собира́ется,
Куда́ снаряжа́ется,
На рабо́точку тяжёлую,
На гуля́ночку весёлую.
А отку́ль[28]-то его́ бу́ду ждать,
Со кото́рой со сторо́нушки
Со восто́чной ли, со за́падной,
Со рабо́точки тяжёлой ли,
Со гуля́ночки весёлой ли.
Не оста́вьте, мои тётушки,
Не оста́вьте, мои голу́бушки,
Не оста́вьте меня́ однёшеньку,
Помоги́те-ка моему́ го́рюшку,
Вы спроси́те-ка у моего́-то дру́га ми́лого,
На кого́-то он оби́делся,
На кого́-то оскорби́лся,
Не на меня́ ли, го́рьку сиро́точку,
Не на своего́ ли ми́лого ди́тятка?

---

* See footnotes and vocabulary page 83, 85.

Ты вставáй-то, друг мой мúлой,
Наставля́й-ка меня́, друг любúмой
Ты скажú-ка своему́ дúтятку,
Настáвь-ка на ум, на рáзум.
Кто его пойть, кормúть бу́дет?
Кто его содержáть бу́дет?
На когó-то я бу́ду надéяться,
На каку́-то я упóру[29]
На каку́-то я надёжу?
Я надéялась, гóрька сирóточка,
На своегó дру́га мúлого,
Упóрины мой подломúлися,
Баля́сочки мой отломúлися.
Вы, голу́бушки мой тётушки,
Посмотрúте-ка, мой голу́бушки!
На когó ты остáвил меня́, друг мúлой,
На какúх-то родúмых брáтцев?
Нет-то у меня родúмых брáтцев,
Нет-то у меня родúмой сестрúцы,
Одна-то я, однёшенька,
Одна-то я, круглёшенька,[30]
Без рóду-то, без плéмени.

II

Отвалúлася стенá кáменна
От моегó тёпла гнёздышка,
Отпáло прáво кры́лышко
От меня́, гóрькой сирóточки.
Полéтел ты, друг мой мúлой,
По дорóженьке, по ширóкой.

Не по-стáрому, не по-прéжнему,
Не на своúх-то рéзвых нóжках, —
Понеслú-то дру́га мúлого,
Понеслú на бéлых ру́ченьках.
Залетáл-то друг мой мúлой
Он на перепу́тьице на велúкое,
Он во мáтушку Бóжью цéрковь,
Он из мáтушки Бóжьей цéркви,

Он во ма́тушку во сыру́ зе́млю.
Наглядя́ся, друг мой ми́лой,
На все четы́ре сто́роны,
Наглядя́тесь, о́чи я́сные,
На моего́ дру́га ми́лого.
Спусти́ли-то моего́ дру́га ми́лого
Во ма́тушку сыру́ю зе́млю,
Засы́пали-то сыро́й землёй,
Закры́ли-то гробово́й доско́й.
Отходи́л-то ре́звы но́женьки,
Оттопта́л траву́ мура́вую,[31]
Отгляде́л оча́ми я́сными,
Отговори́л свое́й ре́чью ла́сковой
Со свои́м роди́мым ди́тятком.

III

Голу́бушки мои́ тётушки,
Я пришла́ домо́й, торопи́лася,
Ду́мала — друг мой ми́лой,
А его-то до́ма не́тути.
Вы, голу́бушки мои тётушки,
Вы скажи́те мне, роди́мые,
Не вида́ли ли дру́га ми́лого,
Не лети́т ли он по подне́бесью,
По подне́бесью я́сным со́колом,
А по доро́женьке до́брым мо́лодцем?
Не сказа́л ли вам, мои́ тётушки:
Я когда́ приду́ да прие́ду,
Я в пра́зднишный день, не в будни́шной.
А у ди́тятка у роди́мого
Нет восста́теля, нет приста́теля.[32]
Никто́-то его́ не пригре́ет,

---

[28] откуда
[29] опору
[30] круглая сирота, то-есть: без отца и матери
[31] муравая трава — молодая зеленая трава
[32] нет покровителя, нет защитника

Никто́-то его́ не обогре́ет
Без роди́мого его́ ба́тюшка.
Придёт-то ле́то тёплое,
Обогре́ет го́рьких сиро́точек,
Обогре́ет кра́сно со́лнышко,
Закуку́ет в по́ле куку́шечка,
Загорю́ю-то я, сиро́точка,
Загорю́ю со свои́м-то роди́мым ди́тятком.
Ты счастли́ва, моя́ су́седушка,[33]
Ты при своём-то дру́ге ми́лом,
А я-то, го́рька сиро́точка,
Круго́м-то я однёшенька,
Круго́м-то я круглёшенька,
Без ро́ду-то, без пле́мени.
Прихо́дят все денёчки пра́здничны,
Сусе́ди-то мои ра́дуются
Годово́му большо́му пра́здничку,
А я-то, го́рька сиро́точка,
Улива́юсь го́рькою слезо́ю.

ПЛАЧ ПО ОТЦЕ

Со во́сточной со сторо́нушки
Подыма́лися да ве́тры бу́йные
Со грома́ми да с грему́чими
Со моло́ньями[34] да с палю́чими;
Па́ла, па́ла с небеси́ звезда́
Всё на ба́тюшкову на моги́лушку...
Расшиби́[35]-ка ты, громова́ стрела́,
Еще ма́тушку да мать сыру́ землю́,
Развали́сь-ка ты, мать-земля́;
Что на все че́тыре сто́роны!
Откро́йся-ка да гробова́ доска́!
Распахни́тесь, да бе́лы са́ваны!
Отвали́тесь, да ру́чки бе́лые,
От ре́тивого[36] от серде́чушка,
Oберни́сь-ка-ся, да мой роди́мый ба́тюшка,
Перелётным ты, да я́сным со́колом.
Ты слета́й-ка да на си́не мо́ре,

На си́не мо́ре на Хвалы́нское,
Прилети́-ка ты, мой ба́тюшка,
На свой да на высо́к те́рем, —
Ты послу́шай-ка, роди́мый ба́тюшка,
Го́ре-го́рьких на́ших пе́сенок. . .

---

[33] соседка; соседушка — ласковое обращение
[34] молния
[35] разбей
[36] от горячего сердца

ПРИЧИТАНИЯ ПО ПОКОЙНИКАМ

Lamentation

наста́вить на ум, на ра́зум, to admonish, to instruct, direct
упо́ра (опо́ра), support
упо́рина (tech.) support, bearing
баля́сы, баля́сочки, baluster, balustrade
круглёшенька сирота́, an orphan who lost both father and mother
ре́звые но́жки, speedy legs
перепу́тье, перепу́тьице, cross-road
оттопта́ть, to trample down
мура́вая трава́ (поэт.) fresh green grass
до́ма не́тути, he is not home
поднебе́сье, the skies, air, atmosphere
восста́тель приста́тель—защи́тник protector, defender
роди́мое ди́тятко, his own child

ПЛАЧ ПО ОТЦЕ

Lamenting a father

моло́нья, мо́лния, lightning
расшиби́ть, to break, to smash to pieces
развали́ться, to fall to pieces
распахну́ться, to sweep open
са́ван, shroud
ретиво́е се́рдце, серде́чушко, ardent, zealous heart
оберни́сь (обороти́сь!), to turn around
отвали́ться, to fall off
пригре́ть, to warm; to treat kindly

Заговоры

1. Заговóр от раны

На мóре на Океáне, на óстрове на Буя́не лежи́т бел горю́ч кáмень Алаты́рь;[37] на том кáмне Алаты́ре сидит крáсная деви́ца, швея́ мастери́ца, дéржит иглу́ булáтную, вдевáет ни́тку шёлковую, рудожёлтую, зашивáет рáны кровáвые. Заговáриваю я рабá Ивáна (Имя) от порéзу — рáны глубóкия. Булáт, прочь отстáнь, а ты, кровь, течь перестáнь.

2. Заговор от недугов (болезней)

Заговáриваю я рабá Васи́лия (имя) от двенáдцати скóрбных нéдугов: от трясови́цы, от колю́чки, от свербёжа, от стрельбы́, от огневи́цы, от ломóты, от колóтья, от дёрганья, от моргáнья, от слепоты́, от глухоты́, от чёрной нéмочи.[38] Ты, злáя трясови́ца, уйми́сь, а не то проклянý в тар-тарары́;[39] ты, неугомóнная колю́чка, останови́сь, а не то сошлю́ тебя́ в преиспóдния земли́; ты, свербёж, прекрати́сь, а не то утоплю́ тебя́ в горя́чей водé; ты, стрельбá, останови́сь, а не то засмолю́ тебя́ в смолé жгýчей; ты, огневи́ца, охлади́сь, а не то заморóжу тебя́ крещéнскими морóзами; ты, ломóтье, сожми́сь, а не то сокрушý тебя́ о кáмень; ты, колóтье, притуши́сь, а не то распилю́ тебя́ на мéлкия чáсти; ты, дёрганье, вороти́сь, а не то запружý тобóю плоти́ну на мéльнице; ты моргáнье, открути́сь,[40] а не то в печи́ бáнной засушý; ты, слепотá, скóрчись, а не то утоплю́ тебя́ в дёгте; ты, глухотá, исчéзни, а не то засмолю́ в бóчку и пó морю пущý; ты, чёрная нéмочь, отвяжи́сь, а не то застáвлю вóду толóчь.

---

* See footnotes and vocabulary pages 88-90.

3. Заговор на тоску доброму молодцу по красной девице

Стáну я, рабá Анна (имя), благословя́сь; пойдý, перекрестя́сь, из избы́ в двéри, из дворá в воротá, вы́йду в чи́стое пóле, в подвостóчную стóрону.

В подвостóчной сторонé стои́т избá, среди́ избы́ лежи́т доскá, под доскóй тоскá. Плáчет тóска, рыдáет тоскá, бéлого свéта дожидáется! Бéлый свет краснá сóлнышка дожидáется, рáдуется и весели́тся! Так меня́, рабý Анну, дожидáлся бы, рáдовался и весели́лся; не мог бы без меня́ ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни на утренней зарé, ни на вечéрней, как ры́ба без воды́, как младéнец без мáтери не мóжет жить, так бы раб Андрéй (имя) без рабы́ Анны (имя девушки) не мог бы ни жить, ни пить, ни есть, ни на ýтренней зарé, ни на вечéрней, ни в пóлдень, ни при чáстых звездáх, ни при бýйных ветрáх, ни в день при сóлнце, ни в ночь при мéсяце.

Впивáйся, тоскá; въедáйся, тоскá, в грудь, в сéрдце рабý Андрéю; разрасти́сь по всем жи́лам, по всем костя́м ноетóй[41] и сухотóй по рабé Анне.

---

[37] камень Алатырь — языческий жертвенник у славян
[38] народные названия болезней
[39] в ад, в бездну
[40] отстань
[41] ноющей болью

4. Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою

Разрыдáлась я, рабá Мáрья, в высóком тéреме роди́тельском, с крáсной ýтренней зари́, во чи́сто пóле глядючи на закáт я́сного сóлнышка. Досидéла я до пóздней вечéрней зари́, до сырóй росы́, в тоскé, в бедé. Придýмалось мне заговори́ть тоскý лю́тую, кручи́ну гóрькую.

Пошлá я во чи́сто пóле, взялá свечý обручáльную, достáла плат венчáльный,[1] почерпнýла воды́ из загóрного студенцá. Стáла я среди́ лéса дремýчего, очерти́лась чертóю[2] прозорóчною[3] и возговори́ла грóмким гóлосом:

Заговáриваю я своегó ненагля́дного ди́тятку[4] над

све́жею водо́ю, над пла́том венча́льным, над свечо́ю обруча́льною. Будь ты, моё ди́тятко люби́мое, я́рче со́лнышка я́сного, миле́е ве́шнего[5] дня, светле́е ключево́й воды́, беле́е я́рого во́ска, кре́пче ка́мня горю́чего Алатыря́.

Отвожу́ я от тебя́ чо́рта стра́шного, отдаля́ю от ле́шего одногла́зого, от чужо́го домово́го, от лихо́го водяно́го, от руса́лки морско́й, от Ба́бы-Яги́ злой, от лету́чего змея́ о́гненного, от во́рона ве́щего, от воро́ны-карку́ньи, от стару́хи-колду́ньи.

А будь ты, моё ди́тятко, мои́м сло́вом кре́пким в ночи́ и в полу́ночи, в пути́ и доро́женьке, во сне и на яву́ — укры́т от си́лы вра́жия, от нечи́стых ду́хов,[6] сбережён от го́ря, от беды́, сохранён на воде́ от потопле́ния, укры́т в огне́ от сгоре́ния.

А будь моё сло́во сильне́е воды́, вы́ше горы́, тяжеле́е зо́лота, кре́пче горю́чего ка́мня Алатыря́, могу́чее богатыря́.

А кто вздумает моего́ ди́тятку обморо́чить,[7] и тому́ скры́ться за го́ры Арара́тския,[8] в бе́здны бездо́нныя, в смолу́ кипу́чую, в жар палю́чий.

---

[1] венчальная фата

[2] загорный студенец — родник (ключ) за горой

[3] заколдованная черта

[4] дитятко — мое любимое дитя (дитятко — ласкательная форма от слова «дитя»)

[5] вешний — весенний

[6] нечистые ду́хи — черти, бесы

[7] обмануть, заколдовать

[8] Гора Арарат — в северной части Малой Азии; по библейскому преданию, ковчег Ноя остановился на горе Арарат.

ЗАГОВОРЫ

ЗАГОВОР ОТ РАНЫ

charms

швея́, seemstress
була́тная игла́, steel needle
вдева́ть ни́точку, to thread a needle
загова́ривать боль, to charm away
прочь отста́нь!, go away!, get out of here, out with you.

ЗАГОВОР ОТ НЕДУГОВ

ско́рбный неду́г, ailment, mournful ailment
трясови́ца, fever
колю́чка, shooting pain
свербёж, itching
огневи́ца, typhus
ломо́та, rheumatic pain
морга́нье, blinking
черная не́мочь, epilepsy
неугомо́нная, restless
преиспо́дняя земли́ (ад), hell
смола́, засмоли́ть, pitch, tar; to pitch, to tar
сокруши́ть, разби́ть, to smash, shatter, ruin
притуши́ть, put out a fire, put down, stifle
распили́ть, to saw up, cut up
укроти́сь!, calm down, tame yourself!
ско́рчиться, to writhe, squirm
дёготь, tar
толо́чь, to pound
толо́чь во́ду в сту́пе, to beat the air

ЗАГОВОР НА ТОСКУ

тоска́, grief, melancholy
рыда́ть, to sob
дожида́ться бе́лого све́та, to expect sunrise
у́тренняя заря́, dawn
вече́рняя заря́, sunset
впива́ться, to pierce, stick into
въеда́ться, to eat into
ноета́ (боль); ныть, aching; to ache, to be sick at heart
сухота́ (боле́знь), emaciation

Былины*



В. М. Васнецов — Богатыри

Под славным городом под Киевом
На тех на степях на Днепровских
Стояла застава богатырская.
На заставе был богатырь Илья,
Илья Муромец, сын Иванович...
А и конь под Ильёй — словно лютый зверь,
А сам на коне, как ясен сокол.
. . . .
А и был на заставе Добрыня Никитич млад.
И пошел его добрый конь богатырский
Со горы на гору перескакивать,
С холма на холмы перемахивать.
. . . .
А и был там Алеша Попович млад.

---

* See footnotes and vocabulary pages 101-103.

Что из Красна города из Ростова.
А Алешенька он хитёр был,
Он хитёр-то, да увёртлив ведь.
А и в те поры он догадлив был:
Свой тугой лук разрычатый отстёгивал
От правого, от стремячка булатного,
А натягивал тетивочку шелковеньку...

БОГАТЫРИ

Богатырь — это человек, очень сильный, мужественный, крепкий телом и духом. О богатырях народ рассказывает в своих древних былинах. Былины делятся на два главных цикла: Киевские былины и Новгородские.

Самыми известными Киевскими богатырями были: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. В былинах говорится, что эти богатыри жили при князе Владимире, защищая от врагов веру христианскую и Русскую землю.

Илья Муромец, крестьянин из Муромской области, был главный и любимый народом богатырь. Свою необыкновенную силу Илья получил чудесным образом. Он дома «сиднем-сидел» тридцать три года. Но вот приходят к нему, в виде калик перехожих, сам Христос с Апостолами, напоили его святой водой и — вдруг Илья, встав на ноги, почуял в себе силу неодолимую, такую, что «если бы кольцо было от земли до неба, то он поворотил бы вселенную».

Илья совершил много славных подвигов: разбил татарское войско под Черниговом, полонил Соловья-разбойника, который сидел на семи дубах и заграждал дороги к Киеву; уничтожил Идолище поганое, символизирующее собою язычество.

Второй после Ильи Муромца — богатырь Добрыня Никитич. Он княжеского рода, дядя самого князя Владимира. «С семи годов посадила матушка учиться

Добрыню грамоте и пером писать». Добрыня — человек ученый, воспитанный: он умеет хорошо петь, играть на гуслях, играть в шахматы. Добрыня умеет умное и приветливое слово сказать: со всеми обходителен, ласков, вежлив; не раз был послом от князя Владимира в чужие страны. Добрыня отличался и в боях: он убил Змея Горыныча, перебил много татар, черкесов. В частной жизни Добрыня был тихий, смирный, почтительный сын своей матери, верный любящий муж.

Алеша Попович — богатырь из духовного звания, сын старого соборного попа в Ростове. Алеша отличается не столько силой, сколько «хитростью», то-есть сообразительностью.

Главным его подвигом было уничтожение Тугарина Змиевича посредством ловкости и догадливости.

Алеша выходит в бой против Тугарина, переодевшись каликой перехожим. Тугарин закричал ему: «Гой еси, калика перехожий, не видал ли ты Алеши Поповича?» Алеша притворяется, что не слышит, и манит его к себе. Тугарин подъехал. Алеша ударил его по голове железной палицей.

Таким образом, главные богатыри князя Владимира происходили из трех сословий: крестьянского — Илья Муромец, боярского — Добрыня Никитич, и духовного — Алеша Попович. Это как бы обозначало, что земля Русская строилась и защищалась от врагов общими силами всего народа.

Главные новгородские богатыри: Василий Буслаевич и Садко — Богатый гость. Василий Буслаевич — происходит из боярского сословия, он и его дружина представляют собой поколение удалой новгородской молодежи, расширившей пределы новгородской земли своими успешными походами. Садко — богатый гость — представитель новгородского купечества, доставившего богатство Новгороду торговлей с «заморскими» странами.

I. СТАРШИЕ БОГАТЫРИ

СВЯТОГОР

Снаряди́лся Святого́р во чи́сто по́ле гуля́ти,
Заседла́ет своего́ добра́ коня́
И е́дет по чи́сту по́лю.
Не́ с кем Святого́ру си́лой поме́ряться,
А си́ла то по жи́лочкам
Так жи́вчиком и перелива́ется.
Гру́зно от си́лушки, как от тяжёлого бре́мени.
Вот и говори́т Святого́р:
— «Как бы я тя́гу нашёл
Так я бы всю зе́млю подня́л!»
Наезжа́ет Святого́р в степи́
На ма́ленькую су́мочку перемётную;[51]
Берёт погоня́лку,[52] пощу́пает су́мочку: она́ не скря́нется,
Дви́нет персто́м её — не своро́хнется,
Хва́тит с коня́ рукою — не поды́мется.
— «Мно́го годо́в я по́ све́ту е́зживал,
А э́дакова чу́да не нае́зживал,
Тако́ва ди́ва не ви́дывал;
Ма́ленькая су́мочка, не сворохнется, не поды́мется!»
Слеза́ет Святого́р с добра́ коня́,
Ухвати́л он су́мочку обема́ рука́ми,[53]
По́днял су́мочку повы́ше коле́н:
И по коле́на Святого́р в зе́млю угря́з,
А по бе́лу лицу́ не слёзы, а кровь течёт.
Где Святого́р угря́з, тут и встать не мог,
Тут ему бы́ло и конча́ние.

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

1. Рождение Волха

А и на не́бе просве́тил све́тел ме́сяц,
А в Ки́еве роди́лся могу́ч богаты́рь,
Богаты́рь молодо́й Волх Всесла́вьевич:
Подрожа́ла сыра́ земля́,
Стрясло́ся сла́вно ца́рство Инде́йское,

А си́не мо́ре сколеба́лося
Для ра́ди рожде́нья богаты́рского
Молода́ Волха́ Всесла́вьевича.
Ры́ба пошла́ в морску́ю глубину́,
Пти́ца полете́ла высоко́ в небеса́,
Ту́ры да оле́ни за́ горы пошли́,
За́йцы, лиси́цы по ча́щицам,
А во́лки, медве́ди по е́льникам,
Со́боли, куни́цы по острова́м.
А и бу́дет Волх в полтора́ часа́,
Волх говори́т, как гром греми́т:
— «А и гой еси́, суда́рыня-ма́тушка,
Молода́ Марфа Всесла́вьевна!
А не пелена́й во пелёнку червча́тую,[54]
А не пояси́ во поя́сья шелко́выя, —
Пелена́й меня́, ма́тушка,
В кре́пки ла́ты була́тныя,
А на бу́йну го́лову клади́ злат шело́м,
По пра́ву ру́ку па́лицу,
А и тя́жку па́лицу свинцо́вую,
А ве́сом та па́лица в три́ста пуд.»
А бу́дет Волх семи́ годо́в,
Отдава́ла его́ ма́тушка гра́моте учи́ться,
А гра́мота Волху́ в нау́к пошла́:[55]
Посади́ла его уж перо́м писа́ть,
Письмо́ ему в нау́к пошло́.
А и бу́дет Волх десяти́ годо́в,
Втапо́ры[56] научи́лся Волх ко прему́дростям:
А и пе́рвой-то му́дрости учи́лся
Обёртываться я́сным со́колом;
Ко друго́й-то му́дрости учи́лся он Волх
Обёртываться се́рым во́лком;
Ко тре́тьей-то му́дрости учи́лся Волх
Обёртываться гнеды́м ту́ром — золоты́е рога́.

2. Волх собирает дружину

А и бу́дет Волх во двена́дцать лет,
Стал себе́ Волх он дружи́ну прибира́ть,
Дружи́ну прибира́л в три го́да,
Он набра́л дружи́ны себе́ семь ты́сяч;

Сам он Волх в пя́тнадцать лет
И дружи́на его по пятна́дцати лет.
Прошла́ та сла́ва вели́кая
Ко сто́льному го́роду Ки́еву.
Инди́йский царь наряжа́ется,[57]
А хва́лится — похваля́ется,
Хо́чет Кие́в-го́род при́ступом взять,
А Бо́жьи це́ркви на дым спусти́ть[58]
И поче́стны монастыри́ разори́ть.

А втапо́ры Волх он дога́длив был:
Со всею дружи́ною хоро́брою
Ко сла́вному ца́рству Инди́йскому
Тут же с ними во похо́д пошёл.
Дружи́на спит, так Волх не спит:
Он обернётся се́рым во́лком, —
Бе́гал, скака́л по тёмным леса́м да по ро́щицам;
А бьёт он звери сохатые,[59]
А во́лку, медве́дю спу́ску нет,[60]
А и со́боли, ба́рсы — люби́мый кус...
Волх пои́л, корми́л дружи́ну хоро́брую,
Обува́л, одева́л до́брых мо́лодцев —
Носи́ли они́ шу́бы соболи́ныя,
Переме́нныя то шу́бы ба́рсовыя.
Дружи́на спит, так Волх не спит:
Он обернётся я́сным со́колом,
Полете́л он дале́че на си́не мо́ре,
А бьёт он гусе́й, бе́лых лебеде́й,
А и се́рым, ма́лым у́ткам спу́ску нет.
А пои́л-корми́л дружи́нушку хоро́бную,
А всё у него́ бы́ли я́ства переме́нныя,
Переме́нныя я́ства, са́харныя.

3. Волх Всеславьевич летит к царству Индейскому

Как обернётся молодо́й Всесла́вьевич
Гне́дым ту́ром — золоты́е рога́
Побежа́л он ко ца́рству Инде́йскому;
Он пе́рвый скок — за це́лу версту́ скочи́л,

А друго́й скок не могли́ найти́.
Он обернётся я́сным со́колом, —
Полете́л он ко ца́рству Инде́йскому,
И сел на пала́ты белока́менны,
На те на пала́ты ца́рския,
Ко тому́ ко царю Инде́йскому
И на то око́шечко кося́щатое.
А и бу́йные ве́тры с мо́ря тя́нут,
Царь со цари́цею в разгово́ры говори́т.
Говори́ла цари́ца Азвя́ковна,
Молода́ Еле́на Алекса́ндровна:
— «А и гой еси́ ты, вла́стный Инде́йский царь,
Изво́лишь ты наряжа́ться[61] на Русь воева́ть,
Про то не зна́ешь, не ве́даешь,
А и на не́бе просвети́л све́тел ме́сяц,
А и в Ки́еве роди́лся могу́ч богаты́рь,
Тебе́, царю́, сопроти́вничек.»[62]
А вта́поры Волх он дога́длив был:
Он те ре́чи повыслу́шивал. . .
Обернётся Волх я́сным со́колом,
Полете́л ко свое́й дружи́не хоро́брой[63]
Разбуди́л он удалы́х до́брых мо́лодцев:
«Гой еси́ вы, дружи́на хоро́брая,
Не вре́мя спать, пора́ встава́ть,
Пойдём мы ко ца́рству Инде́йскому.»

4. Волх Всеславьевич осаждает царство Индейское

— И пришли́ они́ ко стене́ белока́менной;
Крепка́ стена́ белока́менна!
Воро́та у го́рода желе́зныя,
Крюки́, засо́вы — все ме́дные,
Стоя́т карау́лы[64] кре́пкие! . .
И все мо́лодцы закручи́нилися,

Закручи́нилися, запеча́лилися,
Говоря́т таково́ сло́во:
«А и как нам бу́дет сте́ну про́йти?»
Молодо́й Волх он дога́длив был,
Сам оберну́лся мура́шиком,[65]
И всех до́брых мо́лодцев мура́шиками.

Прошли́ они сте́ну белока́менну,
И ста́ли мо́лодцы уж на друго́й стороне́,
В сла́вном ца́рстве Инде́йском.
Волх оберну́л их до́брыми мо́лодцами
Со свое́ю сбру́ею со ра́тною,[66]
А всем мо́лодцам он прика́з отдаёт:
«Гой еси́ вы,[67] дружи́на хоро́брая!
Ходи́те по ца́рству Инде́йскому,
Руби́те ста́рого, ма́лого,
То́лько оста́вьте вы по вы́бору
Не мно́го не ма́ло семь ты́сяч
Ду́шечки — кра́сныя де́вицы.»

5. Победа Волха Всеславьевича над царем Индейским

А сам он Волх во пала́ты пошёл,
Во те во пала́ты ца́рския,
Ко тому́ ца́рю Инде́йскому:
Ухватя́ его́, уда́рил его о кирпи́щатый[68] пол,
Расши́б его в кро́хи...
И тут Волх сам царём насе́л,
Взя́вши цари́цу Азвя́ковну
А и молоду́ Еле́ну Алекса́ндровну.
А и та его́ дружи́на хоро́брая
И на тех на деви́цах пережени́лася,
А и молодо́й Волх тут царём насе́л...
Он зла́та, серебра́ вы́катил,
Всю дружи́ну надели́л,
А на вся́кого бра́та по́ сто ты́сяч.

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВГОВИЧ
И
МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

1

Когда́ воссия́ло со́лнце кра́сное
На э́то на не́бушко на я́сное,
Тогда́ зарожда́лся молодо́й Вольга́,
Молодо́й Вольга́ Святосла́вгович.
Стал Вольга́ расте́ть — матере́ть,

Похоте́лося Вольге́ мно́го му́дрости:
Щу́кой-ры́бою ходи́ть ему в глубо́ких моря́х,
Пти́цей-со́колом лета́ть под облака́,
Се́рым во́лком ры́скать во чи́стых поля́х;
Уходи́ли все ры́бы во си́ния моря́,
Улета́ли все пти́чки за облака́,
Убега́ли все зве́ри во тёмные леса́.
Стал Вольга́ расте́ть — матере́ть
Набира́ть себе́ дружи́нушку[69] хоро́брую
Три́дцать мо́лодцев без еди́ного,
Сам еще Вольга́ во тридца́тых.
Жа́ловал его родно́й дя́дюшка,
Ла́сковый Влади́мир сто́льно-Ки́евский,[70]
Тремя́ города́ми со крестья́нами...
Молодо́й Вольга́ Святосла́вгович
Со свое́ю дружи́нушкой хоро́брою
Он пое́хал к города́м за полу́чкою.
Вы́ехал он в раздо́льице — чи́сто по́ле,
Он услы́шал в чи́стом по́ле ра́тая:[71]
Орет в по́ле ра́тай, пону́кивает,[72]
Со́шка у ра́тая поскри́пывает...
Ехал Вольга́ до ра́тая
День с утра́ он до ве́чера,
А не мог он до ра́тая дое́хати...
Ехал Вольга́ ещё тре́тий день,
Тре́тий день с утра́ до па́бедья;[73]
Нае́хал он в чи́стом по́ле ра́тая:
Орет в по́ле ра́тай, пону́кивает,
С кра́я в край боро́здки помётывает.
В край он уе́дет — друго́го не вида́ть...
Коре́нья, каме́нья вывёртывает,
А вели́кие то все каме́нья в борозду́ вали́т...
Говори́т Вольга́ таковы́ слова́:
«Бо́жья ти по́мочь, ора́таюшко!
Ора́ть да паха́ть да крестья́нствовати...»
— Говори́л ора́тай таковы́ слова́:
— «Далеко́-ль, Вольга́, е́дешь, куда́ путь де́ржишь
Со свое́ю со дружи́нушкой хоро́брою?»
— «Ай же ты ра́тай-рата́юшко!
Еду к города́м за полу́чкою...

Поéдем со мнóю во товáрищах!»
Этот орáтай-оратáюшко
Гýжики[74] шелкóвеньки повы́стегнул,
Кобы́лку из сóшки повы́вернул,
Сéли на дóбрых конéй, поéхали...
Говори́т орáтай таковы́ словá:
— «Ай же, Вольгá Святослáвгович,
Остáвил я сóшку в борóздочке
Как бы сóшку с земéльки повы́дернути,
И брóсить бы сóшку за раки́тов куст?»
Молодóй Вольгá Святослáвгович
Посылáет он с дружи́нушки хорóбрыя
Пять мóлодцев могýчих;
Приéхали они́ к сóшке кленóвыя:
Они сóшку за óбжи вокрýг вертя́т,
А не мóгут сóшку с земéльки повы́дернути
Брóсить сóшку за раки́тов куст.

2

Посылáл Вольгá всю дружи́нушку хорóбрую.
Они сóшку за óбжи[75] вокрýг вертя́т,
А не мóгут сóшку с земéльки повы́дернути,
Брóсить сóшку за раки́тов куст.
Подъéхал орáтай-орáтаюшко
На своéй кобы́лке солóвой[76]
К этой ко сóшке кленóвой
Брал-то он сóшку однóй рукóй,
Сóшку с земéльки повы́дернул,
Брóсил сóшку за раки́тов кýст.
Сéли на дóбрых конéй, поéхали.
Орáтая кобы́лка-то ры́сью идёт,
А Вольги́н-то конь подскáкивает...
У орáтая кобы́лка-то грýдью пошлá,
А Вольги́н-то конь позади́ отстáл.

3

Говори́л Вольгá Святослáвгович:
— «Ай же ты, рáтай-ратáюшко!
Как тебя́ и́менем зовýт,

Как вели́чают по о́тчеству?»
Говори́л ора́тай таковы́ слова́:
— «Ай же, Вольга́ Святосла́вгович!
А я ржи напашу́, да во ски́рды сложу́,
Во ски́рды сложу́, домо́й вы́волочу,
Домо́й вы́волочу, да до́ма вы́молочу
Бо́чку пи́ва наварю́,
И мужи́чков напою́.
Ста́нут мужи́чки меня́ покли́кивати:[77]

Молодо́й Мику́лушка Селяни́нович.»

---

[51] сумка, которая перебрасывалась через седло
[52] кнут
[53] обеими руками
[54] красную
[55] хорошо научился
[56] в то время
[57] собирается воевать против Киева
[58] сжечь
[59] лоси
[60] не щадил
[61] собираться
[62] противник, враг
[63] храброй
[64] стража
[65] мурашик — муравей
[66] ратная сбруя — боевое оружие
[67] Гой еси! — Будь здоров! Будьте здоровы! (приветствия)
[68] кирпичный
[69] войско
[70] Стольный Киев — столица Киевской Руси.
[71] ратай — пахарь
[72] подгоняет коня
[73] пабедье — полдень
[74] петли в упряжи поверх оглоблей
[75] рукоятки у сохи
[76] серой
[77] звать, называть

СТАРШИЕ БОГАТЫРИ

СВЯТОГОР

снаряди́ться, to get ready, to equip oneself
седла́ть, заседла́ть, to saddle
поме́ряться си́лой, to measure swords
жи́лы, жи́лочки, veins
кровь жи́вчиком перелива́ется, the blood circulates quickly in this lively fellow
гру́зно, heavily
си́ла, си́лушка, strength
бре́мя, burden, load
как бы я нашёл, if I would find
тя́га, weight
подня́ть, to raise
наезжа́ть (находи́ть), to ride (to find)
су́мка, су́мочка, bag, small bag
перемётная су́мка, saddle bag
погоня́лка (кнут), whip
щу́пать, пощу́пать, to touch
не скря́нется, it does not move
не сворохнётся, it has not been displaced
перст (па́лец), finger
хвати́ть руко́й, to catch by hand
нае́зживать (находи́ть), to find
ди́во, чу́до, wonder
слеза́ть с коня́, to dismount
ухвати́л, he caught, held
угря́з в зе́млю (ушёл в зе́млю), he plunged into the earth
конча́ние (коне́ц, смерть), death, end of one's life

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

просвети́л све́тел ме́сяц, the moon shone
могу́ч богаты́рь, mighty hero
стрясло́ся, колеба́лось, сколеба́лось, was shaken
тур, ту́ры, bison
оле́нь, оле́ни, deer
ча́ща, ча́щица, thicket
е́льник, spruce grove
со́боль, sable
куни́ца, marten
пелена́ть, to swaddle
пелёнка червча́тая, golden swadling cloth
по́яс, belt
ла́ты, armor
шело́м, шлем, helmet
па́лица, club
прему́дрость, wisdom
обёртываться, to turn into
гнедо́й тур, brown bison
дружи́на, warriors, troops
хвали́ться, to boast
при́ступом взять, to take by storm
поче́сны монастыри́, revered monasteries
прибира́ть дружи́ну, to gather warriors
сто́льный город, capital
дога́длив, quick-witted
оберну́лся во́лком, he turned into a wolf
скака́ть, to gallop
зве́ри соха́тые, horned animals, deer
спу́ску нет, he gives no quarter, he doesn't spare
барс, snow leopard
кус, кусо́к, bite
за́яц, hare
бре́зговать, to shrink (from)
со́кол, falcon
я́ства, viands
скок, скачо́к, jump, leap
скочи́ть, to jump, skip

пала́ты, chambers
кося́щатое око́шечко small triangular stained-glass window
ве́дать, to know
бу́йные ве́тры, violent winds
сопроти́вник, сопроти́вничек, enemy, adversary
крюк, крюки́, hook, hooks
засо́в, засо́вы, bolt, bolts
закручи́ниться, запеча́литься, to become sorrowful
карау́лы, guards
муравей, мура́шик, ant
сбру́я ра́тная, armament, arms
руби́ть, to slash, cut with a sabre
ду́шенька, sweetheart
ухвати́ть, to grasp, catch by hand
расшиби́ть в кро́хи, to smash to bits
царём насе́л, he became a tsar
вы́катил, rolled out
надели́ть, to allot, give

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

расте́ть, матере́ть, to grow up, become strong and mature
щу́ка, pike
ры́скать, to wander, scour
жа́ловать, to grant, bestow
полу́чка, receipt of tribute
ра́тай, ора́тай, ploughman
ора́ть по́ле, to plough a field
пону́кивать, to drive on
па́бедье, по́лдень, noon
борозда́, боро́здка, furrow
помётывать, мета́ть, to furrow
вывёртывать, вы́вернуть, to pull out
гуж, гу́жики, tug, trace (harness)
повы́стегнул, unfastened
раки́тов куст, broom grove
со́шка, соха́, plough
о́бжи, reins
кобы́лка, young mare
скирда́, stack, rick
вы́волочить, to drag out
вы́молотить (молотить), to thresh all the wheat

II. МЛАДШИЕ КИЕВСКИЕ БОГАТЫРИ*

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

1. Исцеление Ильи Муромца

Кто бы нам сказа́л про ста́рое,
Про ста́рое про быва́лое,
Про того́ Илью́, про Му́ромца?
Илья́ Му́ромец, сын Ива́нович,
Он в си́днях сиде́л[78] три́дцать три го́да;
Пришли́ к нему́ ни́ща бра́тия,
Сам Ису́с Христо́с, два апо́стола:
— «Ты поди́, Илья́, принеси́ испи́ть!»
— «Ни́ща бра́тия, я без ру́к — без но́г!»

* See footnotes and vocabulary pages 112-113.

— «Ты вставáй, Илья́, нас не обмáнывай!»
Илья́ стал вставáть — рóвно встрёпанный;
Он пошёл — принёс чáшу в полторá ведрá,
Ни́щей брáтии стал поднáшивать;
Емý ни́щи отворáчивают;
Ни́ща брáтия у Ильи́ спрáшивали:
«Мнóго ли, Илья, чýешь в себé си́лушки?»
— От земли́ столб был бы до нéбушки,
Ко стóлбу бы́ло золотó кольцó,
За кольцó бы взял, святорýсску[79] повороти́л!

— «Ты поди́, Илья́, принеси́ другý чáшу!»
Илья́ стал им поднáшивать;
Они Илье́ отворáчивают.
Выпивáл Илья́ без óтдыха
Большý чáшу в полторá ведрá.
Они́ у Ильи́ стáли спрáшивать:
«Мнóго-ли, Илья́, чýешь в себé си́лушки?»
— Во мнé си́лушки полови́нушка.
Говоря́т кали́ки перехóжие:
— «Бýдешь ты, Илья́, вели́кий богаты́рь,
И смерть тебé на бою́ не напи́сана:
Бéйся — рáтися[80] со вся́ким богатырём,
А тóлько не выходи́ дрáться
С Святогóром-богатырём:
Егó и земля́ на себé чéрез си́лу нóсит;
Не бéйся и с рóдом Микýловым:
Егó лю́бит мáтушка сырá-земля́.
Не ходи́ ещé на Вольгý Всеслáвьича:
Он не си́лою возьмёт,
Так хи́тростью-мýдростью.
Доставáй, Илья́, коня́ себé богаты́рского,
Выходи́ в раздóльице чи́сто пóле.»
. . . .
Тут кали́ки потеря́лися[81]
Пошёл Илья́ к роди́телю ко бáтюшку
На тýю на рабóту на крестья́нскую...

2. Илья Муромец просит благословения у отца

Не сыро́й дуб к земле́ кло́нится,
Не бума́жные листо́чки расстила́ются;
Расстила́ется сын пе́ред ба́тюшком,
Он и про́сит себе́ благослове́ньица:
«Ой ты го́й еси́, роди́мый ми́лый ба́тюшка!
Дай ты мне своё благослове́ньице;
Я пое́ду в сла́вный сто́льный Ки́ев-гра́д,
Помоли́ться чудотво́рцам Ки́евским,
Послужи́ть кня́зю Влади́миру,
Постоя́ть за ве́ру христиа́нскую.»
Отвеча́ет ста́рый крестья́нин Ива́н Тимофе́евич:
— «Я на до́брыя дела́ благослове́нье дам,
А на худы́я дела́ благослове́нья нет.
Пое́дешь ты путём-доро́гою,
Не помы́сли злом на тата́рина,
Не убе́й в чи́стом по́ле христиа́нина.»

3. Илья Муромец едет на богатырские подвиги

Поклони́лся Илья́ Му́ромец отцу́ до́земли,
Сам он сел на добра́ коня́,
Пое́хал он во чи́сто по́ле.
Он и бьёт коня́ по круты́м бедра́м,
Пробива́ет ко́жу до черна́ мя́са;
Ретиво́й его конь осержа́ется,
Прочь от земли́ отделя́ется,
Он и ска́чет вы́ше де́рева стоя́чего,
Чуть пони́же о́блака ходя́чего.
Пе́рвый скок скочи́л на пятна́дцать вёрст;
В друго́й скочи́л — коло́дязь стал;
У коло́дязя сруби́л сыро́й дуб,
У коло́дязя поста́вил часо́венку
На часо́вне написа́л своё и́мячко:
«Ехал тако́й-то си́льный, могу́чий богаты́рь,
Илья́ Му́ромец сын Ива́нович.»

ИЛЬЯ ПОД ЧЕРНИГОВОМ

Илья освобождает Чернигов от татар

Поéхал ИльЯ́ на дóбром конé
Мимó гóрода Черни́гова:
Под Черни́говом си́лушки[82] черны́м-чернó.[83]
Черны́м-чернó, как чёрны вóроны.
Припусти́л он конЯ́ богаты́рского
На татáрскую си́лушку вели́кую,
Стал конём топтáть и копьём колóть,
Потоптáл и поколóл татáр в скóром врéмени,
И подъéхал он ко гóроду ко Черни́гову.
Прихóдят мужики́ к немý черни́говцы,
ОтворЯ́ют емý воротá в Черни́гов-град
И зовýт его в Черни́гов воевóдою.
Говори́т им ИльЯ́ таковы́ словá:
«Ай же вы, мужики́-черни́говцы!
Нейдý я к вам в Черни́гов воевóдою;
А скажи́те-ка мне дорóгу прямоéзжую,
Прямоéзжую дорóгу в стóльно-Ки́ев-град»
Говори́ли ему мужички́-черни́говцы:
— Ай же, удáленький дóбрый мóлодец,
Слáвный богаты́рь свЯ́то-русский!
Прямоéзжею дорóжкою в Ки́ев пятьсóт вёрст,
Окóльною дорóжкою цéла ты́сяча.
Прямоéзжая дорóжка вся застáвлена,
Застáвлена, замурáвлена:
Сéрый волк тут не ры́скает,
Чёрный вóрон пролетéть не мóжет.
Сиди́т там, у рéчки у Сморóдинки,
Сиди́т там Соловéй-разбóйник,
Одихмáнтьев сын,
Сви́щет Соловéй по-соловьи́ному,
Кричи́т он по-звери́ному:
Тёмные лесá к зéмле приклонЯ́ются,
Что есть людéй, все мертвы́ лежáт.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

1. Илья Муромец побеждает Соловья-Разбойника

Илья́ Му́ромец пусти́л коня́ богаты́рского,
Пое́хал по доро́жке прямое́зжей
Ко сла́вной ре́чке ко Сморо́динке.
Как засви́щет Солове́й-разбо́йник,
Одихма́нтьев сын,
Засвиста́л-то Солове́й по-соловьи́ному,
Закрича́л разбо́йник по-звери́ному;
Ильи́ Му́ромца до́брый конь спотыка́ется...
Станови́л он коня́ богаты́рского,
Брал свой туго́й лук, разры́вчатый,[84]
Накла́дывал он стрелу́ калёную,
И натя́гивал тетиву́ шелко́вую,
Спуска́л стрелу́ в Соловья́, во разбо́йника,
Вы́шиб ему́ пра́вое о́ко со коси́цею;[85]
Пал Солове́й на сыру́ зе́млю.
Богаты́рь удало́й Илья́ Му́ромец
Пристегну́л его́ ко пра́вому ко стре́мени,
И пое́хал по раздо́льицу-чи́сту по́лю,
Пря́мо к го́роду ко Ки́еву,
Ко ла́скову ко кня́зю ко Влади́миру.

2. Приезд Ильи Муромца к князю Владимиру

Прие́хал он ко кня́зю на широ́кий двор,
Станови́л он коня́ посере́дь двора́,
Вошёл он в пала́ту белока́менну;
Он крест кладёт по-пи́саному,
Покло́н-то ведёт по-учёному,
На все на четы́ре сторо́нки поклоня́ется,
Самому́-то кня́зю Влади́миру осо́бо.
Стал Влади́мир-князь выспра́шивать:
«Ты отку́да ро́дом, до́брый мо́лодец?
Тебя́ как, мо́лодца, и́менем назва́ть,
Велича́ть удало́го по оте́честву?»
Говори́л ему́ Илья́ таковы́ слова́:
«Я из го́рода из Му́рома,
Из сла́вного села́ Карача́рова,

Именем меня́ Ильёй зовут,
Илья́ Му́ромец, сын Ива́нович.»
Стал Влади́мир выспра́шивать:
— «А давно́ ли ты вы́ехал из Му́рома,
Ты кото́рою доро́жкой е́хал во сто́льно-Ки́ев-град?»
Говори́л ему́ Илья́ таковы́ слова́:
«Стоя́л я зау́треню во Му́роме,
Поспева́л к обе́дне я во сто́льно-Ки́ев-град.
Де́ло моё доро́женькой заме́шкалось:
Ехал я доро́жкой прямое́зжею,
Прямое́зжею ми́мо сла́вный Черни́гов-град,
Ми́мо сла́вной ре́чки Сморо́динки».
Говори́л Влади́мир таковы́ слова́:
— «Во глаза́х, мужи́к, ты посмеха́ешься,
Во глаза́х, мужи́к, ты завира́ешься:
Под го́родом Черни́говом стои́т си́лушка неве́рная,
У ре́чки у Сморо́динки Солове́й-Разбо́йник,
Одихма́нтьев сын.»
Говори́т Илья́ таковы́ слова́:
«Влади́мир, князь сто́льно-ки́евский!
Солове́й-разбо́йник на твоём дворе́,
И прико́ван он ко пра́вому ко стре́мени,
к була́тному.»[86]
Говори́т Влади́мир Илье́ Му́ромцу:
«Ай же, уда́л-богаты́рь Илья́ Му́ромец,
Прикажи́-ка ему́ засвиста́ть по-соловьи́ному,
Прикажи́-ка закрича́ть по-звери́ному».

3. Конец Соловью-Разбойнику

Говори́л Соловью́ Илья́ Му́ромец:
«Засвищи́-ка ты, Солове́й, то́лько в по́лсвиста
соловьи́ного,
Закричи́-ка то́лько в по́лкрика звери́ного.»
Как засвиста́л Солове́й по-соловьи́ному,
Закрича́л он по-звери́ному;
От э́того от по́свиста соловьи́ного,
От э́того от по́крика звери́ного,
Тёмные леса́ к земле́ поклони́лися,
На терема́х ма́ковки[87] покриви́лися,

Око́шки хруста́льные порассы́пались,
Что есть людéй — все мертвы́ лежа́т.
А Влади́мир князь сто́льно-Ки́евский
Стои́т — ку́ньей шу́бой укрыва́ется.
Илье́ Му́ромцу э́то де́ло не слюби́лося.[88]

Сади́лся Илья́ на добра́ коня́,
Ехал Илья́ в раздо́лье чи́сто-по́ле,
Сруби́л Соловью́ бу́йну го́лову,
Руби́л ему́ го́лову, выгова́ривал:
«По́лно тебе́ вдови́ть жён молоды́х,
По́лно тебе́ слези́ть отцо́в-матере́й,
По́лно тебе́ сироти́ть ма́лых де́тушек!»
Тут Илье́ и сла́ву пою́т.

ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ

1. Встреча с Данилом Игнатьевичем

Не тычи́нушка в чи́стом по́ле шата́ется:
До́брый мо́лодец подвига́ется,
До́брый мо́лодец — Илья́ Му́ромец,
С пенёчка на пенёчек он поска́кивает,
С холмо́чка на холмо́чек он попля́сывает.
На версту́ идёт дя́дя Дани́ло сын Игна́тьевич.
Возговори́т Илья́ Му́ромец:
«Уж ты здра́вствуешь, Дани́ло сын Игна́тьевич!
Ты отку́ль идёшь, ты куда́ пошёл?
Отвеча́ет Дани́ло сын Игна́тьевич:
«Иду́ я от гра́да Иерусали́ма
От царя́ Константи́на,
От цари́цы Еле́ны Алекса́ндровны.
Возговори́т Илья́ Му́ромец:
«По-хоро́шему ли живёт Константи́н Боголю́бович?»

2. Данило Игнатьевич сообщает об Идолище поганом

Отвечает Дани́ло Игна́тьевич:
«Не здоро́во, живёт царь Константи́н Боголю́бович:
Не ста́ло в Иерусали́ме чте́нья-пе́ния церко́вного,
Не ста́ло зво́на колоко́льного.

Расселилось Идолище поганое,
В долину Идолище пяти сажён,
Головища его, как пивной котёл,
Глаза у него, как чаши питейные,
Носище, как нож дровокольный[89]
Возговорит Илья Муромец:
«Уж ты гой еси, Данило сын Игнатьевич!
Ты зачем Идолища на бел-свет спустил?»
Отвечает Данило сын Игнатьевич:
Уж ты гой еси, Илейко сын Иванович!
Голова моя стала теперь при старости,
Нога за ногу запинается,
Рука за руку заплетается».

3. Илья Муромец едет к царю Константину

Возговорит Илья Муромец:
Снимай, Данило, платье каличье,[90]
Подавай мне шляпу земле-грецкую,
Земле-грецкую шляпу — сорок пять пудов.»
Надевает Илейко, платье каликино,
Накладает шляпу земле-грецкую,
Приходит во город во Иерусалим
Ко царю к Константину Боголюбову,
К его палатам белокаменным.
Заходил он в палату белокаменну,
Он крест кладёт по-писаному
Поклон ведёт по-ученому,
На все четыре стороны поклоняется:
«Уж ты здравствуешь, царь, со царицею!
Уж вы здравствуйте, князи-бояре!»

4. Илья встречается с Идолищем

Он поганому Идолищу не поклоняется.
Это Идолищу за беду пало.[91]
Возговорит Идолище поганое:
«А какой на Руси есть Илья Муромец,
Сильный-могучий богатырь?
Много ли он за раз хлеба съест?
Много ли он вина духом пьёт?

Высóк ли он рóстом-вóзрастом?»
Отвечáет калúка перехóжая:
Знáю Илью́ я, как себя́:
Хлéба ест он по три прóсвиры,
Винá пьёт по однóй чáрочке
Рóстом-вóзрастом он ровён со мнóй.»
Говорúт Идóлище погáное:
«Хлéба я ем пó три пýда
Винá дýхом пью на вы́ть[92] по ведрý на раз».
Возговорúт калúка перехóжая:
«Встáрь бы́ло у князя у Владúмира
Былá корóвища обжóриста:
Не моглá корóвища наедáтися,
Не моглá корóвища напивáтися;
Вы́шла корóвища во чúсто пóле,
Ещё тут корóвищу разорвáло,
Ещё тут корóвищу растрéснуло.
И тебя́, погáного, разорвёт».
Это Идóлищу за бедý пáло,
За бедý пáло за велúкую:

5. Бой между Идолищем и Ильей Муромцем

Говорúт Идóлище погáное:
Кабы́ был здесь Илья́ Мýромец
На долóнь[93] бы посадúл да другóй прижáл.
Меж долóнями тóлько мóкро бы остáлось».
Брал Идóлище бýлатный нож,
Кидáл в калúку перехóжего.
Рассердúлось у Илéйки сéрдце,
Раскипéлась кровь молодéцкая-богаты́рская.
Захватúл он шля́пу зéмле-грéцкую,
Зéмле-грéцкую шля́пу — сóрок пять пудóв,
Метáл шля́пой в Идóлища погáного,
Попадáл емý в бýйну гóлову,
Полетéла головá, бýдто пýговица.
Возговорúт царь Константúн сын Боголю́бович:
«Уж ты, бáтюшка, Илья́ Мýромец!
Ты берú казны́, скóлько нáдобно».

Отвеча́ет Илья́ Му́ромец:
«А что мне на́добно кали́ке перехо́жему?
Лу́чше поче́ствуй ты го́стя на прихо́де да на похо́де.

---

78 без движения; был парализован
79 Святую Русь — Святую Русскую землю.
80 сражайся, воюй
81 исчезли
82 войско
83 очень большое войско
84 тугой, упругий лук
85 косицы — виски
86 булат — сталь; булатный — стальной
87 верхушки
88 не понравилось
89 топор
90 калика — странник по святым местам (пилигрим); платье каличье — одежда странника
91 обидело
92 выть — обед
93 ладонь

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ

исцели́ть, to heal
исцеле́ние, the healing
ни́ща, ни́щий, destitute, beggar
нищета́, destitution
обма́нывать, deceive
обма́н, deceit, fraud, deception
обма́нывать, to deceive
встрёпанный, dishevelled, jump up wide awake
трепа́ть, pull about; tousle (hair)
они́ ему́ отвеча́ют, отдаю́т, they give to him
ра́тися, to fight, combat
рать, host, army
хи́трость, cunning
му́дрость, wisdom
раздо́льице, expanse
раздо́лье, expanse
дол, доли́на, dale, valley
О ты гой еси́, Hail to thee
благослове́ньице, blessing
благослове́ние, blessing
благослови́ть, to bless
сто́льный град, capital
столи́ца, capital
чудотво́рец, miracle worker
круты́е бёдра, thick hips
ретиво́й конь, high-spirited horse
осержа́ется, becomes angry
рети́вость, mettlesomeness
серди́ться, become angry
серди́тый, angry
прочь от земли́, off the ground
отделя́ется, separates (from ground)
отдели́ть, to separate
крестья́нин, peasant
крестья́нство, peasantry
крестья́нский, peasant (adj).

ИЛЬЯ ПОД ЧЕРНИГОВОМ

си́ла, си́лушка, forces (troops)
во́роны, ravens
припусти́ть коня́, to urge a horse
топта́ть, to trample
коло́ть копьём, to spear
воево́да, governor, leader of an army
прямое́зжая доро́га, straight path
око́льная доро́га, roundabout path
замура́влена, blocked up
приклоня́ться, to bow
солове́й, nightingale

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

побежда́ет, conquers, vanquishes
побежда́ть, to vanquish, conquer
побе́да, victory
победоно́сный, victorious
Гео́ргий Победоно́сец, Victorious George, St. George
доро́га прямое́зжая, straight road
солове́й, nightingale
зверь, beast
по-соловьи́ному as a nightingale
по-звери́ному, in beastly fashion
конь спотыка́ется, the horse stumbles
копы́то, the hoof
туго́й лук, taut, tight bow
разры́вчатый, tearing
рвать, to tear
разры́в, rupture, break, severance
стрела́ калёная, red-hot, tempered arrow
стреля́ть, to shoot
стрело́к, marksman, (rifleman now)
тяну́ть, to pull, to stretch
тетива́ шёлковая, silk string for bow)
шёлк, silk
он вы́шиб ему́ глаз, о́ко, he knocked out his eye
пристегну́л, fastened
пристегну́ть, to fasten
стре́мя, stirrup
зау́треня, matins
обе́дня, mass
поспева́ть, поспе́ть к (dat.), to come in time for
сла́вный; сла́ва, glorious; glory
заме́шкалось де́ло, business was delayed
заме́шкаться, to delay
ме́шкать, tarry, loiter, delay
ты посмеха́ешься, thou art laughing
смех, laughter
ты завира́ешься, thou art lying
завира́ться, врать, to lie, tell fibs
си́лушка неве́рная, host of infidels
си́ла, си́лы, force, strength
прико́ван, прикова́ть, riveted to
кова́ть, to beat iron

АЛЕША ПОПОВИЧ*

1. Алеша Попович и Еким Иванович

Из сла́вного Росто́ва, кра́сна го́рода,
Как два я́сные со́колы вылета́ли
Выезжа́ли два могу́чие богатыря́,
Что по и́мени Алёша Попо́вич млад,
А со молоды́м Еки́мом Ива́новичем.
Они е́здят богатыри́ плечо́ о́ плечь,
Стре́мя в стре́мя богаты́рское;
Они е́здили, гуля́ли по чи́сту по́лю
И нае́хали на три доро́ги широ́кие:
Промéжду тех доро́г лежи́т ка́мень,
А на ка́мени по́дпись подпи́сана.
Возговори́т Алёша Попо́вич млад:
— «А и ты, бра́тец Еки́м Ива́нович!
В гра́моте ты учёный челове́к —
Посмотри́ на ка́мени по́дписи,
Что на ка́меню подпи́сано.»
Соскочи́л Еки́м с добра́ коня́,
Посмотре́л на ка́меню по́дписи:
Распи́саны три доро́ги широ́кия:
Пе́рвая доро́га — в Му́ром лежи́т,
Друга́я доро́га в Черни́гов-град,
Тре́тья ко го́роду ко Ки́еву,
Ко ла́скову кня́зю Влади́миру.
Говори́л тут Еки́м Ива́нович:
— «А и бра́тец, Алёша Попо́вич млад,
Кото́рой доро́гой изво́лишь е́хать?»
Говори́л ему́ Алёша Попо́вич млад:
— «Лу́чше нам е́хать ко го́роду ко Ки́еву,
К ла́скову кня́зю Влади́миру.»
Втапо́ры повороти́ли до́брых коне́й
И пое́хали они ко го́роду ко Ки́еву;
Не дое́хавши они́ до Сафа́т-реки́,
Станови́лись на луга́х покорми́ть до́брых коне́й.
Расста́вили тут два бе́лы шатра́,
Что изво́лил Алёша опочи́в держа́ть[94]

* See footnotes and vocabulary page 117.

Прошла́ та ночь осе́нняя,
Ото́ сна пробужда́ется,
Встаёт ра́но-ранёшенько,
Утренней росо́й умыва́ется,
Бе́лой шири́нкой утира́ется,
На восто́к он Алёша Бо́гу мо́лится.
Молодо́й Еки́м сын Ива́нович
Своди́л коне́й пои́ть на Сафа́т на реку́:
И приказа́л ему Алёша
Ско́ро седла́ть до́брых ко́ней.
Наряжа́ются они́ е́хать ко го́роду ко́ Ки́еву,

2. Встреча с Каликой перехожим

Пришёл тут к ним кали́ка перехо́жий:
На нём шу́ба соболи́ная, долгопо́лая,
Шля́па земли́ гре́ческой,
В три́дцать пуд шелепу́га подоро́жная,[95]
В пятьдеся́т пуд налита́ свинцу́ тяжёлого,
Говори́т таково́ сло́во:
«Гой вы еси́, удалы́ до́бры мо́лодцы,
Ви́дел я Тугa ́рина Зме́евича;
В вышину́ ли он Туга́рин трёх сажён,
Проме́ж плече́й коса́я саже́нь,
Проме́ж глаз калёна стрела́;
Конь под ним как лю́тый зверь,
Изо рта́ пла́мень пы́шет,
Из уше́й дым столбо́м стои́т».
Отвеча́л Алёша Попо́вич млад:
«А и ты, бра́тец кали́ка перехо́жая,
Дай мне пла́тье кали́чье,
Возьми́ моё богаты́рское».
Даёт своё пла́тье кали́ка Алёше Попо́вичу,
Не отка́зываючи, а на себя́ надева́л
То пла́тье богаты́рское.

3. Бой Алеши Поповича с Тугарином Змеевичем

Ско́ро Алёша кали́кою наряжа́ется —
Пошёл за Сафа́т-реку́,
Зави́дел тут Туга́рин Зме́евич млад,
Зареве́л зы́чным[96] го́лосом;

Говори́т как Туга́рин Зме́евич млад:
«Гой еси́, кали́ка перехо́жая!
А и где ты слыха́л и где вида́л
Про мла́да Алёшу Попо́вича?
Я бы Алёшу копьём заколо́л,
Копьём заколо́л и огнём спали́л».
— Как хлестну́л Алёша Туга́рина
Шелепу́гой по бу́йной голове́;
Расши́б ему бу́йну го́лову —
И упа́л Ту́гарин на сыру́ зе́млю;
Вскочи́л ему Алёша на чёрну грудь,
Отре́зал ему́ го́лову прочь,
Пла́тье с него́ цве́тное
На сто ты́сяч — и всё пла́тье на себя́ надева́л;
Сади́тся на его́ добра́ коня́
И поехал к свои́м бе́лым шатра́м.

4. Еким Иванович принимает Алешу за Тугарина

Втапо́ры уви́дели Еки́м Ива́нович
И кали́ка перехо́жая,
Испуга́лися его́, се́ли на добры́х коне́й,
Побежа́ли ко го́роду Росто́ву
И настига́ет их Алёша Попо́вич млад.
Обернётся Еки́м Ива́нович,
Он выдёргивал па́лицу боеву́ю в три́дцать пуд,
Бро́сил наза́д себя́,
Показа́лося ему́, что Туга́рин Зме́евич млад —
И угоди́л в грудь бе́лую Алёши Попо́вича,
И упа́л он на сыру́ зе́млю.
Втапо́ры Еки́м Ива́нович
Соскочи́л с добра́ коня́,
Сел на грудь ему́,
Хо́чет поро́ть грудь бе́лую —
И уви́дел на нём зо́лот чу́ден крест,
Сам запла́кал, говори́л кали́ке перехо́жему:
«По греха́м надо мно́ю, Еки́мом, учини́лося,
Что уби́л своего́ бра́тца роди́мого.

5. Выздоровление Алеши Поповича. Богатыри продолжают свой путь в Киев

— И ста́ли его́ о́ба трясти́ и кача́ть,
И пото́м пода́ли ему́ питья́ замо́рского,
От того́ он здрав стал.
Ста́ли они говори́ть и ме́жду собо́ю пла́тьем меня́ти:
Кали́ка надева́л своё пла́тье кали́чье,
А Алёша своё богаты́рское.
Се́ли они на добры́х коне́й
И пое́хали все ко го́роду ко Ки́еву,
Ко ла́скову кня́зю Влади́миру.

АЛЕША ПОПОВИЧ

соскочи́ть, to jump off, dismount
расписа́ны доро́ги, assigned ways, roads
втапо́ры, then, at that time
опочи́в держи́ть, to go to sleep
пробужда́ться, to awaken
роса́, dew
седла́ть, to saddle
кали́ка перехо́жий, pilgrim
долгопо́лая, long-skirted
свине́ц, lead
лю́тый зверь, fierce, wild beast
пла́мень пы́шет, the flame blazes
столб, pillar
наряжа́ется, he gets ready
зареве́ть, to roar
зы́чный го́лос, very loud, strong voice
заколо́ть, to stab
хлесну́ть, to lash
расши́б, smashed
отре́зал прочь, he cut off
испуга́лися, they were frightened
настига́ть, to overtake
угоди́л в грудь, he was hit in the chest
поро́ть, to rip open
учини́лося, a trick has been played
трясти́, to shake
кача́ть, to rock, swing
замо́рский, overseas

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ*

1.

Говори́т Добры́ня, сын Ники́тич,
Своей госуда́рыне, родно́й ма́тушке:
«Ах, ты еси́, госуда́рыня родна́ ма́тушка!
Ты на что меня́, Добры́нюшку несча́стного, спороди́ла?
Споро́ди́ла бы, госуда́рыня родна́ ма́тушка,

* See footnotes and vocabulary pages 124-125.

Ты бы бе́леньким горю́чим меня́ ка́мешком,
Заверну́ла в то́нкой, во льняно́й во рука́вичек,
Спусти́ла бы меня́ во си́не мо́ре:
Я бы век, Добры́ня, в мо́ре лежа́л,
Я не е́здил бы, Добры́ня, по чи́сту по́лю,
Я не убива́л бы, Добры́ня, непови́нных душ,
Не пролива́л бы кро́ви я напра́сныя,
Не слези́л, Добры́ня, отцо́в-матере́й,
Не вдови́л, Добры́ня, молоды́х жён,
Не сироти́л бы ма́лых де́тушек.»
Отве́т де́ржит госуда́рыня его́ ма́тушка:
— «Я бы ра́да тебя́, ди́тятко, спороди́ти
Тала́ном-у́частью в Илью-Му́ромца,
Си́лой в Святого́ра-Богатыря́,
Сме́лостью в сме́лого Алёшу Попо́вича,
Красото́й бы в Осипа Прекра́сного,[97]
Я бы ве́жеством[98] в Добры́ню Ники́тича:
Ско́лько та́я статьи́ есть, а други́х Бог не́ дал,
Други́х Бог не́ дал, не пожа́ловал.»
Ско́ро-на́-скоро Добры́ня он коня́ седла́л,
Поезжа́л Добры́ня во чи́сто по́ле.
Провожа́ла Добры́ню родна́ ма́тушка,
Прости́лася, вороти́лася,
Домо́й пошла́, сама́ запла́кала,
Учала́ по пала́те поха́живать,
Начала́ го́лосом причи́тывать,
Жалобнёхонько так, с при́четью.
Провожа́ла Добры́ню люби́мая жена́,
Молода́ Наста́сья дочь Нику́лична;
Сама́ говори́ла таково́ сло́во:
— «Когда́ Добры́нюшка домо́й бу́дет?
Когда́ дожида́ть Добры́ню из чи́ста по́ля?»
Отвеча́л Добры́ня, сын Ники́тич:
«Когда́ у меня́ ты ста́ла спра́шивать,
Тогда́ я ста́ну тебе́ ска́зывать:
Ожида́й Добры́нюшку по три го́да:
Если в три го́да не бу́ду, жди дру́го три,
А как спо́лнится вре́мени шесть годо́в,
Да не бу́ду я домо́й из чи́ста по́ля,
Помина́й меня́, Добры́нюшку, уби́того;

А тебе́-ка, Наста́сья, во́ля во́льная:
Хоть вдово́й живи́, хоть за́муж поди́,
Хоть за кня́зя поди́, хоть за боя́рина,
А хоть за ру́сского могу́чего богатыря́,
А то́лько не ходи́ за моего́ бра́та назва́нного,
За сме́лого за Алёшу за Попо́вича.

2. Настасья Никулична и Алеша Попович

Ста́ла дожида́ть Добры́ню по три го́да.
Как день за днём, бу́дто дождь дожжи́т,
Неде́ля за неде́лей, как трава́ растёт,
А год за го́дом, как река́ бежи́т.
Прошло́ тому́ вре́мени да три го́да,
Не быва́л Добры́ня из чи́ста по́ля.
Во ту́ю по́ру, в то вре́мя
Приезжа́л Алёша из чи́ста по́ля,
Привози́л он ве́сточку нера́достну,
Что нет жива́ Добры́ни Ники́тича.
Тогда́ госуда́рыня его́ ма́тушка
Жа́лобно по нём пла́кала,
Слези́ла она́ о́чи я́сныя,
Скорби́ла она́ лицо́ бе́лое
По своём родно́м ди́тятке
По молодо́м Добры́не Ники́тиче.
Стал со́лнышко-Влади́мир тут поха́живать
Наста́сью Нику́личну посва́тывать:
— «Как тебе́ жить молодо́й вдово́й,
Молодо́й век свой корота́ти?
Поди́ за́муж за сме́лого Алёшу Попо́вича.»
Отвеча́ла Наста́сья дочь Нику́лична:
— «Я испо́лнила за́поведь му́жнюю,
Я ждала́ Добры́ню це́лых шесть годо́в,
Не быва́л Добры́ня из чи́ста по́ля;
Я испо́лню за́поведь свою́ же́нскую:
Я прожду́ Добры́нюшку дру́го шесть годо́в:
Так спо́лнится вре́мени двена́дцать лет.
Да успе́ю и в ту по́ру за́муж пойти́.»
Опя́ть день за днём, бу́дто дождь дожжи́т,
А неде́ля за неде́лей, как трава́ растёт,

А год за го́дом, как река́ бежи́т.
Прошло́ тому́ вре́мени дру́го шесть годо́в;
Спо́лнилось ве́рно двена́дцать лет.
Не бывáл Добры́нюшка из чи́ста по́ля.

3. Настасья Никулична выходит замуж за Алешу Поповича

Стал со́лнышко Влади́мир похáживать,
Настáсью Нику́личну посвáтывать,
Посвáтывать, подговáривать:
— «Как тебе́ жить молодо́й вдово́й,
Молодо́й свой век коротáти?
Поди́ зáмуж хоть за кня́зя, хоть за боя́рина,
А хоть за сме́лого Алёшу Попо́вича?
Не пошлá зáмуж Настáсья Нику́лична
Ни за кня́зя, ни за боя́рина,
А пошлá заму́ж за сме́лого Алёшу Попо́вича.
Пир идёт у них по тре́тий день;
Сего́дня им идти́ ко Бо́жьей це́ркви,
Принимáть с Алёшей по злату́ венцу́.
А Добры́ня случи́лся у Царя́-грáда,
А у Добры́ни конь спотыкáется,
И вещáет ему́ до́брый конь,
Ему го́лосом челове́ческим:
— «Ой хозя́ин ты мой люби́мый,
Над собо́й невзго́ды не ве́даешь:
Твоя́ молодá Настáсья дочь Нику́лична зáмуж пошлá
За сме́лого Алёшу за Попо́вича;
Пир идёт у них уж по тре́тий день...
Разгорячи́лся Добры́нюшка Ники́тич,
Он берёт да плёточку шелко́вую,
Он бьёт коня́ по круты́м бокáм,
Как стал его́ конь поскáкивать,
С горы́ нá гору, с холмá нá холмы,
И ре́ки, озёра перескáкивать,
Широ́кия раздо́лья ме́жду ног пущáть...[99]
Как не я́сный со́кол в перелёт лети́т,
До́брый мо́лодец на коне́ мчит.
Не воро́тами е́хал, а че́рез сте́ну городову́ю —
Ми́мо той бáшни науго́льной...

4. Приход Добрыни на свадебный пир

Не спрáшивал Добры́ня у ворóт приворóтников,
У дверéй не спрáшивал придвéрников,
Всех он взáшей[100] прочь оттáлкивал;
Смéло проходи́л он в палáты кня́жецкия,
Крест кладёт по пи́саному,
Поклóн ведёт по у́ченому,
Сам говори́т таковó слóво:
— «Здрáвствуй, сóлнышко — Влади́мир
стóльно-Киéвский!
Со своéй княги́ней со Апрáксией!»
Вслед иду́т все, жáлобу творя́т:
«Сóлнышко-Влади́мир, стóльно-киéвский!
Как э́тот удáл-дóбрый мóлодец
Наéхал из пóля скóрым гонцóм,
И тепéрича идёт скоморóшиной.[101]
Он не спрáшивал у ворóт приворóтников,
У дверéй не спрáшивал придвéрников,
Всех нас взáшей прочь толкáл. . .
Скоморóшина к речáм не при́мется,
Скоморóшина в рéчи не вчу́ется:
«Скажи́, где есть нáше мéсто скоморóшное?»
С сéрдцем говори́т Влади́мир стóльно-ки́евский:
— «Вáше мéсто скоморóшное
На той на пéчке на мурáвленой,
На мурáвленой пéчке — на запéчке.»
Добры́ня вскочи́л на мéсто на покáзано,
На ту́ю на пéчку на мурáвлену;
Натя́гивал тети́вочки шелкóвыя
На ты́я стру́ночки золочёныя
Учáл по стру́нкам похáживать,
Учáл по стру́нкамповáживать,
Тут все на пиру́ призамóлкнули;
Сáми говоря́т таковó слóво:
Что не удалóй э́то скоморóшина,
А удалóй ру́сский дóбрый мóлодец.
Говори́л Влади́мир стóльно-Ки́евский:
— «Ах ты удалóй скоморóшина!
Опущáйся из пéчки из запéчки;

Сади́сь-ка с на́ми за дубо́в стол хле́ба ку́шати,
Ста́нем бе́лыя лебёдушки мы ру́шати.[102]
За твою́ игру́ за весёлую
Дам тебе́ три ме́ста люби́мых:
Пе́рвое ме́сто — сядь по́дле меня́,
Друго́е ме́сто супроти́в меня́,
А тре́тье ме́сто, куда́ сам захо́чешь.»
Не се́ла скоморо́шина по́дле кня́зя,
Не се́ла скоморо́шина про́тив кня́зя,
А сади́лась скоморо́шина на скаме́ечку,
Супроти́в княжны́ обручёныя.

5. Настасья Никулична узнает Добрыню Никитича

Говори́т удала́ скоморо́шина:
— «Со́лнышко-Влади́мир сто́льно-ки́евский!
Благослови́ мне нали́ть ча́ру зе́лена вина́,
Поднести́ э́ту ча́ру, кому́ я зна́ю.»
Налива́ет он ча́ру зе́лена вина́,
Опуска́ет в ча́ру свой золочён пе́рстень,
Подно́сит княжне́ обручёныя.
Сам говори́т таково́ сло́во:
«Молода́ Наста́сья, дочь Нику́лична!
Прими́ сию́ ча́ру еди́ной руко́й,
Да вы́пей-ка ча́ру е́диным ду́хом;
Как вы́пьешь до дна́, так вида́ешь добра́,
А не вы́пьешь до дна́, не вида́ешь добра́.»
Она приняла́ ча́ру еди́ной руко́й,
Да и вы́пила ча́ру еди́ным ду́хом,
Да и ви́дит в ча́ре свой золочён пе́рстень,
Кото́рым с Добры́нею обруча́лася;
Сама́ говори́т таково́ сло́во:
— «Со́лнышко-Влади́мир сто́льно-ки́евский!
Не тот мой муж, кото́рый по́дле меня́,
А тот мой муж, кото́рый супроти́в меня́,
Сиди́т мой муж на скаме́ечке,
Подно́сит мне ча́ру зе́лена вина́.»

6. Настасья Никулична просит прощения у Добрыни Никитича

Упа́ла Наста́сья в ре́звы но́ги му́жу:
— «Прости́, прости́, Добры́нюшка Ники́тич,
В той вине́ прости́ меня́, в глу́пости,
Что не по твоему́ нака́зу я сде́лала,
Я за сме́лого Алёшеньку за́муж пошла́.»
Говори́л Добры́ня, сын Ники́тич:
«Что не диву́ю[103] я ра́зуму-то же́нскому,
Что во́лос до́лог, да ум коро́ток.
А диву́ю я Со́лнышку-Влади́миру
С молодо́й княги́ней со Апра́ксией:
Со́лнышко-Влади́мир тут сва́том был,
А княги́ня Апра́ксия сва́хою,
Они́ у живо́го му́жа жену́ просва́тали.»
Тут Со́лнышку-Влади́миру сты́дно ста́ло;
И возговори́л Алёшенька Григо́рьевич:
— «Прости́, прости́, бра́тец мой назва́ный,
Что я посиде́л по́дле твое́й люби́мой семьи́,[104]
По́дле молодо́й Наста́сьи Нику́личны.

7. Добрыня наказывает Алешу Поповича

Говори́т Добры́нюшка таковы́ слова́:
«В той вине́, бра́тец, тебе́ Бог прости́т,
Что ты посиде́л по́дле мое́й люби́мой семьи́,
По́дле молодо́й Наста́сьи Нику́личны,
А во друго́й вине́ тебе́, бра́тец, не прощу́:
Как прие́хал ты из чи́ста по́ля
В пе́рвых шесть годо́в,
Привози́л ты ве́сточку нера́достну,
Что нет жива́ Добры́ни Ники́тича:
Уби́т лежи́т во чи́стом по́ле...
Так тогда́ госуда́рыня родна́ ма́тушка
Жалёшенько по мне пла́кала,
Слези́ла свои́ о́чи я́сныя,
Скорби́ла своё лицо́ бе́лое;
С э́той вины́ тебя́ не прощу́!»
Ухвати́л Алёшку за жёлты ку́дри,

Бросил Алёшку о кирпичен мост,
Выдернул шалыгу подорожную,
Начал шалыгой похаживать,
Что хлопанье и что оханье, не слышно ведь.
. . . .
То старина, то и деянье:
Синему морю на утешенье,
Быстрым рекам слава до моря,
А добрым людям на послушанье,
Весёлым молодцам на потешенье.

---

94 спать
95 палка, дорожный посох
96 сильным, громким
97 Иосиф Прекрасный, сын Иакова (из Библии).
98 вежество — образование, воспитанность, вежливость
99 пропускать, то-есть: перескакивать через долины
100 в шею
101 скоморохи — бродячие комедианты и музыканты
102 разрезать на куски
103 не удивляюсь
104 около твоей жены

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

горючий камешек, burning pebble
завернуть, to wrap up
рукав, рукавичек, sleeve
пролить, to spill
напрасный, vain, useless
спородити, родити, to give birth
пожаловать, to show favor
палата, chamber
жалобнёнько, sorrowful
причитывать, to lament
провожала, saw off
поминай меня, pray for me
скорбила, mourned
посватывать, to propose a match
исполнить заповедь, to fulfill a command, precept
сполнилось, исполнилось двенадцать лет, twelve years have passed (since he left)

НАСТАСЬЯ НИКУЛИШНА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

пир, feast
вещает, prophesizes
невзгода, adversity
разгорячился, was excited
мчит(ся), rushes

ПРИХОД ДОБРЫНИ НА СВАДЕБНЫЙ ПИР

приворо́тник, gatekeeper
вза́шей прочь отта́лкивал, pushed away
жа́лобу творя́т, complained
гоне́ц, messenger
скоморо́шина, buffoon, minstrel
не вчу́ется, does not listen to
муравлёная пе́чка, glazed stove
золочёные стру́ночки, guilded strings
призамо́лкнуть, to be silent
опуща́йся, drop down!
ру́шати, to cut
обручёная, betrothed

5

нали́ть ча́ру, to fill a goblet
вы́пить еди́ным ду́хом, to drink down in one gulp
обруча́ться, to become engaged

6

проще́ние, forgiveness
ре́звы но́ги, speedy legs
нака́з, order
диву́ю, I am amazed
ра́зум, mind
сват, сва́ха, matchmaker

7

нака́зывает, punishes
вина́, guilt, fault
вы́дернул, pulled out
хло́панье, smacking
о́ханье, moaning
де́яние, deeds
утеше́ние, consolation
послу́шанье, listening, hearing
потеше́нье, amusement

III. ЗАЕЗЖИЕ БОГАТЫРИ ИЗ ЗАМОРСКИХ СТРАН*

Киевскую Русь посещали богатыри из других стран. Из далекой северной страны, из города Леденца приезжал к князю Владимиру славный богатырь Соловей Будимирович. Он приехал на своих разукрашенных кораблях, привез золотую казну и дорогие подарки князю и княгине, и женился на племяннице князя Владимира — молодой Забаве Путятишне.

Из Индии приезжает в Киев богатырь Дюк Степанович. Он хвалится богатствами Индии и вступает в единоборство с богатырем Чурилой Пленковичем.

Дюку Степановичу помогает его конь Бурушко-Кавурушко.

* See footnotes and vocabulary pages 135-137.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Высота́ ли, высота́ поднебе́сная,
Глубота́, глубота́ акия́н[1]-мо́ре,
Широко́ раздо́лье по всей земли́,
Глубоки́ о́муты днепро́вския.
Из-за мо́ря, мо́ря си́нева,
Из глухомо́рья[2] зелёнова,
От сла́вного го́рода Ле́денца[3]
От того́-ли царя́ замо́рского
Выбега́ли-выгреба́ли три́дцать корабле́й,
Три́дцать корабле́й еди́н кора́бль
Сла́внова го́стя[4] бога́това,
Молода́ Соловья́ сы́на Будими́ровича.
Хорошо́ корабли́ изукра́шены,
Оди́н кора́бль полу́чше всех.
У того́ бы́ло со́кола у корабля́
Вме́сто оче́й бы́ло вста́влено
По дорогу́ ка́мню по я́хонту;[4]
Вме́сто брове́й бы́ло прибива́но
По чёрному со́болю яку́тскому,
И я́кутскому ведь сиби́рскому;
Вме́сто уса́ бы́ло во́ткнуто
Два о́стрыя но́жика була́тныя;
Вме́сто уше́й бы́ло во́ткнуто
Два востра́ копья́ мурзаме́цкия,[5]
И два горноста́я пове́шены,
И два горноста́я, два зи́мния.
У того́ бы́ло со́кола у корабля́
Вме́сто гри́вы прибива́но
Две лиси́цы бурна́стыя;
Вме́сто хвоста́ пове́шено
На том бы́ло со́коле-корабле́
Два медве́дя бе́лыя замо́рския.
Нос, корма́ — по тури́ному,
Бока́ взведены́ по звери́ному.
Бегу́т ко го́роду Ки́еву,
К ла́скову кня́зю Влади́миру.
На том со́коле-корабле́
Сде́лан мура́влен[6] черда́к[7]

В чердаке́ была́ бесе́да[8] до́рог ры́бий зуб,[9]
Подёрнута бесе́да ры́тым ба́рхатом.[10]
На бесе́де-то сиде́л до́брый мо́лодец,
Молодо́й Солове́й сын Будими́рович.
Говори́л Солове́й таково́ сло́во:
«Гой еси́ вы, го́сти-корабе́льщики
И все целова́льники[11] люби́мыя!
Как бу́ду я в го́роде Ки́еве
У ла́скова кня́зя Влади́мира,
Чем мне-ка бу́дет кня́зя дари́ть,
Чем све́та жа́ловати?»[12]
Отвеча́ют го́сти-корабе́льщики
И все целова́льники люби́мыя:
«Ты сла́вный, бога́тый гость,
Молодо́й Солове́й сын Будими́рович!
Есть, су́дарь, у вас золота́ казна́,
Со́рок сороко́в чёрных соболе́й,
Втора́я со́рок бурна́стых лиси́ц;
Есть, су́дарь, дорога́ ка́мка,[13]
Что не дорога́ ка́мочка-узо́р хитёр:
Хи́трости бы́ли Царя́-гра́да[14]
А и му́дрости Иеруса́лима,
За́мыслы Соловья́ Будими́ровича;
На зла́те, на серебре́ — не погнётся».
Прибежа́ли корабли́ под сла́вный Ки́ев-град,
Якори мета́ли в Днепр-реку́,
Схо́дни броса́ли на крут бережо́к,
Това́рную по́шлину в тамо́жне плати́ли
Со всех корабле́й семь ты́сячей
Со всех кораблей, со всего́ живота́.[15]
Брал Солове́й свою́ золоту́ казну́,
Со́рок сороко́в чёрных соболе́й.
Второ́е со́рок бурна́стых лиси́ц,
Пошёл он ко ла́скову кня́зю Владими́ру.
Идёт во гри́дню во све́тлую,
Как бы на́ пяту две́ри отворя́лися,[16]
Идёт во гри́дню до́брый мо́лодец,
Молодо́й Солове́й сын Будими́рович,
Спа́сову о́бразу мо́лится,
Владими́ру-кня́зю кла́няется,

Княги́не Апраксе́вной на осо́бицу[17]
И подно́сит кня́зю свои́ дороги́ пода́рочки:
Со́рок сороко́в чёрных соболе́й,
Второ́е со́рок бурна́стых[18] лиси́ц;
Княги́не поднёс ка́мку шёлковую
Не дорога́ ка́мочка — узо́р хитёр:[19]
Хи́трости Царя́-гра́да,
Му́дрости Иеруса́лима,
За́мыслы Соловья́ сы́на Будими́ровича.
Кня́зю дары́ полюби́лися,
А княги́не наибо́льше тoгó.
Говори́л ла́сковый Влади́мир-князь:
«Гой еси́ ты, бога́тый гость,
Солове́й сын Будими́рович!
Займу́й[20] дворы́ княжене́цкия,
Займу́й ты боя́рския,
Займу́й дворы́ и дворя́нския».
Отвеча́ет Солове́й сын Будими́рович:
«Не на́до мне дворы́ княжене́цкия,
И не на́до дворы́ боя́рския,
И не на́до дворы́ дворя́нския,
То́лько ты дай мне заго́н земли́.[21]
Непа́ханыя и нео́раныя,
У свое́й, госуда́рь, княжене́цкой племя́нницы,
У молодо́й Заба́вы Путя́тичны,
В её, госуда́рь, зелено́м саду́,
В ви́шенье, в оре́шенье[22]
Постро́ить мне, Соловью́, снаря́ден двор».
Говори́л су́дарь, ла́сковой Влади́мир-князь:[23]
«На то тебе́ с княги́нею поду́маю».
А поду́мавши, отдава́л Соловью́
Заго́н земли́ непа́ханыя и нео́раныя.
Походи́л Солове́й на свой червлён[24] кора́бль,
Говори́л Солове́й сын Будими́рович:
«Гой еси́ вы, мои́ лю́ди рабо́тныя!
Бери́те вы топо́рики була́тныя,
Поди́те к Заба́ве в зелено́й сад,
Постро́йте мне снаря́ден двор
[В] ви́шенье, в оре́шенье».
С ве́чера по́здным-по́здно,

Бу́дто дя́тлы в де́рево пощёлкивали,
Рабо́тала ево дружи́на хоро́брая.
Ко полу́ночи и двор поспе́л:
Три те́рема златове́рховаты,[25]
Да тро́и се́ни[26] решётчатыя.
Хорошо́ в терема́х изукра́шено:
На не́бе со́лнце — в те́реме со́лнце,
На не́бе ме́сяц — в те́реме ме́сяц,
На не́бе звёзды — в те́реме звёзды,
На не́бе заря́ — в те́реме заря́,
И вся красота́ поднебе́сная.
Ра́но зазвони́ли к зау́трене,
Ото сна́ Заба́ва пробужа́лася,
Посмотре́ла сама́ в око́шечко кося́щатое,[27]
[В] ви́шенья, в оре́шенья,
Во свой во хоро́шой во зелено́й сад.
Чу́до Заба́ве показа́лося
В её хоро́шем зелено́м саду́,
Что стоя́т три те́рема златове́рховаты.
Говори́ла Заба́ва Путя́тишна:
«Гой еси́, ня́нюшки и ма́мушки,
Кра́сныя сенны́я де́вушки![28]
Поди́те-ка, посмотри́те-ка,
Что мне за чу́до показа́лося
[В] ви́шенье, в оре́шенье».
Отвеча́ют ня́нюшки-ма́мушки
И сенны́я кра́сныя де́вушки:
Ма́тушка[29] Заба́ва Путя́тишна,
Изво́ль-ка сама́ посмотре́ть —
Сча́стье твоё на двор к тебе́ пришло́!»
Ско́ро-де Заба́ва наряжа́ется,
Надева́ла шу́бу соболи́ную
Цена́-та шу́бы три ты́сячи,
А пу́говки в семь ты́сячей.
Пошла́ она́ в ви́шенье, в оре́шенье,
Во свой во хоро́ш во зелено́й сад.
У пе́рвова те́рема по́слушала —
Тут в терему́ всё ти́хо, молчи́т:
Лежи́т Соловьёва золота́ ка́зна;
Во второ́м терему́ послу́шала —

Тут в терему́ потихо́ньку говоря́т:
Мо́лится Соловьёва ма́тушка
Со вдо́вы че́стны многоразу́мными.
У тре́тьева те́рема послу́шала —
Тут в терему́ му́зыка греми́т.
Входи́ла Заба́ва в се́ни кося́щатые,[30]
Отвори́ла две́ри на́ пяту —
Бо́льно Заба́ва испуга́лася,
Ре́звы[31] но́ги подломи́лися.
Чу́до в те́реме показа́лося:
На не́бе со́лнце — в те́реме со́лнце,
На не́бе ме́сяц — в те́реме ме́сяц,
На не́бе звёзды — в те́реме звёзды.
На не́бе заря́ — в те́реме заря́
И вся красота́ поднебе́сная.
Подломи́лись её но́женьки ре́звыя,
Втапо́ры Солове́й он дога́длив был:
Бро́сил свои́ зво́нчаты гу́сли,
Подхва́тывал де́вицу за бе́лы ру́чки,
«Чего́-те ты Заба́ва, испуга́лася,
Мы де оба на во́зрасте».
«А и я-де деви́ца, на вы́данье,[32]
Пришла́-де сама́ за тебя́ сва́таться».
Тут они́ и помо́лвили,[33]
Целова́лися же, милова́лися
Золоты́ми перстня́ми поменя́лися.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

I. Дюк Степанович просит у матери благословения ехать ко граду Киеву

Во то́й бы́ло Индии во бога́тыя
А бы́л молодо́й боя́рин Дюк Степа́нович,
Он ходи́л по ти́хим за́водям,
Стреля́л се́рых гусе́й и ле́бедей.
Он все́х вы́стрелил ро́вно три́ста стре́л.
Уби́л он три́ орла́, он три орло́вица.[34]
Он с таки́х-ли вели́ких со ра́достей,
Пошёл он к госуда́рыне родно́й ма́тушке

Проси́ть проще́ньица с благослове́ньицем,[35]
Ехать ко гра́ду ко Ки́еву.
Ко ла́сковому кня́зю ко Влади́миру
Он пря́мой доро́жкой, не око́льною.
Как проговори́ла его́ госуда́рыня, родна́ ма́тушка,
«Я не да́м тебе́ проще́ньица с благослове́ньицем
Ехати ко гра́ду ко Ки́еву,
Прямо́й доро́жкой не око́льною,
Есть три́ за́ставы там, да вели́кие:
А пе́рвая-то за́става есть го́ры толку́чие,[36]
Тут тебе́, Дю́ку, не прое́хати.
Есть та́м другая́ за́става — пти́цы клеву́чие,
Они́ тебя́ Дю́ка и с конём склю́ют.
Есть тре́тья там за́става — лежи́т Зме́ище Горы́нищо,
О двена́дцати змея́ о хо́ботах,
Ту́т тебе́ молодо́му живу не бы́ти».
А о́н молодо́й Дю́к Степа́нович,
Он не слу́шал свое́й да госуда́рыни родно́й ма́тушки.
Он поше́л во коню́шенку стоя́лую,
Он взя́л бу́рушко да ве́дь кову́рушка.[37]
Он корми́л бурка́ пшено́м да белоя́ровым,[38]
Он пои́л бурка́ питьецо́м медвя́ным,[39]
Он натя́гивал двена́дцать туги́х по́дпругов.
По́дпруги те бы́ли шелко́вые,
Пря́жки у него́ да кра́сна зо́лота.
А как шёлк не рвётся, була́т не трётся,
Кра́сно зо́лото не ржаве́ет.
Мо́лодец на коне́ сиди́т не старе́ет.

II. Бурушко-кавурушка помогает Дюку

Он сади́лся на добра́ коня́
Проща́лся с госуда́рыней ма́тушкой
Перво́ по́прище[40] бурка́ скочи́л це́лу версту́.[41]
И припа́дывал к земле́ сыро́й-ма́тери.[41]
И проговори́л он челове́ческим го́лосом.
«Ай же ты́ хозя́ин мой люби́мый!
Отпуща́йся-ко́ с меня́ добра́ коня́,
Ты бери́-тко земли́ да сыро́й ма́тери,
Ты подвя́зывай под пле́чико под пра́во,

Да подвя́зывай под пле́чико под ле́вое,
Чтоб не стра́шно бы́ло сиде́ть на мне́ на до́бром коне́».
Тут стал бу́рушко-каву́рушка поска́кивать
С го́ры на го́ру да с хо́лма на хо́лму
А ре́ки озе́ра переска́кивать.

III. Дюк Степанович приезжает в Киев

А прие́хал он ко гра́ду ко Ки́еву
Ко ла́скову кня́зю ко Влади́миру.
А он са́м взошёл в столо́ву во пере́днюю.
Он кре́ст кладёт по-пи́саному
А покло́н ведёт да по-у́ченому
А на все́ на четы́ре на сто́роны.
А княги́не Апра́ксии в осо́бину:
«Вы здра́вствуйте княги́ня Апра́ксия,
А где со́лнышко Влади́мир сто́льно-ки́евский?»
«А ушёл он во Бо́жию це́рковь».
Молодо́й боя́рин Дюк Степа́нович,
Он вы́шел на у́лицу широ́кую
Пошёл он во Бо́жию це́рковь.
Мостовы́е бы́ли землёю призасы́паны,
Их подли́ло водо́ю дождево́ю;
Замара́л он сапо́жки зе́лен-сафья́н,
Пришёл он во Бо́жью це́рковь.
Он кре́ст кладёт да по-пи́саному,
Покло́н ведёт да по-у́ченому
На все́ четы́ре на сто́роны.
А кня́зю Влади́миру в осо́бину.
И проговори́т Влади́мир сто́льно-ки́евский
«Ай же ты́ уда́лый до́брый мо́лодец!
Да ка́к тебя́[42] мо́лодец и́менем зову́т ,
Нарека́ют по оте́честву?»
«Я из то́й Индии из бога́тыя
Молодо́й боя́рин Дюк Степа́нович,
Отстоя́л до́ма ра́ннюю заýтреню,
А сюда́ прие́хал ве́дь к обе́дне я».

IV. Дюк Степанович хвалится богатством Индии

Вот зашли́ они́ в пала́ты[43] княже́ские,
Сади́лись за дубо́вый стол хле́ба ку́шати
Как молодо́й боя́рин Дюк Степа́нович
Он мяки́ш-то е́ст, а ко́рочку под сто́л ме́чет.
А проговори́л Влади́мир сто́льно-ки́евский[44]
«Ай-то ты́ молодо́й боя́рин Дюк Степа́нович,
А ты́ почто́ мяки́ш-то е́шь, а ко́рочку под стол ме́чешь?»
Как проговори́л молодо́й боя́рин Дюк Степа́нович,
«Я слыха́л от роди́теля от ба́тюшки,
Что Ки́ев очень краси́в-добри́ст[45]
И в Ки́еве всё не по-на́шему.
У вас пе́чки-то ве́дь ка́менные,
А поме́лечки[46] у ва́с да сосно́вые.
У на́с пе́чки все-то мура́вленые,
А поме́лечки у на́с все шелко́вые.
А печёт ма́тушка кала́чики крупи́чаты[47]
Как кала́чик-то съе́шь, то друго́й хо́чется,
А друго́й съе́шь, по тре́тьем душа́ гори́т,
Как тре́тий съе́шь, четвёртый с ума́ нейдёт.[48]
Я слыха́л от роди́теля от ба́тюшки,
Что Ки́ев о́чень краси́в-добри́ст,
В Ки́еве всё не по-на́шему.
Це́ркви у ва́с деревя́нные,
А ма́ковки[49] на церква́х да оси́новые.
А у на́с в Индии во бога́тые
Це́ркви у на́с все ка́менные,
На церква́х-то ма́ковки самоцве́тные,[50]
На дома́х-то кры́шечки золочёные».
А проговори́л Влади́мир сто́льно-ки́евский
«Ай же ты́ молодо́й Дю́к Степа́нович,
Ай ты молодо́й, сам захва́стливый!».

V. Заклады Дюка Степановича с Чурилой Плёнковичем

И возговори́л Влади́мир кня́зь сто́льно-ки́евский
«Ай же ты молодо́й боя́рин Дюк Степа́нович
Ты уда́рь-ко с на́шим Чури́лушкой Плёнковичем о вели́к закла́д
Что́бы е́здить ва́м во чи́сто по́ле по три́ го́ду,

А по трй гóду, да ещё по трй днй,
Чтóбы на всякий дéнь кóни бы́ли смéнные,
А плáтье на всякий дéнь бы́ло смéнное,
Чтóбы цвéту такóго да нé было.
А на трéтий дéнь вам идтй ко Бóжией цéркви,
А котóрый из вác добрée вы́ступит,
А другóму из вác да гóлову рубйть».
А не пустйли тут Дюка Степáновича
Съéздить за плáтьем за цвéтным.
А писáл он скоропйсчатые ерлычкй
Ко своéй-ли государыне роднóй мáтушке.
А наклáдывала мáтушка плáтьица на кáждый дéнь,
На кáждый дéнь по трй плáтьица.
Тут поéхали они во чйсто пóле поляковати.[51]
А Чурйлушко Плёнкóвич погнáл конéй он цéлым стáдом
А молодóй боярин Дюк Степáнович
Буркá[52] в рóсы он повы́катает,
На буркé-то шерсть да перемéнится.
Тут проéздили онй по трй гóда
По трй гóда да ещé по трй днй.
Как возговорйл Чурйлушко Плёнкóвич,
«Ай-те молодóй боярин Дюк Степáнович,
Ты ударь-ко со мнóй о велйк заклáд
А ктó из нác перескóчит через Пучáй-рекý,
А ктó из нác да не перескóчит
Томý из нác да головы́ рубйти».
Скакáл Чурйло через Пучáй-реку,
О пóлу рекй[53] Чурйло в вóду ввéрзился.[54]
А как молодóй боярин Дюк Степáнович
Он Чурйлу за жёлты кýдри захвáтывал,
Повы́тащил Чурйлу с конéм с воды́;
Ай ты сóлнышко Владймир стóльный-кйевский!
Нам котóрому с Чурйлой головы́ рубйти?
Тут проговорйл Владймир стóльный-кйевский
«Ай те молодóй боярин Дюк Степáнович.
Не рубй-тко ты Чурйлы бýйной головы́,
Ты остáвь нам Чурйлу хоть для пáмяти».

VI. Князь Владимир отправляет послов в Индию

Тут Влади́мир сто́льно-ки́евский
Посыла́л он сла́вных богатыре́й,
В ту́ю-ли Индию во бога́тую.
Во-перві́х, ста́рого казака́ Илью́ Му́ромца,
А в други́х, мо́лода Добры́ню Ники́тича.
Как прие́хали под Индию под бога́тую,
Они въе́хали на го́ру на высо́кую.
А тут це́ркви бы́ли все ка́менные,
На церква́х ма́ковки самоцве́тные.
А сади́лись они́ за столы́ дубо́вые,
А е́ли кала́чики крупи́чаты.
Пречестна́ вдова́[55] Ма́льфа Тимофе́евна
Привела́ их в погреба́ глубо́кие
А вися́т там бо́чки кра́сна зо́лота,
А други́е вися́т чи́ста се́ребра,
А тре́тьи вися́т ска́тна[56] же́мчуга.
Как прие́хали ко гра́ду ко Ки́еву,
Как ста́рый каза́к Илья́ Му́ромец,
Да молодо́й Добры́ня Ники́тич
К со́лнышку кня́зю ко Влади́миру.
И проговори́л Влади́мир сто́льный — ки́евский
«Ай-те молодо́й боя́рин Дю́к Степа́нович
За твою́-ли за вели́кую за похвальбу́
Ты торгу́й-то в на́шем во гра́де во Ки́еве,
А во Ки́еве во гра́де да без по́шлины».
А сади́лся Дю́к Степа́нович на добра́ коня́,
Он пое́хал то во Индию во бога́тую
Ко свое́й госуда́рыне родно́й ма́тушке,
К пречестно́й вдове́ Ма́льфе Тимофе́евне.

А тут ве́к про Дю́ка стари́ну ска́жут.
Си́нему мо́рю на тишину́,[57]
До́брым лю́дям на послуша́ние.

---

[1] морской залив

[2] Венеция («Леденец» по сходству звучания с Венеция; «Леденец» также показывает на далекий северный город от слова «лед»)

[3] богатого купца

[4] рубин, сапфир

[5] татарские

[6] покрытый глазурью, глазурованный

[7] помещение на палубе корабля

[8] скамейка, стул

[9] моржовая кость, из которой делали резные украшения

[10] тиснёный бархат

[11] торговые люди, собиратели налогов; они целовали крест (т. е. давали клятву) честно служить

[12] награждать

[13] дорогая ткань с узорами

[14] Царь-град — Константинополь

[15] имущество

[16] отворялись настежь

[17] отдельно

[18] чернобурых

[19] искусный, художественный узор

[20] занимай, бери

[21] участок земли

[22] свадебный символ

[23] красивый, богатый дом

[24] ярко-красный

[25] высокие дома с золотыми крышами

[26] с перилами

[27] украшенное резным орнаментом

[28] служанки в доме, горничные

[29] ласковое почтительное обращение

[30] высокие сени на столбах

[31] быстрые

[32] в возрасте невесты

[33] обручились

[34] очень большой орел

[35] попрощаться с матерью и просить ее благословения на отъезд

[36] движущиеся горы

[37] бурушка, ковурушко — название масти коня; коричневая (бурая), черная

[38] пшено лучшего качества, из ярового (весеннего посева) проса белого цвета

[39] медовым

[40] пространство

[41] Мать сыра-земля — обычный фольклорный эпитет, показывающий любовь русского народа к земле-кормилице.

[42] называют

[43] парадные комнаты в княжеском дворце

[44] Великий князь, сидящий на Киевском престоле (Киевский стол)

[45] богат

[46] мётлы

47 калачи из белой муки высшего сорта
48 очень хочется съесть
49 купола
50 из дорогих разноцветных камней (камни-самоцветы)
51 воевать, на богатыские подвиги
52 конь бурой (коричневой) масти
53 на половине (на средине) реки
54 упал в реку
55 уважаемая, почитаемая
56 отборный жемчуг круглой формы
57 стари́на=былина

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

о́мут, whirlpool
яку́тский со́боль, yakut sable (from Siberia)
горноста́й, ermine
гри́ва, mane
нос корабля́, head of a boat, prow
корма́, stern, poop
казна́, treasury
погну́ться, to bend
схо́дни, gangway, gangboard
по́шлина, duty, customs
тамо́жня, custom house
дя́тел, дя́тлы (pl.), woodpecker
топо́рик, hatchet
пощёлкивать, to click

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

спотыка́ться, to stumble
разры́вчатый лук, resilient bow
стрела́ калёная, tempered arrow
натя́гивать, to draw a bow
тетива́, bowstring
вы́шиб, put out
коси́ца (висо́к), temple (part of head)
пристегну́л, bound
стре́мя, stirrup
ла́сковый князь, gracious prince
зау́треня, matins
обе́дня, mass, liturgy
заме́шкалось, was delayed
прико́ван, chained
закрича́ть, to shout
ма́ковки, cupolas
покриви́лися, bent
порассы́пались, shattered
ку́нья шу́ба, marten fur coat
сруби́ть, to cut off (by sabre)
вдови́ть, to widow
сироти́ть, to orphan
за́водь, back-water
благослове́ние, blessing(s)
око́льный путь, by-pass road
заста́ва, gate, outpost
пшено́, millet
клеву́чие, be drowsy
клева́ть, peck
хо́бот, trunk
по́дпруга, girth, belly-band
осо́бина (поклони́лся в осо́бину), especially, with particular respect
муравлёные, glazed
хвастли́вый, vainglorious, boastful
закла́д, bet
бу́рушко (бурый конь), chestnut horse
кову́рушко (каурый), dark-bay horse

IV. НОВГОРОДСКИЕ БОГАТЫРИ*

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

1.

В сла́вном Вели́ком Но́веграде,
Жил Бусла́й до девяно́ста лет...
Живу́чи Бусла́й соста́рился,
Соста́рился и переста́вился.
По́сле его́ ве́ку до́лгого
Остава́лося его́ житьё-бытьё
И всё име́ние дворя́нское.
Остава́лася матера́ вдова́,
Матера́ Аме́лфа Тимофе́евна.
И остава́лося ча́до ми́лое,
Молодо́й сын Васи́лий Бусла́евич.
Бу́дет Ва́сенька семи́ годо́в,
Отдава́ла ма́тушка роди́мая,
Матера́ вдова́ Аме́лфа Тимофе́евна,
Учи́ть его́ гра́моте, —
А гра́мота ему́ в нау́к пошла́;
Посади́ла его́ перо́м писа́ть, —
Письмо́ Васи́лью в нау́к пошло́.
Отдава́ла пе́нию учи́ть церко́вному, —
Пе́ние Васи́лью в нау́к пошло́;
А и нет у нас тако́го певца́,
Во сла́вном Новего́роде,
Супроти́в Васи́лия Бусла́ева.
Но пова́дился Ва́ська Бусла́евич
Со пья́ницы, с безу́мницы.
С весёлыми удалы́ми мо́лодцы,
Допьяна́ уж стал напива́ться,
А, ходя́ по го́роду, всех уро́дует;
Кото́рого возьмёт он за́ руку,
Из плеча́ тому́ ру́ку вы́дернет;
Кого́ хва́тит поперёк хребта́,
Тот кричи́т, ревёт, окоро́чь ползёт.[105]
Пошла́-то жа́лоба вели́кая
А и мужики́ новогоро́дские,

* See vocabulary pages 142-143 and footnotes page 147.

Поса́дские, бога́тые,
Приноси́ли жа́лобу они́ вели́кую
Матеро́й вдове́ Аме́лфе Тимофе́евне
На того́ на Васи́лия Бусла́ева;
А и мать то ста́ла его́ жури́ть-брани́ть,
Жури́ть-брани́ть, его́ на ум учи́ть.
Журьба́ Ва́ське не взлюби́лася,
Реши́л он поки́нуть Новогра́д Вели́кий
Да на во́люшку вы́йти, во́лю во́льную.

2. Василий Буслаевич набирает дружину

Пошёл он, Ва́ська, во вы́сок те́рем,
Сади́лся, Ва́ська, на реме́нчатый стул,
Писа́л ярлыки́[106] скорописчаты,
От му́дрости сло́во поста́влено:
«Кто хо́чет пить и есть из гото́вого,
Вали́ся к Ва́ське на широ́кий двор, —
Тот пей и ешь гото́вое
И носи́ пла́тье разноцве́тное.»
Рассыла́л те ярлыки́ со слуго́й свои́м
На те у́лицы широ́кия
И на те ча́стые переу́лочки.
В то же вре́мя поста́вил Ва́ська
Чан зе́лена вина́ сере́дь двора́.
Опуска́л он ча́ру в полтора́ ведра́.
Во сла́вном бы́ло во Новегра́де,
Гра́мотны лю́ди шли,
Прочита́ли те ярлыки́ скорописчаты,
Пошли́ ко Ва́ське на широ́кий двор
Ко тому́ ча́ну, ко зе́лену вину́,
Внача́ле был Ко́стя Новоторжа́нин,
Пришёл он, Ко́стя, на широ́кий двор,
Васи́лий тут его́ опро́бовал,
Стал его би́ти червлёным вя́зом —
Ве́сом тот вяз был во двена́дцать пуд, —
А бьёт он Ко́стю по бу́йной голове́:
Стои́т тут Ко́стя, не шеве́льнется
И на бу́йной голове́ ку́дри не тряхну́тся.
Говори́л Васи́лий, сын Бусла́евич:

«Гой еси́ ты, Ко́стя Новоторжа́нин;
А и будь ты мне назва́нный брат,
И па́че мне бра́та роди́мого.»
. . . .
Собира́лися, сходи́лися
Три́дцать молодцо́в без еди́ного,
Он сам, Васи́лий, тридца́тый стал.

3. *Бои Василия Буслаевича с новгородцами*

Говори́т Васи́лий Бусла́евич
Бога́тым мужика́м новгоро́дским:
«Гой еси́ вы, мужики́ новгоро́дские!
Бьюсь с ва́ми о вели́к закла́д,
Напуща́юсь я на весь Но́вгород
Би́тися, дра́тися,
Со все́ю дружи́ною хоро́брою;
Бу́де вы меня́ с дружи́ною побьёте Но́вым-го́родом,
Бу́ду вам плати́ть да́ни по смерть свою́,
А бу́де же я вас побью́,
То вы мне покори́тесь,
И запла́тите мне такову́ же дань.»
И начала́сь у них дра́ка-бой велика́я
Со те́ми мужики́ новогоро́дскими.
Он дерётся, бьётся день до ве́чера,
А уж мужики́ покори́лися,
Покори́лися и помири́лися —
Пошли́ они́ ко вдове́ Аме́лфе Тимофе́евне;
Насы́пали ча́шу чи́стого се́ребра,
А другу́ю ча́шу кра́сного зо́лота,
Пришли́ ко двору́ дворя́нскому,
Бьют чело́м, поклоня́ются:
— «Госуда́рыня-ма́тушка,
Принима́й ты дороги́ пода́рочки
А уйми́ своё ча́до ми́лое,
Молода́ Васи́лия со дружи́ною;
А и ра́ды мы плати́ть
На вся́кий год по три ты́сячи,
На вся́кий год бу́дем тебе́носи́ть:
С хле́бников по хле́бику,

С кала́шников по кала́чику,
Со всех люде́й со ремесленных,
Опри́чь[107] попо́в и дьяконо́в.»

4. *Василий Буслаевич просит благословения у матери*

Втапо́ры матера́ вдова́
Аме́лфа Тимофе́евна
Посыла́ла де́вушку-черна́вушку[108]
Привести́ Васи́лья со дружи́ною.
Прихо́дит Васи́лий Бусла́евич
Ко своему́ двору́ дворя́нскому,
Ко свое́й суда́рыне-ма́тушке,
Ко вдове́ Аме́лфе Тимофе́евне,
Про́сит благослове́ние вели́кое:
«А свет ты, моя́ суда́рыня-ма́тушка,
Дай мне благосло́вение вели́кое,
Идти́ мне, Васи́лию, Ерусали́м-град,
Со все́ю дружи́ною хоро́брою,
Мне-ко Го́споду помоли́тися,
Свято́й Святы́не приложи́тися,
Во Ерда́ни-реке́ искупа́тися.»
Что возговори́т матера́ вдова́,[109]
Матера́ Аме́лфа Тимофе́евна:
«Гой еси́ ты, моё ча́до ми́лое,
Молодо́й Васи́лий Бусла́евич!
Коли́ ты пойдёшь на до́брыя дела́,
Дам тебе́ благослове́ние великое;
Коли́ ты, дитя́, на разбо́й пойдёшь,
И не дам благослове́ния вели́кого,
А и не носи́ Васи́лья сыра́ земля́.»

5. *Мать дает благословение*

Ка́мень от огня́ разгора́ется,
А була́т от жа́ру растопля́ется,
Ма́терино се́рдце распуща́ется.
И даёт она́ мно́го свинцу́, по́роху,
И даёт Васи́лью запа́сы хле́бные,
И даёт ору́жье долгоме́рное:
«Побереги́ ты, Васи́лий, бу́йну го́лову сво́ю».

6. Василий Буслаевич с дружиной отправляется в Иерусалим

Ско́ро молодцы́ собира́ются
И с матеро́й вдово́й проща́ются.
Приходи́ли они́ на червлён кора́бль,
Подыма́ли то́нкие паруса́ поло́тня́ные,
Побежа́ли по о́зеру Ильменю;
Бегу́т они́ уж су́тки-други́е,
А бегу́т уже́ неде́лю-другу́ю, —
Бу́дут они́ во Ерда́нь-реке́,
Броса́ли я́кори кре́пкие,
Схо́дни броса́ли на крут бережо́к;
Пошёл тут Васи́лий Бусла́евич,
Со свое́ю дружи́ною хоро́брою
В Иерусали́м-град;
Пришёл во це́ркву собо́рную,
Служи́л обе́дню за здра́вие ма́тушки,
И за себя́ Васи́лия Бусла́евича;
На друго́й день служи́л обе́дни с моле́бнами
Про удалы́х до́брых мо́лодцев,
И ко свято́й святы́не приложи́лся он,
И в Ерда́ни-реке́ искупа́лся;
И расплати́лся Васи́лий со все́ми ста́рцами,
Кото́рые при це́ркви живу́т.
Даёт золото́й казны́ не счита́ючи.
И прихо́дит Васи́лий ко дружи́не
Из Ерусали́ма на свой червлён кора́бль.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

переста́вился, passed away
житьё-бытьё, life (here: property)
имени́е дворя́нское, manor
ча́до, child
матера́ вдова́, strong, mature widow, matron
безу́мницы, folly, reckless people
уро́довать, to disfigure, to cripple
хребе́т, spine, spinal column
поса́д (поса́дские лю́ди), suburb, people from suburbs, the middle class
жури́ть, to reprove, to rebuke
реме́нь, strap, thong
ярлы́к, label, tag (here, letter)
вали́ться, вали́сь!, to come in flocks
чан, vat, tun

вяз, elm
тряхну́ться, to shake, to shake one's head
назва́нный брат, sworn brother by exchange of crosses
па́че (бо́льше), more
би́ться о закла́д, to bet, wager
напуща́юсь, напуска́ться, to fall on, to fly at
бу́де (е́сли), if
покори́ться, to submit, to resign oneself to...
помири́ться, to be reconciled
уйми — уня́ть, to calm, to quiet, to sooth
хле́бник, baker
ремесло́, trade, handicraft
ремесленные лю́ди, artisans, handicraftsmen
растопля́ться, to melt, to thaw
распуща́ться, to melt
кала́ч, kind of fancy bread
кала́шник, who bakes "kalatches"
свине́ц, lead, bullet
по́рох, gun powder
долгоме́рное ору́жье, spears, lances, swords
бу́йная голова́, violent, turbulent head (life)
я́корь, anchor
крут (круто́й бережо́к), steep bank
обе́дня, mass
моле́бен, thanksgiving service
ста́рец — ста́рцы, old monk
бро́сить я́корь, to cast, drop anchor
снима́ться с я́коря, to weigh anchor

САДКО — БОГАТЫЙ ГОСТЬ *

1.

Как по мо́рю, мо́рю си́нему
Бегу́т, побегу́т три́дцать кораблей,
Три́дцать корабле́й — еди́н со́кол кора́бль,
Самого́ Садки́, го́стя бога́того.
А все корабли́, что со́колы летя́т,
Садко́в кора́бль на ме́сте стои́т;
Говори́т Садко́ — купе́ц, бога́тый гость:
— «А и ре́жьте жере́бья вы валжёны,
А и всяк-то пиши́ на имена́,
И броса́йте вы их на си́не мо́ре.» —
Садко́ поки́нул хме́лево перо́,
И на нём-то по́дпись подпи́сана,
А и сам Садко́ пригова́ривает:
— «А бро́сим жере́бья на си́не мо́ре, —
Кото́рые по ве́рху плыву́т,
А и те бы ду́шеньки пра́выя;
Что кото́рые-то во мо́ре то́нут,
А мы тех спихнём во си́не мо́ре.»

* See footnotes and vocabulary pages 147.

А все жерébья по вéрху плывýт,
Лишь едúн жрéбий в мóре тóнет,
Во мóре тóнет хмéлево перó
Самогó Садкú — гóстя богáтого.
Говорúт Садкó купéц, богáтый гость:
«А и лю́ди наёмные, подначáльные!
А в мéсто все вы собирáйтеся,
А вы рéжьте жерéбья ветля́ные,[110]
А пишúте всяк себé на именá,
Да и сам к ним приговáривай:
А котóры жерéбья во мóре тóнут,
А и то бы дýшеньки прáвыя.»
Сам Садкó покúнул жрéбий булáтный,
Вéсом то жрéбий в дéсять пуд.
И все жерéбьи во мóре тóнут —
Едúн жерéбий по мóрю плывёт,
Самогó Садкú, гóстя богáтого.
Говорúл тут Садкó купéц, богáтый гость:
«Вы наёмные лю́ди, подначáльные!
Я Сад-Садкó, знáю, вéдаю,
Бéгаю по мóрю двенáдцать лет,
Томý царю́ замóрскому
Не платúл я дáни, пóшлины,
И во то сúне мóре Хвалы́нское[111]
Хлеб с сóлью не опýскивал,
По меня́ Садкý смерть пришлá.

2. Садко идет к морскому царю

Скóро Садкó снаряжáется
Берёт он гýсли звончáтыя
Со стрýнами золоты́ми,
И берёт он шахмáтницу дорогýю
Со золоты́ми тавлéями.[112]
И спущáли схóдни серéбряныя
Под чúстым крáсным зóлотом,
Спускáлся Садкó на сúне мóре,
Садúлся на шахмáтницу золотýю,
А наёмные лю́ди, подначáльные,
Утащúли схóдни серéбряные

Обра́тно на со́кол-кора́бль.
А Садко́ оста́лся в си́нем мо́ре,
А со́кол-кора́бль по мо́рю пошёл.
И все кора́бли как со́колы летя́т,
А еди́н кора́бль по́ морю бежи́т,
Как бе́лый кре́чет,
Само́го Садко́-го́стя бога́того.
Подыма́лася пого́да ти́хая,
Понесло́ Садку́, го́стя бога́того,
Понесло́ его́ к бе́регу.
Он и сам Садко́ тут диву́ется.
Выхо́дит Садко́ на круты́ берега́,
Пошёл Садко́ вдоль си́ня мо́ря,
Нашёл он избу́ вели́кую,
Нашёл он две́ри — и в избу́ вошёл.
И лежи́т на ла́вке Царь Морско́й:
«А и гой еси́ ты, купе́ц, бога́тый гость!
Я ждал Садко́ двена́дцать лет,
А ны́не Садко́ сам пришёл;
Поигра́й, Садко́, в гу́сли звонча́ты.»

3. Садко забавляет морского царя игрой на гуслях

И стал Садко́ царя́ те́шити,
Заигра́л Садко́ в гу́сли звонча́ты,
А и Царь Морско́й на́чал скака́ть, на́чал пляса́ть —
И того́ Садку́, го́стя бога́того,
Напои́л питья́ми ра́зными.
И усну́л Садко́-купе́ц, бога́тый гость,
И во сне пришёл к нему́ Святи́тель Никола́й,
Говори́т ему́ таковы́ ре́чи:
«Гой еси́ ты, Садко́-купе́ц, бога́тый гость!
А рви ты свои́ стру́ны золоты́я
И броса́й ты гу́сли звонча́тыя,
Расплясáлся у тебя́ Царь Морско́й,
А си́не мо́ре всколеба́лося,
А и бы́стры ре́ки разлива́лися,
То́пят мно́го кораблей,
То́пят ду́ши христиа́нския
Того́ наро́да правосла́вного.»

А и тут Садко́-купе́ц, бога́тый гость,
Изорва́л он стру́ны золоты́я,
И броса́ет гу́сли звонча́тыя;
Переста́л Царь Морско́й скака́ть и пляса́ть;
Ути́хло мо́ре си́нее,
Ути́хли ре́ки бы́стрыя.

4. Садко выбирает невесту

А и хо́чет Царь Морско́й купца Садко́ жени́ть
И привёл ему три́дцать деви́ц;
Нико́ла Садке́ во сне нака́зывал:
«Гой еси́ ты, купе́ц, бога́тый гость,
А ста́нет тебя́ жени́ть Царь Морско́й,
Приведёт он три́дцать деви́ц;
Не бери́ ты из них хоро́шую, бе́лую, румя́ную,
Возьми́ ты де́вушку Черна́вку,
Черна́вку, что поху́же всех.»
А и тут Садко́ купе́ц, бога́тый гость,
Святи́теля Нико́лу послу́шался,
И берёт он де́вушку Черна́вку,
А кото́ра де́вушка поху́же всех.
А и тут Царь Морско́й возра́довался,
Устро́ил он ца́рский пир горо́й,[113]
Напо́йл Садку́ до-пьяна́,
Да и положи́л Садку́ на ла́вке спать.

5. Садко возвращается в Новгород

От сна Садко́ пробужда́ется,
Он очути́лся под Но́вым-Го́родом,
А ле́вая нога́ во Во́лхве-реке́,
И вскочи́л Садко́, испуга́лся он,
Взгляну́л Садко́ на Но́вгород, —
Узна́л он це́ркву, прихо́д свой,
Того́ Нико́лу Можа́йского,
Перекрести́лся кресто́м и поклони́лся,
И гляди́т Садко́: на Волх-реке́, —
От того́ си́ня мо́ря Хвалы́нского,
По сла́вной ма́тушке Волх-реке́,[114]
Бегу́т, побегу́т три́дцать корабле́й,
Еди́н кора́бль самого́ Садки́, го́стя бога́того.

6. Садко встречает свои корабли и корабельщиков

И встреча́ет Садко́-купе́ц, бога́тый гость
Корабе́льщиков свои́х люби́мых.
Все корабли́ на при́стань, на при́стань ста́ли,
Схо́дни мета́ли на круто́й бе́рег,
И вы́шли корабе́льщики на круто́й бе́рег;
И тут Садко́ им поклоня́ется:
«Здра́вствуйте, мои корабе́льщики люби́мые
И прика́зчики хоро́шие!
И тут Садко́, бога́тый гость,
Со всех корабле́й в тамо́жню положи́л
Казны́ свое́й со́рок ты́сяч.
А ещё бо́льше того́ на це́рковь дал
На Нико́ла-уго́дника Можа́йского.

---

105 на четвереньках ползет
106 грамоты, письма
107 кроме
108 служанку
109 матерая — полная сил
110 ветляный — из ивы
111 Каспийское
112 шахматы
113 очень богатый пир
114 река Волхов

САДКО — БОГАТЫЙ ГОСТЬ

бога́тый гость, rich merchant
жре́бий — жере́бий, lot
хмель, hop
спихну́ть, to push down
поднача́льные, subordinate, under command
ветла́, white willow
ветля́ный (adj.), of white willow
шахма́тница, chess board
кре́чет, gerfalcon
диву́ется, диви́ться, to marvel
те́шити, to amuse, entertain
нака́зывать, прика́зывать, to order
наставля́ть, to admonish

Исторические песни*



1480 год

Конец татарского ига

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

(О татарском иге на Руси)

А и де́ялось в Орде́,[115]
Передея́лось в большо́й.
На сту́ле золоте́
На ры́том ба́рхате,
Сиди́т тут царь Азвя́к,
Азвя́к Тавру́лович,
Суды́ рассу́живает,
И ряды́ разря́живает,
Костылём разма́хивает
По бри́тым тем уса́м,

---

* See footnotes and vocabulary pages 156-158.

По тата́рским тем голова́м,
По си́ним плеша́м.
Шурьёв царь дари́л,
Азвя́к Тавру́лович,
Города́ми сто́льными:
Васи́лья на Плесу́,
Горде́я к Вологде́,
Ахраме́я к Костроме́;
Одного́ не пожа́ловал
Люби́мого шу́рина[116]
Щелка́на Дуде́нтьевича.
За что не пожа́ловал?
И за то он не пожа́ловал,
Что до́ма его́ не случи́лося:
Уезжа́л-то млад Щелка́н
В да́льнюю зе́млю Лито́вскую,
За моря́ си́ния;
Брал он, млад Щелка́н,
Да́ни, невы́ходы,[117]
Ца́рски невы́платы:
С князе́й брал по сто рубле́й,
С бо́яр по пяти́десят,
С крестья́н по пяти́ рубле́й, —
У кото́рого де́нег нет,
У того́ дитя́ возьмёт;
У кого́ дитя́ нет,
У того́ жену́ возьмёт,
У кото́рого жены́ нет,
Того́ самого́ головой́ возьмёт.
Вы́вез млад Щелка́н
Да́ни, вы́ходы,
Ца́рские невы́платы;
Вы́вел млад Щелка́н
Коня́ во сто рубле́й,
Седло́ во ты́сячу
Узде́ цены́ ей нет...
Говори́т млад Щелка́н,
Млад Дуде́нтьевич:
«Гой еси́, царь Азвя́к,
Азвя́к Тавру́лович!

Пожáловал ты молодцóв
Любúмых шуринóв:
Васúлья на Плесý,
Гордéя к Вологдé,
Ахрамéя к Костромé,
Пожáлуй ты, царь Азвя́к,
Азвя́к Таврýлович!
Пожáлуй ты меня́
Твéрью стáрою,
Твéрью богáтою,
Двумя́ брáтцами родúмыми,
Дву удалы́ми Борúсовичами».
Отвечáл царь Азвя́к,
Азвя́к Таврýлович:
«Гой есú, шýрин мой,
Щелкáн Дудéнтьевич!
Заколú ты сы́на своегó,
Сы́на любúмого,
Крóви ты чáшу нацедú,
Вы́пей ты крóви тоя́,
Крóви горя́чия;
И тогдá я тебя́ пожáлую
Твéрью стáрою
Твéрью богáтою...»
Втапóры млад Щелкáн
Сы́на своегó заколóл,
Чáшу крóви нацедúл,
Крóви горя́чия...
Вы́пил чáшу тоя́ крóви горя́чия.
А втапóры царь Азвя́к
За то егó пожáловал
Твéрью стáрою,
Твéрью богáтою,
Двумя́ брáтцами родúмыми,
Дву удалы́ми Борúсовичами.
И втапóры млад Щелкáн
Он судьёю насéл
В Тверь ту стáрую,
В Тверь ту богáтую;
А немнóго он судьёю сидéл!

Надо всéми наругáлся,
Над домáми насмехáлся...
Мужикú-то стáрые,
Мужикú-то богáтые,
Мужикú-то посáдские
Онú жáлобу приносúли
Двум брáтцам родúмым,
Двум удалы́м Борúсовичам;
От нарóда онú с поклóном
Пошлú к Щелкáну с подáрками —
И понеслú они честны́е подáрки —
Злáта, сéребра и скáтного жéмчугу.
Нашлú егó в дóме у себя́
Щелкáна Дудéнтьевича;
Подáрки прúнял он от них,
А чéсти не вóздал им.
Втапóры млад Щелкáн
Зачвáнился он, загордúнился,
И онú с ним раздóрили —
Одúн ухватúл зá волосы,
А другóй зá ноги,
И тут егó разорвáли.
Тут смерть ему случúлась,
Ни на кóм не сыскáлося.

ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Как от сúльного Мóсковского цáрства,
Середú бы́ло Казáнского цáрства,
Что стоя́ли белокáменны палáты,
А в спáльне белокáменной палáты
От сна тут царúца пробýждалася,
Царúца Елéна Симеóну царю́ сон расскáзывала:
— «А и ты встань, Симеóн царь, пробудúся!
Что ночéсь мне царúце мáло спáлося,
В сновидéньице мнóго вúделося:
Как от сúльного Мóсковского цáрства,
Кабы́ сúзый орёл встрепенýлся,
Кабы́ грóзная тýча подымáлась,
Что на нáше ведь цáрство наплывáла.»

А из си́льного Моско́вского ца́рства
Подыма́лся вели́кий князь Моско́вский
А Ива́н, су́дарь, Васи́льевич
Со те́ми ли пехо́тными полка́ми,
Что со ста́рыми сла́вными казака́ми.
Подходи́ли под Ка́занское ца́рство за
пя́тнадцать вёрст,
Станови́лись они́ под Була́к-реку́,
Подходи́ли под другу́ю, под реку́ под Каза́нку,
С чёрным по́рохом бо́чки заката́ли,
А и по́д гору их станови́ли,
Подводи́ли под Каза́нское ца́рство;
Во́ску я́рого свечу́ станови́ли,
А другу́ю свечу́ на́ поле в ла́гере;
Уже на́ поле свеча́ сгоре́ла,
А в земле́-то идёт свеча́ ти́хо...
Воспали́лся тут вели́кий князь Моско́вский,
Князь Иван су́дарь Васи́льевич,
И на́чал канонёров[118] тут казни́ти,
Что начала́сь от канонёров изме́на.
Тут молодо́й канонёр вперёд вы́ступился:
— «Ты вели́кий су́дарь, князь Моско́вский!
Не вели́ ты нас, канонёров, казни́ти:
Что на ве́тре свеча́ го́рит скоре́е,
А в земле́-то свеча́ идёт тише́е.»
Призаду́мался князь Моско́вский,
Он и стал ту речь размышля́ти,
А в тот час догоре́ла в земле́
Свеча́ во́ску я́рого
До тоя́-то бо́чки с чёрным по́рохом;
Подыма́ло высо́кую го́ру,
Разброса́ло белока́менны пала́ты...
И взбежа́л тут вели́кий князь Моско́вский
На ту́ю высо́кую го́ру,
Где стоя́ли ца́рския пала́ты.
А цари́ца Еле́на догада́лась,
Она насыпа́ла со́ли на коври́гу,[119]
Подноси́ла хлеб-соль[120] Моско́вскому кня́зю
А то́му ли Ива́ну су́дарь Васи́льевичу.
И за то он цари́цу пожа́ловал

И привёл в крещёную ве́ру,
В монасты́рь цари́цу постри́гли;
А за го́рдость царя́ Симео́на,
Что не встре́тил вели́кого князя́,
Он вы́нул я́сны о́чи со коси́цами,[121]
Он взял с него́ ца́рскую коро́ну
И снял ца́рскую порфи́ру,[122]
Он ца́рский косты́ль[123] в ру́ки при́нял.
И в то вре́мя князь воцари́лся
И сел на престо́л в Моско́вское ца́рство,
И тогда́ ца́рство Моско́вское основа́лося,
И с тех пор царю́ вели́кая Сла́ва!



В. И. Суриков — Приезд царевны в монастырь

ПЕСНЯ ЦАРЕВНЫ КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ

Всплáчется ма́ла пти́чка,
Бе́лая перепёлка:
— «Охти мне молодо́й горева́ти!
Хотя́т сыро́й дуб зажига́ти,
Моё гнёздышко разори́ти,
Мои́ ма́лыя де́ти уби́ти,
Меня́, перепёлку, пойма́ти.»

А всплáчется на Москвé царéвна,
Борńса дочь Годунóва:
— «Бóже, Спас милосéрдный!
За что нáше цáрство загńбло?
За бáтюшкино ли согрешéнье,
За мáтушкино ли немолéнье?
А свéты вы нáши — высóкия хорóмы!
Комý вáми бýдет владéти,
Пóсле нáшего цáрского житьń?
А свéты брáные убрýсы![124]
Берёзу ли вáми крутńти?
А свéты золотń ширńнки![125]
Лесá ли вáми дарńти?
А свéты я́хонты-серёжки!
На сýчья ли вас надевáти? —
— Пóсле цáрского нáшего житья́,
Пóсле бáтюшкова престáвленья,[126]
А свéта Борńса Годунóва.
А тепéрь éдет к Москвé Расстрńга,[126а]
Да хóчет тéремы ломáти,
Меня́ хóчет, царéвну, поимáти,
А на Устю́жну на Желéзну отослáти,[126б]
Меня́ хóчет, царéвну, пострńчи,
А в решётчатый сад засадńти.
Охтń, как мне гóре горевáти,
Как мне в тёмну кéлью ступńти,
У игýменьи благословńться.»

РОЖДЕНИЕ ЦАРЯ ПЕТРА I

Уж как свéтел, рáдостен в Москвé
Лáсковый царь Алексéй, сýдарь, Михáйлович:
Народńл емý Госпóдь сы́на-царéвича,
Что царéвича — Петрá Алексéевича,
Как все-то рýсские плóтнички,
Они нóчку не спáли — колыбéль-лю́льку дéлали,
А ня́нюшки, мáмушки, сéнные дéвушки,
Онń нóчку не спáли — ширńнку вышивáли
По бéлому бáрхату крáсным зóлотом;
В втапóры затюрéмнички[127] все распущáлись,

Ца́рские по́гребы все растворя́лись,
У царя́, у ла́скового, шёл пир и стол на ра́дости
Все князья́, боя́ре к ца́рю собира́лися,
Все дворя́не ко ла́сковому соезжа́лися,
Весь наро́д честно́й на пиру́ —
Пьют, едя́т, прохлажда́ются:[128]
В весе́льи не вида́ли, как и дни прошли́:
Всё для мла́дшего царе́вича — Петра́ Алексе́евича,
Пе́рвого импера́тора по земле́!

---

[115] Орда — татарское царство на нижней Волге в средние века.
[116] шурин — брат жены
[117] недоимки
[118] канонир, пушкарь
[119] кусок хлеба
[120] встреча гостя с хлебом-солью (древнерусский обычай гостеприимства).
[121] виски́
[122] Царская мантия красного цвета.
[123] палка, посох
[124] вышитые полотенца
[125] платки, вышитые золотом
[126] после смерти
[126а] Самозванец Лжедимитрий I (1606 г.).
[126б] Устюжна Железна — город Новгородской области (вблизи него добывается железная руда).
[127] заключенные в тюрьмах
[128] отдыхают, веселятся

НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Плач солдат

Ах ты, ба́тюшка све́тел ме́сяц,
Что ты све́тишь не по-ста́рому,
Не по-ста́рому и не по-пре́жнему?
Всё ты пря́чешься за о́блака,
Закрыва́ешься ту́чей тёмною.
Что у нас бы́ло на Свято́й Руси́,
В Петербу́рге, сла́вном го́роде,
Во собо́ре Петропа́вловском,
Что у пра́вого у кли́роса,
У гробни́цы госуда́ревой

Молодóй солдáт на часáх стоя́л,
Стою́чи, он призаду́мался,
Призаду́мавшись, он плáкать стал,
И он плáчет, что рекá льётся,
Возрыдáет, что ручьи́ теку́т.
Возрыдáючи, он вы́молвил:
Ах ты, мáтушка-сырá земля́,
Расступи́сь ты на все стóроны,
Ты раскрóйся гробовá доскá,
Разверни́сь ты, золотá парчá,
И ты встань, просни́сь, преслáвный царь!
Ужé все полки́ во строю́ стоя́т,
Все полкóвники при свои́х местáх,
Все майóры на дóбрых коня́х,
Капитáны пéред рóтами,
Офицéры пéред взвóдами,
А прáпорщики[3] под знамёнами.
Дожидáются они́ полкóвника,
Что полкóвника Преображéнского,
Капитáна бомбарди́рского.

---

[1] Петропавловский собор был местом погребения русских императоров.

[2] Император Петр I имел чин полковника Преображенского гвардейского полка и артиллерийский чин бомбардира.

[3] Прапорщик — младший офицерский чин; дословно значит: знаменосец.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

дея́ться, to happen
ряды́ разря́живать, to introduce proper order
что там деéтся, what is going on there?
косты́ль, staff, cane
плешь, bald patch
шурья́ (plur.), brother in law, **шу́рин** (sing.)
невы́ходы (недои́мки), arrears
нацеди́ть, to decant (strain off a quantity of)
зачвáниться, to swagger, boast
раздóр, discord, dissention
раззадóрить, to have a quarrel with
ни на кóм не сыскáлося (винóвного не нашли́)

ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

пробужда́ются, пробуди́ться, to wake up
сновиде́ньице, dream
воспали́ться, to be infuriated, incensed by
коври́га, loaf

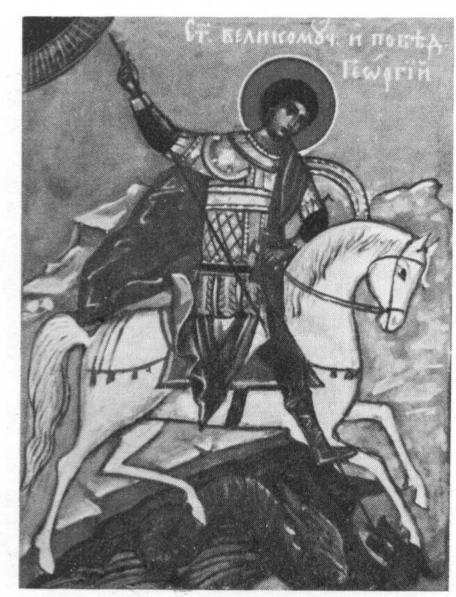
ПЕСНЬ ЦАРЕВНЫ КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ*

перепёлка, quail (female)
преставле́ние, death
растри́га, unfrocked monk
ке́лья, cell (monastery)
игу́менья, Mother Superior
благослови́ться, to be blessed

---

* Эта песня записана Ричардом Джемсом, посетившим Россию в 1618—1619 гг.

Духовные стихи*



Св. Великомученик
и
Победоносец
Георгий

СТИХ О ЕГОРИИ ХРАБРОМ

1.

Во гра́де бы́ло в Иерусали́ме,
При царе́ бы́ло при Фёдоре,
Жила́ цари́ца благове́рная,
Свята́я Софи́я Прему́драя.
Породи́ла она́ три до́чери,
Три до́чери да три люби́мыя,
Четвёртого сы́на Его́рия,
Его́рия, све́та, Хра́брого:
По коле́ни но́ги в чи́стом серебре́,
По ло́коть ру́ки в кра́сном зо́лоте,
Голова́ у Его́рия вся жемчу́жная,

---

* See footnotes and vocabulary pages 168-169.

По всему́ Его́рии ча́сты звёзды.
С нача́ла бы́ло све́та во́льного,
Не быва́ло на Иерусали́м-град
Никако́й беды́, ни поги́бели;
Насла́л Госпо́дь насла́ние[1]
На Иерусали́м-град:
Напусти́л Госпо́дь цари́ща Демья́нища,[2]
Безбо́жного пса басурма́нища.[3]
Победи́л злоде́й Иерусали́м го́род;
Сечёт и ру́бит, и о́гнем пали́т;
Царя́ Фёдора в поло́н[4] берёт,
Полони́л[5] злоде́й три до́чери,
А четвёртого чу́дного о́трока —
Свято́го Его́рия Хра́брого.
Увози́л Его́рья во свою́ зе́млю,
Во свою́ зе́млю во неве́рную.
Он и стал пыта́ть, кре́пко спра́шивать:
«А скажи́, Его́рий, какова́ ро́ду:
Ца́рского ро́ду, а́ли боя́рского,
Али ро́ду кня́жеского?
Ты како́й ве́ре ве́руешь?
Ты кото́рому Богу́ мо́лишься?
Ты пове́руй ве́ру к мои́м и́долам!»
Святы́й Его́рий-свет глаго́лует:
— «Ты злоде́й, цари́ще-басурма́нище!
Я не ве́рую ве́ры твое́й неве́рныя,
Ни твоим и́долам, ни тебе́ басурма́нище.
Я ве́рую Самому́ Христу́, Царю́ Небе́сному,
Во мать Пресвяту́ю Богоро́дицу,
Еще в Тро́ицу нераздели́мую!»
. . . .
На то царь Демья́н распаря́ется,[6]
Повеле́л Его́рия-све́та му́чити
Му́ками разноли́чными
Повеле́л Его́рья во пи́лы пили́ть:
Ничего́ Его́рью не вреди́лося,
Его́рьево те́ло соцеля́лося;
Восстава́л Его́рий на ре́звы но́ги,
Поёт стихи́ херуви́мские. . .
На то царь Демья́н опаля́ется,[7]

В своём се́рдце разозля́ется,
Повеле́л Его́рья в топоры́ руби́ть.
По Бо́жию повеле́нию,
По Его́рьеву моле́нию,
Не беру́т Его́рья топоры́ неме́цкие.
Ничего́ Его́рью не вреди́лося,
Его́рьево те́ло соцелядо́ся;[8]
Да восстаёт Его́рий на ре́звы но́ги:
Он поёт стихи́ херуви́мские,
Превозно́сит гла́сы[9] арха́нгельские.
Цари́ще Демья́нище на него опаля́ется;
Повеле́л Его́рья в сапоги́ кова́ть,
В сапоги́ кова́ть, гво́зди желе́зные.
Ничего́ Его́рью не вреди́лося,
Его́рьево те́ло соцеля́лося.
А злоде́й цари́ще Демья́нище
Повеле́л Его́рья во котёл сажа́ть,
Повеле́л Его́рья во смоле́ вари́ть!
Смола́ кипи́т, как гро́м греми́т,
А пове́рх смолы́ Его́рий пла́вает;
Он поёт стихи́ херуви́мские,
Превозно́сит гла́сы арха́нгельские.
На то цари́ще Демья́нище опаля́ется,
Повеле́л Его́рьевым мучи́телям:
— «Ой вы гой еси́, слу́ги ве́рные!
Вырыва́йте ско́ро глубо́к по́греб!»
Тогда́ же его́ слу́ги ве́рные
Вырыва́ли глубо́к по́греб:
Глубины́ по́греб со́рок сажене́й
Ширины́ по́греб двадцати́ сажене́й.
Посади́л Его́рья во глубо́к по́греб,
Закрыва́л доска́ми желе́зными,
Задвига́л щита́ми дубо́выми,
Забива́л гвоздя́ми желе́зными,
Засыпа́л песка́ми рудожёлтыми,
Засыпа́л он и прита́птывал,
И прита́птывал, и пригова́ривал:
«Не быва́ть Его́рью на Свято́й Руси́,
Не вида́ть Его́рью све́та бе́лого,
Не вида́ть Его́рью со́лнца кра́сного,

Не вида́ть Его́рью отца́ и ма́тери,
Не слыха́ть Его́рью зво́на колоко́льного,
Не слыха́ть Его́рью пе́ния церко́вного.»

2. Егорий Храбрый выходит из темницы

Во темни́це сиде́л Его́рий ро́вно три́дцать лет.
А как три́дцать лет испо́лнилось,
Свято́му Его́рью во сне ви́делось:
Да яви́лося со́лнце кра́сное,
Ещё яви́лася Мать Пресвята́я Богоро́дица
Свято́му Его́рью глаго́лает:
«Ой ты гой еси́, святы́й Его́рий-свет Хра́брый!
За своё ты претерпе́ние,
Ты насле́дуешь себе́ ца́рство небе́сное!»
По Бо́жьему повеле́нию
По Его́рия Хра́брого моле́нию,
От свя́та гра́да Иерусали́ма
Поднима́лися ве́тры бу́йные:
Разноси́ло пески́ рудожёлтые,
Полома́ло гво́зди желе́зные,
Разнесло́ щиты́ дубо́вые,
Размета́ло до́ски кре́пкия.
Выходи́л Его́рий по Свято́й Руси́,
По Свято́й Руси́, по сыро́й земле́,
Ко тому́ гра́ду Иерусали́му,
Где его́ роди́ма ма́тушка
На свято́й моли́тве Бо́гу мо́лится.
Возговори́т Его́рий-свет Хра́брый:
«Госуда́рыня моя́ ма́тушка,
Свята́я Со́фья Прему́драя!
Возда́й мне своё благослове́ние:
Пое́ду я по всей земле́ све́тло-ру́сской
Утверди́ть ве́ру христиа́нскую.»
Све́ту-Его́рию мать глаго́лает:
«Ты поди́, ча́до ми́лое!
Ты поди́ дале́че во чисты́ поля́;
Ты возьми́ коня́ богаты́рского,
И со сбру́ею богаты́рскою,
Со во́стрым копьём со була́тным,
И со кни́гою со Ева́нгелием.»

3. Егорий Храбрый утверждает христианство на Руси

На Русь Его́рий поезжа́ючи,
Святу́ю ве́ру утвержда́ючи,
Басурма́нскую ве́ру побежда́ючи,
Наезжа́л на леса́ на дрему́чие:
Леса́ со леса́ми совива́лися:
Ни пройти́ Его́рью, не прое́хати.
Свято́й Его́рий глаго́лает:
«Вы леса́, леса́ дрему́чие!
Вста́ньте и расшатни́теся,
Расшатни́теся, раскачни́тесь
Порублю́ из вас це́ркви собо́рныя
Собо́рныя да богомо́льныя.
Разрасти́тесь вы, леса́,
По всей земле́ све́тло-ру́сской,
По круты́м гора́м, по высо́ким!»
По Бо́жьему повеле́нию,
По Его́рьеву моле́нию
Разросли́сь леса́ по всей земле́,
По всей земле́ све́тло-ру́сской,
Расту́т леса́, где им Госпо́дь повеле́л.
Ещё Его́рий поезжа́ючи,
Свя́тую ве́ру утвержда́ючи,
Басурма́нскую ве́ру побежда́ючи,
Наезжа́л Его́рий на ре́ки бы́стрыя,
Ре́ки бы́стрыя, теку́чия!
Нельзя́ Его́рью прое́хати,
Нельзя́ Свято́му пото́к перейти́.
По Бо́жьему веле́нию,
По Его́рьеву моле́нию,
Протекли́ ре́ки, где им Госпо́дь повеле́л.
Свято́й Его́рий поезжа́ючи,
Свя́тую ве́ру утвержда́ючи,
Басурма́нскую ве́ру побежда́ючи,
Наезжа́л на го́ры высо́кия,
Высо́кия, непрохо́дныя.
Гора́ с го́рой столкну́лася;
Ни пройти́ Его́рью, ни прое́хати.
Его́рий свято́й проглаго́лывал:[10]

«Вы го́ры, го́ры высо́кия!
Высо́кия, непрохо́дныя,
Раздви́ньтесь вы, го́ры, по о́бе сто́роны,
Поста́влю на вас це́рковь собо́рную;
В вас бу́дет слу́жба Госпо́дняя!»
. . . .
Ещё же Его́рий поезжа́ючи,
Святу́ю ве́ру утвержда́ючи,
Приезжа́л Его́рий
К тому́ ко го́роду Ки́еву:
На золоты́х врата́х на Херсо́нских,
Сиди́т Черного́р-пти́ца,[11]
Де́ржит в когтя́х Осетра́-ры́бу:
Свято́му Его́рью прое́хать в Ки́ев нельзя́.
По Бо́жьему повеле́нью,
По Его́рьеву моле́нью,
Подыма́лась Черного́р-пти́ца под небеса́,
Полете́ла она́ на Океа́н-мо́ре,
Она пьёт и ест в Океан-мо́ре,
И птенцо́в выво́дит на Океа́н-мо́ре.

4. Егорий Храбрый освобождает своих сестер

Свято́й Его́рий проезжа́ючи,
Святу́ю ве́ру утвержда́ючи,
Наезжа́л пала́ты белока́менны,
Где пребыва́ет цари́ще Демья́нище
Безбо́жный пёс-басурма́нище!
Уви́дел его́ цари́ще Демья́нище,
Выхо́дит он из пала́ты белока́менной,
Рычи́т он по-звери́ному,
Шипи́т он по-змейному:
Хоте́л победи́ть Его́рья Хра́брого.
Свято́й Его́рий не устра́шился,
На до́бром коне́ приупра́вился;
Вынима́ет меч-са́блю о́струю,
Он ссек его́ злоде́йскую го́лову
По его́ могу́чия пле́чи.
Подыма́л па́лицу богаты́рскую,
Разру́шил пала́ты белока́менныя,
Очи́стил зе́млю христиа́нскую,

Утверди́л ве́ру самому́ Христу́,
Самому́ Христу́, Царю́ Небе́сному.
Свободи́л из поло́на[12] три родны́х сестры́.
Он приво́дит их к Иорда́нь-реке́;
«Ой вы, мои́ три родны́х сестры́!
Вы умо́йтеся — окрести́теся
Ко Христо́ву гро́бу приложи́теся!
У цари́ща Демья́нища во до́лгом плену́
Набрали́ся вы ду́ху нечи́стого,
Нечи́стого, басурма́нского:
На вас ко́жа, как ело́вая кора́,
На вас власы́,[13] как камы́ш-трава́!»
Три сестры́ умыва́лися, окреща́лися;
Камы́ш-трава́ с них свали́лася,
И ело́вая кора́ опусти́лася.
Приходи́л Его́рий
К своей ма́тушке роди́мой:
«Госуда́рыня моя́, ма́тушка роди́мая,
Прему́драя Со́фья!
Вот тебе́ три до́чери,
А мне три родны́х сестры́.»
Его́рьева мно́го похожде́ния!
Велико́ его́ претерпе́ние!
Претерпе́л му́ки разноли́чныя
Всё за на́ши ду́ши многогре́шныя
Поём сла́ву свяху́ Его́рию!
Свяху́ Его́рию, свет Хоро́брому!
Во ве́ки его́ сла́ва не мину́ется!
И во ве́ки веко́в! Ами́нь!

СТИХ О ГОЛУБИНОЙ КНИГЕ

1.

Выходи́ла ту́ча си́льно гро́зная;
Выпада́ла кни́га Голуби́ная,[14]
И не ма́лая, не вели́кая:
Длина́ кни́ги — со́рок саже́нь,
Попере́чина — два́дцать саже́нь.
Ко той кни́ге ко Боже́ственной

Сходи́лися, соезжа́лися
Со́рок царе́й с царе́вичами,
Со́рок князе́й с княже́вичами,[15]
Мно́го наро́ду, люде́й ме́лких,
Христиа́н правосла́вных.
Приходи́л ко кни́ге прему́дрый царь
Прему́дрый царь Да́выд Евсе́евич:
Пе́ред ним кни́га разгиба́ется,
Всё боже́ственное писа́ние ему́ объявля́ется,
Ещё прихо́дит к кни́ге Володи́мир-князь,
Володи́мир князь Володи́мирович.
Возговори́л Володи́мир князь:
«Ой ты гой еси́ прему́дрый царь,
Прему́дрый царь, Давы́д Евсе́евич!
Прочти́, су́дарь, кни́гу Бо́жию!
Объяви́, су́дарь, дела́ Бо́жии;
От чего́ у нас на́чался бе́лый во́льный свет?
От чего́ у нас со́лнце кра́сное?
От чего́ у нас све́тлый ме́сяц?
От чего́ у нас звёзды ча́стыя?
От чего́ у нас но́чи тёмныя?
От чего́ у нас зо́ри у́тренния?
От чего́ у нас ве́тры бу́йные?
От чего́ у нас дро́бен[16] до́ждик?
От чего́ у нас у́м-ра́зум?
От чего́ на́ши по́мыслы?
От чего́ у на́с мир-наро́д?
От чего́ у нас ко́сти кре́пкия?
От чего́ те леса́ на́ши?
От чего́ кровь-руда́ на́ша?»
Возговори́т прему́дрый царь,
Прему́дрый царь Давы́д Евсе́евич:
«Ой ты гой еси́ Володи́мир князь,—
Не могу́ я проче́сть кни́гу Бо́жию,
Эта кни́га не ма́лая,
Эта кни́га вели́кая!
Я по ста́рой по свое́й па́мяти
Расскажу́ вам, как по гра́моте:
У нас бе́лый во́льный свет
Зачался́ от суда́ Бо́жия;

Со́лнце кра́сное от лица́ Бо́жьего,
Самого́ Христа́ Царя́ Небе́сного;
Све́тел ме́сяц от груди́ его́;
Звёзды ча́стыя от риз[17] Бо́жиих;
Но́чи тёмныя от дум Госпо́дних;
Ве́тры бу́йные от Свя́та Ду́ха;
У нас ум — ра́зум Самого́ Христа́,
Самого́ Христа́, Царя́ Небе́сного;
На́ши по́мыслы от о́блак небе́сных;
У нас мир-наро́д[18] от Ада́ма;
Ко́сти кре́пкия от ка́мени;
Телеса́[19] на́ши от сыро́й земли́;
Кровь-руда́[20] на́ша от чёрна мо́ря».

2. Царь Давид объясняет сон князю Владимиру:

Кривда и Правда

Возговори́л Влади́мир-князь:
— «Ой ты гой еси́ прему́дрый царь,
Прему́дрый царь Давы́д Евсе́евич!
Мне но́чесь, су́дарь, ма́ло спа́лось;
Мне во сне мно́го ви́делось:
Кабы́[21] с той страны́ со восто́чной,
А с друго́й страны́ со полудённой,[22]
Кабы́ два зве́ря собира́лися,
Кабы́ два лю́тые собега́лися,
Проме́жду собо́ю дра́лися, би́лися, —
Оди́н одного́ зверь одоле́ть хо́чет.»
Возговори́л прему́дрый царь,
Прему́дрый царь Давы́д Евсе́евич:
— «Это не два зве́ря собира́лися,
Не два лю́тые собега́лися:
Это Кри́вда с Пра́вдой сходи́лися,
Проме́жду собо́й би́лись, дра́лись,
Кри́вда Пра́вду одоле́ть хо́чет;
Пра́вда Кри́вду переспо́рила,
Пра́вда пошла́ на небеса́,
К самому́ Христу́, Царю́ Небе́сному,
А Кри́вда пошла́ у нас по все́й земле́;
По всей земле́, и по све́т-ру́сской,

По всему́ наро́ду христиа́нскому.
От Кри́вды земля́ всколеба́лася,
От того́ наро́д весь возмуща́ется;
От Кри́вды стал наро́д непра́вильный,
Непра́вильный стал, злопа́мятный,
Они друг дру́га обману́ть хотя́т,
Друг дру́га пое́сть хотя́т.
Кто бу́дет Кри́вдой жить,
Тот отча́янный[23] от Го́спода;
Та ду́ша не насле́дует
Себе́ ца́рства небе́сного.
А кто бу́дет Пра́вдой жить,
Тот прича́янный[24] ко Го́споду;
Та ду́ша насле́дует себе́ Ца́рство Небе́сное.»
— Ста́рым лю́дям на послу́шанье,
А моло́дым лю́дям для па́мяти.
Сла́ву поём Давы́ду Евсе́евичу —
Во ве́ки его́ сла́ва не мину́ется![25]

---

1 наказание
2 римский царь Диоклетиан
3 враг христианства
4 плен
5 взял в плен
6 очень сильно рассердился
7 сердится
8 исцелялось, становилось целым
9 голоса
10 проговорил, сказал
11 мифическая птица
12 из пекла
13 волосы
14 Книга Святого Духа, изображаемого в виде голубя.
15 сын князя
16 мелкий дождь
17 одежда
18 люди, человечество
19 тело — телеса́
20 красная кровь
21 как будто
22 южной
23 тот отойдет от Господа
24 тот приблизится к Господу
25 не исчезнет, не забудется

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

СТИХ О ЕГОРИИ ХРАБРОМ

благове́рная, faithful
во́льный свет, free world
поги́бель, ruin
напусти́ть, to send, inflict
бассурма́нин, infidel, non-Christian
сечь, to cut, slash to pieces
руби́ть, to cut, sabre, slash
о́трок, adolescent
пыта́ть (допра́шивать), to torture, question
глаго́лует=говори́т
злоде́й, villain
Тро́ица, Trinity
распаля́ться, to incense, infuriate
разноли́чные (разли́чные)
пили́ть, to saw
не вреди́ть(ся), not to be injurious to health
соцеля́лося (соединя́лось), was healed
ре́звый, fast, speedy
превозно́сит (восхваля́ет), glorifies
кова́ть, to forge
смола́, pitch, tar
вырыва́ть, вы́рыть, to dig
по́греб, cellar, vault
са́жень, seven feet
щит, shield
прита́птывать, to tread down

ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ ВЫХОДИТ ИЗ ТЕМНИЦЫ

темни́ца, dungeon, jail
разноси́ть, разнести́, to scatter, disperse
размета́ть, to disperse, spread about
возда́ть, to render, give
сбру́я, harness

ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ УТВЕРЖДАЕТ ХРИСТИАНСТВО НА РУСИ

утвержда́ть, to strenghten
совива́ться, to wind, twist
расшатну́ться, to shake loose
раскачну́ться, to swing, sway
собо́рная це́рковь, cathedral
богомо́льная, devout
непрохо́дный, unpassable
раздви́нутые, moved apart

ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ ОСВОБОЖДАЕТ СЕСТЕР

рыча́ть, to growl, snarl
шипе́ть, to hiss
приупра́виться, to set right, put (oneself) in order
меч, sword
ело́вая кора́, fir-bark
камы́ш, cane, reed
похожде́ния, adventures

СТИХ О ГОЛУБИНОЙ КНИГЕ

кровь-руда́, red blood
кри́вда, falsehood
одоле́ть, to overpower, conquer
переспо́рить, to out-argue
всколеба́ться, to rock
злопа́мятный, rancorous

Апокрифы*

АПОКРИФЫ

Апо́криф представлял собою такой род легендарно-религиозного сказания, который, по своей тематике, был тесно связан с каноническими книгами Ветхого и Нового Завета, но в самих сюжетах и в их трактовке встречались «еретические» элементы, отвергаемые церковным учением.

Апокрифы, в средние века, заносились в список запрещенных или «отречённых» книг.

Приток апокрифической литературы на Русь из Византии и Болгарии начинается еще с XI века. На Руси в апокрифы нередко вносились чисто-русские элементы и отражался русский быт. Так, например, в апокрифе «Хожде́ние Богоро́дицы по му́кам» (список XII века) упоминаются восточно-славянские языческие боги: Троя́н, Хорс, Ве́лес, Перу́н, которых, конечно, не могло быть в византийском оригинале. Апокрифы оказали влияние на старинные жанры русской литературы (напр.: жития святых, паломничества, а также и на некоторые жанры устной поэзии (повесть о Горе-Злосчастии) и древнерусского искусства.

I. АПОКРИФ ОБ АДАМЕ

(По спискам XVII века)

СКАЗАНИЕ, КАК СОТВОРИЛ БОГ АДАМА

Бог со́здал в земле́ Мадиа́мской[1] челове́ка, взя́вши земли́ горсть от восьми́ часте́й: 1) от земли́ — те́ло,

---

Примечание: Имя «Адам» — (Аз-Добро-Мыслете) — составлено из названия букв в старославянской азбуке. Этими буквами начинались слова, обозначающие в греческом языке названия четырех стран света (восток, запад, север, юг).

---

* See footnotes and vocabulary pages 177-178.

2) от ка́мня — ко́сти, 3) от мо́ря — кровь, 4) от со́лнца — о́чи, 5) от о́блака — мы́сли, 6) от огня́ — теплоту́, 7) от ве́тра — дыха́ние, 8) от све́та — свет. И пойде Госпо́дь Бог о́чи и́мати от со́лнца и оста́ви Ада́ма еди́ного лежа́ща на земле́; прии́де же окая́нный сатана́ к Ада́му и изма́за его́ ти́ною и гря́зью. И прии́де Госпо́дь к Ада́му и восхоте́ о́чи вложи́ти в Ада́ма, и ви́де его́ изма́зана: и разгне́вався Госпо́дь на диа́вола и глаго́ла: «Что ра́ди[2] челове́ку сему́ сотвори́л еси́ па́кость, изма́за его́? Про́клят ты бу́ди!» — и диа́вол исче́зе, а́ки мо́лния, сквозь зе́млю от лица́ Госпо́дня. Госпо́дь же, сняв с него́ па́кости satани́ны, и из э́того сотвори́ соба́ку, и поста́ви соба́ку и повеле́ стере́чь Ада́ма, а сам Госпо́дь оти́де в го́рний[3] Иерусали́м по дыха́ние Ада́мово. И прии́де втори́чно сатана́, и восхоте́ на Ада́ма напусти́ти злую скве́рну[4] и ви́де соба́ку при нога́х Ада́мовых лежащу́, и убоя́ся ве́льми.[5] Соба́ка начала́ зло ла́яти на диа́вола. Окая́нный же сатана́, взяв де́рево, исты́ка всего́ челове́ка Ада́ма, и сотвори́ в нём 70 не́дугов.[6] И прии́де Ису́с из го́рнего Иерусали́ма, и ви́де Ада́ма дре́вом иско́лота, и милосе́рдова о нём, и рече́ сатане́: «Проклятый диа́воле, что сотвори́л челове́ку сему́, почто́[7] вложи́л не́дуги сия́?» — И отогна́ Госпо́дь диа́вола, и исче́зе диа́вол, про́гнан, а́ки тьма све́том, и оборoти́ся вся не́дуги в него́. И посла́ Госпо́дь а́нгела своего́, повеле́ взя́ти «аз»[8] на восто́ке, «добро́»[9] на за́паде, «мысле́те»[10] на се́вере и на ю́ге. И нарече́ Госпо́дь челове́ку и́мя Ада́м.

А косте́й сотвори́ Бог в Ада́ме 345, и бысть Ада́м царь всем зе́млям и пти́цам небе́сным, и звеpя́м земны́м и ры́бам морски́м, и самовла́сть дасть ему Бог.

И рече́ Госпо́дь Ада́му: «Тебе́ рабо́тает со́лнце и луна́, и звёзды, и пти́цы небе́сные, и ры́бы морски́е, и скоты́ и га́ды».[11] И насади́ Госпо́дь рай на восто́ке и веле́ Ада́му пребы́ти там, а жена́ Ада́му ещё не сотворе́на бысть. И вложи́ Госпо́дь Бог сон во Ада́ма, и усну́л Ада́м, и взял Госпо́дь его́ ребро́ ле́вое, и в том ребре́ протяже́ ру́це и но́зе и гла́ву, и созда́ ему жену́ в шесты́й день. И показа́ ему́ Госпо́дь свою́ смерть, и распя́тие, и воскресе́ние, и прови́де Вознесе́ние за по́лшесты

ты́сящь лет (5500 лет). И ви́де Ада́м Го́спода распя́та, а Петра́ в Ри́ме ходящá, а Па́вла в Дама́ске уча́ща наро́д, и вознёсся Госпо́дь. И воста́ Ада́м от сна своего и тре́петен бысть во у́жасе вели́це о провиде́нии. И ви́дев Госпо́дь Ада́ма в раю́ ходя́ща и рече́ ему́: «Ада́ме, Ада́ме, пове́дай ми!» Адам же рече́ ему́: «Го́споди Влады́ко, Тебе́ ви́дех на кресте́ распя́та во Иерусали́ме, а ученики́ Твоя́, ви́дех, ходя́ща — Петра́ в Ри́ме, а Па́вла в Дама́ске, пропове́дующе Твое́ распя́тие и воскресе́ние.» — И рече́ ему́ Госпо́дь: «Подоба́ет ли тебе́ ра́ди сойти́ на зе́млю и распя́ту бы́ти и в тре́тий день воскре́снути; а ты же не пове́дай никому́ же виде́ния сего́, до́ндеже[12] увиди́ши Мя в раю́ седя́ща одесну́ю[13] Отца́, и ты о том поскорби́, Ада́ме.»

— И бысть Адам в раю́ 7 дней, прообразу́я Госпо́дь Бог жити́е челове́ческое: 10 лет испо́лнится рожде́ние (о́трок), 20 лет — ю́ноша, 30 лет — сверше́ние, 40 лет — средове́чие, 50 лет — седина́, 60 лет — ста́рость, 70 лет — оконча́ние.

II. ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

(Новозаветный апокриф «Хождение Богородицы по мукам», выделяющийся своею художественностью среди других памятников апокрифической литературы, приводится по списку начала XVII века; древнейший список относится к XII веку. Этот апокриф принадлежит к «эсхатологической» литературе, отражавшей религиозные представления о конце мира.)

В среду 5-ой недели Великого поста Слово вельми душеполезно, о покое всего мира.

...Богоро́дица, хотя́щи ви́дети, как ду́ши му́чатся, и рече́ Архистрати́гу Михаи́лу: «Испове́дай ми, я́же суть на земли́ вся́ческая: Ко́лько есть мук, иде́же му́чится род христиа́нский?» — И рече́ к ней Архистрати́г: «Неизрeко́мы суть му́ки.» Рече́ же к нему́ Благода́тная: «Испове́дай ми на небеси́ и на земли́». И повеле́ Архистрати́г

явитися ангелам от полудня[14] и отверзеся ад, и виде во аде мучащияся и было тут множество муж и жён, и вопль мног бяше. И вопроси Благодатная Архистратига: «Кто си суть?» — И рече Архистратиг: «Сий суть, иже не вероваша во Отца и Сына и Святаго Духа, но забыша Бога истинного, того они все богами прозваша: солнце и месяц, землю и воду, и звери и гады... Трояна, Хорса, Велеса, Перуна[15] в богов обратиша, бесам злым вероваша и доселе мраком злым содержими суть, того ради зде тако мучатся...» И виде на другом месте тьму велику и рече Святая Богородица: «Что есть тьма сия, и кто суть пребывающи в ней?» — И рече Архистратиг: «Много души пребывают в месте сем». — И рече Святая Богородица: «Да отымется тьма сия, да бых видела и ту муку». И отвеща ангели, стерегущие муку: «Поручено ны есть, да не видят света, дондеже явится сын твой благий, паче семь солнц светлейша».

И прискорбна бысть Святая Богородица, и ко ангелам возведе очи сия, и воззрев на невидимый престол Отца своего, и рече: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да отымется тьма сия, и да бых видела сию муку». — И отъяся тьма сия и вопль многий бысть, и глас великий исхожаше. И видевши их Пресвятая Богородица и рече к ним со слезами: «Что сотворили есте несчастные; како вы семо приидосте?» — Рекоша мучащиеся: «О благодатная, от века несмь света видели, да не можем зрети горе!»[16]—«Тогда рече Святая Богородица ко Архистратигу Михаилу: «Что есть согрешение тех?» — И рече Михайл: «Сии суть, иже не вероваша во Отца и Сына и Святаго Духа, то ни в Тя, Святая Богородица, не хотяща проповедати имени Твоего...» И паки прослезися Святая Богородица и рече к ним: «Не весте ли вы, якоже моё имя почитают все создания?»

То рекше Святая Богородица, и паки тьма нападе на них. Рече к ней Архистратиг: «Куда хощешь, Благодатная, да изидем: на полудне или на полуночь?»[17] — И рече Благодатная: «Изидем на полудни.» — Тогда обратишася Херувимы, Серафимы и 400 ангел изведоша Богородицу на полудень, идеже река огненная исхожаше, и ту бяше множество муж и жен, бяху погружении

ту, óвии[18] до пóяса, óвии до пáзухи, óвии до шéи, а другíе дó верху.

И вúдевше Свя́тая Богорóдица, возопú глáсом велúким и вопросú Архистратúга: «Котóрые суть си úже до пóяса во огнé погружéнии?» — И речé к ней Архистратúг: «Се суть, úже отец и матерéй своих проклятие приúша, да за то здесь мýчатся, ńко прóкляти суть.» — И пáки рéче Богородица: «Иже суть под пáзусе в óгне, котории суть?» — И речé к ней Архистратúг: «Сии суть те, кто с сóбственными кумовья́ми коря́щеся,[19] а другíе блуд творя́ху,[20] да за то ти здесь мýчатся». И речé Пресвятáя Богорóдица: «А иже суть до шéи во плáмени огня́, котóрии суть?» — И речé к ней Архáнгел: «Сии суть иже мя́са я́дшая человéча, да за то зде мýчатся тáко». — Рече Святая Богородица: «А сии до вéрха суть ввéржени во плáмени огня́, котóрии суть сий?» — И речé Архистратúг: «Си суть, Гóспоже, úже крест честнЫй держáше, клянýтся лóжью... тогó рáди тáко мýчатся». И увúде Святая Богорóдица мýжа вися́ща зá ноги, и чéрви ядя́ху егó, и вопросú áнгела: «Кто сей? Какóй грех сотворúл есть?» — И речé к ней Архистратúг: «Сий есть, úже приклáды (процéнты) имáше на злáто своé и на сребрó, да за то навéки мýчится». И вúде женý вися́щу за зуб и разлúчные змúи исхожáху из уст ея́ и ядя́ху ея́. И вúдевши Пресвятáя и вопросú áнгела: «Что есть женá сия́? Какóй грех ея́» — И отвещá Архистратúг: «Та есть, Гóспоже, éже хожáше по блúжняя своя́ и по сусéдам, послýшающи, что глагóлют, и слагáющи словесá неприя́знена, свaжáющии на свáре (возбуждающие к ссоре), да тогó рáди сúце мýчится». И речé Святáя Богорóдица: «Добрó бЫло человéку томý, да не родúлся бы». И речé к ней Михаúл: «И ещé, Святая Богородица, несть[21] вúдела велúких мук». — И речé Святáя ко Архáнгелу: «Изúдем да похóдим, да вúдим вся мýки»...

И речé к ней Михáил: «Кудá хóщеши, Благодáтная, да изúдем: на востóк или на зáпад или в рай, на дéсно или на лéво, идéже суть велúкия мýки?» — И речé Пресвятáя: «Изúдем на лéвую странý»... И обратúшася херувúми и серафúми и 400 ангел, изведóша Пресвятýю

от востóка на лéвую странý, и близ тоя́ реки́ бя́ше тьмá мрáчна: ту лежáше мнóжество муж и жен, и клокотáху я́ко в котлé и я́ко морски́я вóлны, и разбивáются над грéшниками... Ядя́ше же чéрви неусы́пно, и скрéжет зубóв. И ви́девше Пресвятýю возопи́ша вси еди́ным глáсом, глагóлюще: «Дóбре естé пришли́ во тьмý сию́, да нас ви́дети кáко нáша есть мýка; помоли́сь, Пресвятáя, со Архистрати́гом». — И устáвися[22] бýря речнáя, и вóлны óгненныя... И ви́девши Свя́тая прослези́ся и речé; «Что есть рекá сия́ и вóлны ея́?» — И речé к ней Архистрати́г: «Сия рекá вся смолянáя, а вóлны ея́ все óгненныя, и и́же ся мýчат, то суть те, мýчиша Гóспода нáшего Иисýса Христá, и все нарóды, и́же крести́шася во и́мя Отца и Сына и Святáго Духа, и́же христиáне сýще, но пóсле отвергóшеся Бóга и Святáго Крещéния...

...и отрáвницы, и́же я́дом уморя́ют человéки, и орýжьем убивáют, и дáвят дéти своя́, и тогó рáди мýчатся за делá свои́.» — И речé Святáя: «По делóм их бýди тáко».[23]

. . . .

И речé Пресвятая Богорóдица: «Мóлимтеся повели́ Ангельскому воинству и вознесéте мя на высоту небесную и постáвите мя пред неви́димым Отцéм». И повелé Архистрати́г, и предстáша херуви́мы и серафи́мы, и вознесóша Благодáтную на высóту небéсную, и постáвиша ю пред неви́димым Отцéм у престóла, и воздé[24] рýце своя́ ко благодáтному Сы́ну своемý и речé: «Поми́луй, Влады́ко, грéшных, я́ко ви́дех я, и не могý терпéти, да ся мýчу и аз со христиáны.»

. . . .

И сшед Госпóдь от неви́димого престóла и уви́деша и во тьме сýщие, и возопи́ша вси еди́ным глáсом, глагóлюще: «Поми́луй ны, Сы́не Бóжий; поми́луй ны, Царю́ всех век». — И речé Влады́ко: «Слы́шите вси, — рай насади́х и человéка создáх по óбразу своемý и постáвих и господи́на рáеви, и живóт[25] вéчный дах им, они же ослýху сотвори́ша и согреши́ша, и предáшася смéрти... и зáповедей мои́х не соблюдóсте; да тогó рáди обретóстеся во óгни негаси́мом, да не и́мам вас поми́ловати. Ны́не же за милосéрдие Отца Моегó, яко послá Мя к вам,

и за моли́твы Ма́тери Моея́, я́ко пла́кася мно́го за вас, ... и за мно́го муче́ний мои́х, я́ко мно́го труди́шася за вас, — и се даю́ вам му́чащимся день и нощь от Вели́кого Четверга́ до Святы́я Пятидеся́тницы, име́ти вы поко́й и просла́вите Отца́ и Сы́на и Свята́го Ду́ха.» И отвеща́ща вси: «Сла́ва милосе́рдию Твоему́.»

Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, и ны́не и при́сно[26] и во ве́ки веко́в. Ами́нь.

---

1 эдемской; эдем — рай
2 Зачем? Для чего?
3 верхний
4 змею
5 очень
6 недуг=болезнь
7 зачем
8 аз, — буква «а»
9 добро́ — буква «д»
10 мыслете — буква «м»
11 змеи
12 до тех пор пока...
13 направо, по правую сторону
14 с юга
15 языческие божества у древних славян.
16 вверх, вверху
17 на север
18 те... те... (одни... другие)
19 ссорились, бранились
20 жили развратно
21 не
22 остановилась, прекратилась
23 они наказаны справедливо
24 подняла вверх
25 жизнь
26 всегда

СЛОВАРЬ К АПОКРИФАМ

Апо́криф, Apocrypha
канони́ческий, canonical
Ве́тхий Заве́т, Old Testament
тракто́вка, interpretation
ерети́ческий, heretical
отречённые кни́ги, condemned books
язы́ческий, heathen; pagan
пало́мничество, pilgrimage

Апокриф об Адаме

сказа́ниие, legend (story)
сотвори́л, created
Мадиа́мской страны́, Madiam country
о́чи, eyes
и́мати, to have
окая́нный, damned; accursed
изма́зать, to besmear
восхоте́ть, to desire
сему́-э́тому, to this one
па́кость, abomination
ве́льми (очень), very
милосе́рдие, charity
га́ды, reptiles
Распя́тие, Crucifix; Crucifixion
веле́ть, to order; to command
пребы́ти, to spend (time)
трепета́ть, to tremble
Вознесе́ние Госпо́дне, Ascension Day
Вознёсся Госпо́дь, God ascended
скорбе́ть, to grieve
прообраз, prototype

«Хождение по мукам»

Архистрати́г Михаи́л, Archangel Michael
Испове́дуй ми, Confide to me
неизреко́мые му́ки, unspeakable torture
Благода́тная Де́ва Мари́я, Blessed Virgin Mary
отве́рзися ад, the gates of hell opened
вопль, cry, wail, moan
и́стиный, true or veritable
тьма, darkness
воззре́ть, behold; perceive
оты́мется тьма и бысть свет let there be light
несть, It is not
не мо́жем зре́ти горе́, we cannot behold Heaven
пропове́дати, to preach
изведо́ша Богоро́дицу на полу́день, They transported the Mother of God southward
бя́ше, It was
па́зуха, bosom
о́вии . . . , о́вии, some . . . , others . . .
прокля́тие, curse
коря́щеся, they were cursing each other
блуд, lechery; lasciviousness
вве́ргнуть, to throw into
и́же прикла́ды и́маше, who practiced usury
неприя́знена, inimical; hostile
свежа́ющий на сваре (возбуждающий к ссоре), provoking quarrels; dispute
неусы́пно, indefatigably
уста́вися бу́ря, storm arose
смола́-смоляна́я, tar (fire and brimstone)
отра́вницы, those who poison
возде́ ру́ки, she lifted her arms to the Lord
живо́т ве́чный, eternal life
о́слух, disobedience
соблюда́ть За́поведи, to obey the Commandments
Ны́не и при́сно — и во ве́ки веко́в. Ами́нь. now and forever and ever. Amen.

Нравоучительные повести*

I. ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ

(как Горе-Злочастие довело Молодца во иноческий чин)

Изволе́нием Го́спода Бо́га и Спа́са на́шего
Иису́са Христа́ Вседержи́теля,
От нача́ла ве́ка челове́ческого.
А в нача́ле ве́ка сего́ тле́нного
Сотвори́л не́бо и зе́млю
Сотвори́л Бог Ада́ма и Еву́,
Повеле́л им жи́ти во свято́м раю,
Дал им за́поведь боже́ственну:
Не повеле́л вкуша́ти плода́ виногра́дного*

От Еде́мского дре́ва вели́кого.
Учини́л Бог за́поведь зако́нную:
Веле́л он бра́кам и жени́тьбам быть
Для рожде́ния челове́ческого и для люби́мых дете́й...
Ино́ зло пле́мя челове́ческо:
Внача́ле пошло́ непоко́рливо,
Ко отцо́ву уче́нию зазо́рчиво,
К свое́й ма́тери непоко́рливо
И к сове́тному дру́гу обма́нчиво.
Таково́ рожде́ние челове́ческое от отца́ и ма́тери.
. . . .
Бу́дет мо́лодец уже в ра́зуме, в беззло́бии,
И возлюби́ли его́ оте́ц и мать,

Примечание: В апокрифах и в старинной живописи плод, вкушаемый Евой и Адамом, — виноград. В повести «Горе и Злосчастие» виноград имеет еще особое значение: из винограда делают вино, которое сделалось источником несчастия для молодца.

---

* See footnotes 185-187 and vocabulary page 188.

Учи́ть его учали́, нака́зывать,
На до́брые дела́ наставля́ть:
«Ми́лое ты на́ше ча́до,[1]
Послу́шай уче́ния роди́тельского,
Ты послу́шай посло́вицы (наставле́ния)
До́брыя, и хи́трыя, и му́дрыя, —
Не бу́дет тебе́ нужды́ вели́кия,
Ты не бу́дешь в бе́дности вели́кой.
Не ходи́, ча́до, в пиры́ и в бра́тчины,[2]
Не сади́ся ты на ме́сто бо́льшее,
Не пей, ча́до, двух чар за еди́ну!
Ещё, ча́до, не дава́й о́чам во́ли,
Не прельща́йся, ча́до, на до́брых кра́сных жён,
Не ложи́ся, ча́до, в ме́сто зато́чное,[3]
Не бо́йся му́дра, бо́йся глу́па,
Что́бы глу́пые на тя не поду́мали,
Да не сня́ли бы с тебя драги́х порт,[4]
Не доспе́ли[5] бы тебе́ позо́рства и стыда́ вели́кого;
Не ходи́, ча́до, к костаря́м и корче́мникам,
Не зна́йся, ча́до, с голова́ми каба́цкими;
Не ду́май укра́сти-огра́бити,
И обману́ть-солга́ть и непра́вду учини́ть.
Не прельща́йся, ча́до, на зла́то и сребро́,
Не сбира́й бога́тства непра́вого,
И зла не ду́май на отца́ и ма́терь
И на вся́кого челове́ка. . .
А зна́йся, ча́до, с му́дрыми,
И с дру́ги надёжными дружи́ся;
Кото́рые бы тебя́ злу не доста́вили.»
Мо́лодец был в то вре́мя мал и глуп,
Своему́ отцу́ сты́дно покори́тися,
И ма́тери поклони́тися.
А хоте́л жи́ти, как ему́ лю́бо.
Нажива́л мо́лодец пятьдеся́т рубле́й,
Нашёл он себе́ пятьдесят друзе́й. . .
Ещё у мо́лодца был мил-надёжен друг —
Назва́лся мо́лодцу назва́нный брат,
Зазва́л его́ на каба́цкий двор,
Поднёс ему́ ча́ру зе́лена вина́
. . . .

И кру́жку поднёс пи́ва пья́ного,
Сам говори́т тако́во сло́во:
«Испе́й ты, бра́тец мой назва́нный,
В ра́дость себе́, и в весе́лие, и во здра́вие.
Испе́й ча́ру зе́лена вина́,
Запе́й ты ча́шею мёда сла́дкого...
Хоть и упьёшься, бра́тец, допьяна́,
Где пил, тут и спать ложи́ся.
Наде́йся на меня́, бра́та названного,
Я ся́ду стере́чь и досма́тривать...
В те по́ры мо́лодец понаде́ялся
На своего́ бра́та назва́нного...
Принима́лся он за питья́ за пья́ныя,
И испива́л ча́ру зе́лена вина́...
И пил он, мо́лодец, пи́во пья́ное,
Упи́лся он без па́мяти...
И где пил, тут и спать ложи́лся.
Как бу́дет день уже до ве́чера,
А со́лнце на за́паде,
От сна мо́лодец пробужда́ется,
И в те по́ры мо́лодец озира́ется,
А что сня́ты с него́ драги́я порты́,
Ча́ры и чуло́чки — всё посни́мано,
Руба́шка и портки́ все слу́плено...
А кирпи́чек поло́жен под бу́йну его́ го́лову,
Он наки́нут гу́нкою каба́цкою,[6]
В нога́х у него́ лежа́т лапотки́-ото́почки,
В голова́х ми́ла дру́га и бли́зко нет.
. . . .
Ста́ло сра́мно мо́лодцу появи́тися
К своему́ отцу́ и ма́тери,
И к своему́ ро́ду-пле́мени
И к своим пре́жним ми́лым друзья́м.
Пошёл он на чужу́ страну́, да́льну, незна́ему,
Нашёл двор, что град стои́т:
Изба́ на дворе́, что высо́к те́рем,
А в избе́ идёт вели́к пир поче́стен,
Го́сти пьют, едя́т, потеша́ются.
Пришёл мо́лодец на че́стен пир,
Крести́л он лице́ своё бе́лое,

Поклони́лся святы́м образа́м,
Бил чело́м[7] он до́брым лю́дям
На все на четы́ре сто́роны.
Емлют его лю́ди до́брые по́д руки,
Посади́ли его́ за дубо́вый стол,
Не в бо́льшее ме́сто, не в ме́ньшее,
Са́дят его в ме́сто сре́днее,
Где сидя́т де́ти гости́нные.[8]
Как бу́дет пир на весе́лие,
И все на пиру́ го́сти пья́ны-ве́селы,
И си́дя все похваля́ются.
Мо́лодец на пиру́ неве́сел сиди́т.
А не пьёт, не ест он, не те́шится...
Говоря́т мо́лодцу лю́ди до́брые:
«Что еси ты, до́брый мо́лодец?
Заче́м ты на пиру́ не́весел сиди́шь?
Ча́ра ли зе́лена вина́ до тебя́ не доха́живала?
Или ме́сто тебе́ не по о́тчине твое́й?..
Или глу́пые лю́ди нему́дрые
Чем тебе мо́лодцу насмея́лися?
Или де́ти на́ши к тебе не́ласковы?»
Говори́т им, си́дя, до́брый мо́лодец:
«Госуда́ри вы, лю́ди до́брые,
Скажу́ я вам про свою́ нужду́ вели́кую,
Про своё ослуша́ние роди́тельское
И про питьё каба́цкое...
Я как при́нялся за питьё за пья́ное,
Ослу́шался я отца́ своего́ и ма́тери,
Благослове́ние мне от них минова́лося,
Госпо́дь Бог на меня́ разгне́вался...
Укроти́ла ску́дость мой речи́стый язы́к,
Иссуши́ла печа́ль моё лице́ и бе́лое те́ло,
Ра́ди того́ моё се́рдце неве́село...
Госуда́ри вы, лю́ди до́брые,
Скажи́те и научи́те, как мне жить
На чужо́й стороне́, в чу́жих лю́дях?..»
Говоря́т мо́лодцу лю́ди до́брые:
«До́брый еси́ ты и разу́мный молодец,
Не будь ты спеси́в[9] на чужо́й стороне́...
Поклони́ся ты ста́ру и мо́лоду..

Смирéние ко всем имей!
И ты с крóтостью держи́ся и́стины с прáвдою —
И то тебé бýдет честь и хвалá вели́кая...
И оттýда пошёл мóлодец на чужý стóрону
И учáл он жить умéючи,
От вели́кого рáзума наживáл он животá[10] бóльше
стáрого.
Присмотрéл невéсту себé по обы́чаю —
Захотéлося мóлодцу жени́ться.
Снаряди́л мóлодец чéстен пир...[11]
А по дéйству диáволю
Пред любóвными свои́ми гостьми́
И дрýги похвали́лся,
А всегдá гни́ло слóво похвáльное;
Похвалá себé — человéку пáгуба:
«Наживáл-де я, мóлодец, живóта бóльше стáрого».
Подслýшало Гóре-Злочáстие
Хвáстанье молодéцкое
Говори́т сéро Гóре-Гóринское:
«Как бы мне мóлодцу появи́ться?»
И вот злóе Гóре излукáвилось,
Во сне мóлодцу приви́делось:
«Откажи́ ты, мóлодец, невéсте своéй люби́мой...
Ты пойди́, мóлодец, на кабáцкий двор,
Не жалéй ты, пропивáй свои́ животы́,
А скинь ты плáтье гости́ное[12]
Надéнь на себя́ гýнку кабáцкую,
За наги́м то Гóре не погóнится,
Да никтó к нагóму не привя́жется...»
Томý сну мóлодец повéровал;
Сошёл он пропивáть свои́ животы́,
А ски́нул он плáтье гости́ное,
Надевáл он гýнку кабáцкую,
Покрывáл он своё тéло бéлое.
Стáло мóлодцу сты́дно появи́ться
Свои́м ми́лым друзья́м —
Пошёл мóлодец на чужý странý дáльню, незнáему.
На дорóге пришлá емý бы́стра рекá,
За рекóю перевóзчики,
А прóсят у негó перевóзного.

А мо́лодцу дать не́чего
Не везу́т мо́лодца безде́нежно,
Сиди́т мо́лодец день до ве́чера, . . .
Не еда́л мо́лодец ни по́лу ку́са хле́ба.[13]
Встава́л мо́лодец на ско́ры но́ги,
А сам говори́т таково́ сло́во:
«Ино́ ки́нусь я, мо́лодец, в быстру ре́ку —
Полощи́ моё те́ло, бы́стра река́,
Ешьте, ры́бы, моё те́ло бе́лое, —
Всё бу́дет лу́чше жити́я сего́ позо́рного,
Уйду́ ли я от Го́ря-злоча́стного?»
И в тот час у бы́строй реки́ скочи́ло Го́ре
из-за ка́мени,
Богаты́рским го́лосом воскли́кало:
«Стой ты, мо́лодец; от меня́, Го́ря, не уйдёшь
никуда́!
Покори́ся мне, Го́рю нечи́стому,
Поклони́ся мне, Го́рю, до сыро́й земли́. . .
И ты бу́дешь перевезён за бы́струю ре́ку,
Напо́ят тя, нако́рмят лю́ди до́брые.»
А что ви́дит мо́лодец беду́ немину́чую.
Покори́лся Го́рю нечи́стому —
Поклони́лся Го́рю до сыро́й земли́.
Пошёл, поскочи́л до́брый мо́лодец
По круту́ по бе́режку
По жёлтому песо́чку.
Идёт ве́сел, некручи́новат. . .[14]
И сам и́дучи ду́му ду́мает:
«Когда́ у меня́ нет ничего́,
И тужи́ть[15] мне не́ о чем!
Да и запе́л он хоро́шую напе́вочку
От вели́кого кре́пкого ра́зума. . .
Услы́шали перево́зчики молоде́цкую напе́вочку,
Перевезли́ мо́лодца за бы́стру ре́ку,
А не взя́ли у него́ перево́зного
Напои́ли, накорми́ли лю́ди до́брые,
Сня́ли у него́ гу́нку каба́цкую,
Да́ли ему́ порты́ крестья́нские.
Говоря́т мо́лодцу лю́ди до́брые:
«А что ты еси́, до́брый мо́лодец,

Ты поди́ на свою́ сто́рону,
К люби́мым свои́м роди́телям,
Ко отцу́ своему́ и к ма́тери роди́мой...
Возьми́ от них благослове́ние роди́тельское.»
И отту́да пошёл мо́лодец на свою́ сто́рону.
Как бу́дет мо́лодец на чи́стом по́ле,
А зло́е Го́ре наперёд зашло́,
На чи́стом по́ле мо́лодца встре́тило...
Говори́т Го́ре таково́ сло́во:
«Ты стой, не ушёл, до́брый мо́лодец,
Не на час я к тебе́, Го́ре злоча́стное, привяза́лося!
Хоть до сме́рти с тобо́ю пому́чуся!..
Хоть ки́нься во пти́цы возду́шныя,
Хотя́ в си́нее мо́ре ты пойдёшь ры́бою,
А я с тобо́й пойду́ по́д руку, под пра́вую!»
— Полете́л мо́лодец я́сным со́колом, —
А Го́ре за ним бе́лым кре́четом;
Мо́лодец полете́л си́зым го́лубем, —
А Го́ре за ним се́рым я́стребом;
Мо́лодец стал в по́лековы́ль-трава́
А Го́ре пришло́ с косо́ю во́строю...
Пошёл мо́лодец в мо́ре ры́бою,
А Го́ре за ним с ча́стыми не́водами...
Мо́лодец пошёл пеш доро́гою,
А го́ре по́д руку под пра́вую,
Науча́ет мо́лодца бога́то жить —
Уби́ти и огра́бить,
Чтоб мо́лодца за то пове́сили,
Или с ка́мнем в во́ду бро́сили.
Спамя́тует мо́лодец спасе́нный путь —
И отту́да мо́лодец в монасты́рь пошёл пострига́тися.
А Го́ре у святы́х воро́т остаётся,
К мо́лодцу впредь не привя́жется!
А сему́ житию́ коне́ц мы ве́даем.
Изба́ви, Го́споди, ве́чные му́ки,
А дай нам, Го́споди, све́тлый рай
Во ве́ки веко́в. Аминь.

[1] дитя
[2] пирушки холостой молодежи
[3] где пьянствуют

[4] дорогая одежда
[5] не причинили бы
[6] лохмотья пьяницы
[7] низко поклонился, — касаясь рукой лба и земли (старинный русский обычай)
[8] сыновья купцов
[9] гордый, надменный
[10] имущество, богатство
[11] устроить богатый, традиционный свадебный пир (обед, веселье)
[12] купеческую одежду
[13] полкуска хлеба
[14] кручина=печаль; некручиноват — непечальный, веселый
[15] горевать

II. О ПРАВДЕ И КРИВДЕ

Жи́ли два бра́та купца́: — оди́н кри́вдой, друго́й пра́вдой. Так все и зва́ли их: одного́ Кри́вдой, а друго́го Пра́вдой. — «Послу́шай, Пра́вда, — сказа́л раз Кри́вда, — ведь кри́вдой жить на све́те лу́чше.» — «Нет!» — «Дава́й спо́рить!» — «Дава́й!» Спо́рили, спо́рили, никто́ не переспо́рил. «Ну, слу́шай, — сказа́л Кри́вда, — у тебя́ три корабля́, у меня́ два: е́сли на пе́рвой встре́че нам ска́жут, что жить пра́вдой лу́чше, то все корабли́ твои́, а е́сли кри́вдой, — то мои́! — «Хорошо́«» — «Пойдём к пи́сарю, он нас рассу́дит.» — «Пойдём» — отвеча́ет Пра́вда. Вот и пришли́ они́ к пи́сарю. — «Реши́ наш спор, — говори́т Кри́вда, — чем лу́чше жить: кри́вдой или пра́вдой?» Пи́сарь говори́т: «В на́ше вре́мя лу́чше жить кри́вдой.» Пра́вда поклони́лся и говори́т Кри́вде: «Коли́ так, бери́ мои́ корабли́,» — а сам всё-таки стои́т на своём, что лу́чше жить пра́вдой. — «Пойдём к судье́, как он реши́т? — говори́т Кри́вда, — коли́ по-тво́ему, я тебе́ плачу́ ты́сячу рубле́й, а коли́ по-мо́ему, ты мне до́лжен о́ба гла́за отда́ть». Пришли́ они́ к судье́, ста́ли спра́шивать: чем лу́чше жить? Судья́ сказа́л: «В на́ше вре́мя лу́чше жить кри́вдой». — «Подава́й-ка твои́ глаза́», — говори́т Кри́вда Пра́вде, и вы́колол глаза́ ему́. Оста́лся Пра́вда безгла́зый, пал лицо́м на́ земь и попо́лз о́щупью. Допо́лз до боло́та и лёг в траве́. В са́мую по́лночь на́чали туда́ собира́ться и чертеня́та и бесеня́та, и мно́жество вся́кой

нечи́стой си́лы. Их са́мый ста́рший стал всех спра́шивать: кто что сде́лал? — Оди́н говори́т: — «Я ду́шу загуби́л».[50] Друго́й говори́т: «Я челове́ка на грех смути́л.» А Кривда́ то́же тут ме́жду ними́ верти́тся и похваля́ется: «Я у Пра́вды три корабля́ вы́спорил, да глаза́ ему вы́колол». Ста́рший бес и говори́т: «На́до потере́ть ту́тошней[51] тра́вкой, и глаза́ опя́ть бу́дут». Пра́вда лежи́т ни гугу́,[52] а сам всё слу́шает. Вдруг запе́ли петухи́, и вся нечи́стая си́ла[53] пропа́ла. Пра́вда нарва́л тра́вки, и дава́й тере́ть глаза́: потёр один, потёр друго́й и стал ви́деть попре́жнему.

В э́то вре́мя у царя́ осле́пла дочь, и сде́лал царь клич: «Кто вы́лечит царе́вну, за того́ отда́м её за́муж». Пра́вда приложи́л ей к оча́м тра́вку, потёр и вы́лечил. Царь обра́довался, отпра́здновал сва́дьбу до́чери с Пра́вдой, и за́жил Пра́вда по-ца́рски. Дошла́ э́та весть до Кри́вды, и ду́мает Кри́вда: «Схожу́-ка я к бра́ту и спрошу́ его́, как така́я благода́ть[54] с ним приключи́лася?»

Пра́вда всё рассказа́л Кри́вде, а Кри́вда пря́мо от бра́та отпра́вился на боло́то и залёг в тростнике́. Запе́ли петухи́, забе́гали бесеня́та — засуети́лись. — «Кто ца́рскую дочь вы́лечил? Кто на́ше де́ло испо́ртил? Царе́вна осле́пла от на́шего гла́вного, хромоно́гого бе́са». И ста́ли они́ подозрева́ть одного́ из свои́х, са́мого ху́денького чертёнка, и ну его бить да щипа́ть... А он бро́сился в тростни́к, наткну́лся на Кри́вду и вы́тащил его́ к чертя́м. И тут они́ его́ разорва́ли в ме́лкие кусо́чки.

Так и выхо́дит, что пра́вдою-то жить лу́чше, чем кри́вдой.

---

50 я убил человека
51 тутошний=здешний
52 молчит
53 черти
54 счастье, удача

СЛОВАРЬ К «ПОВЕСТИ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ»

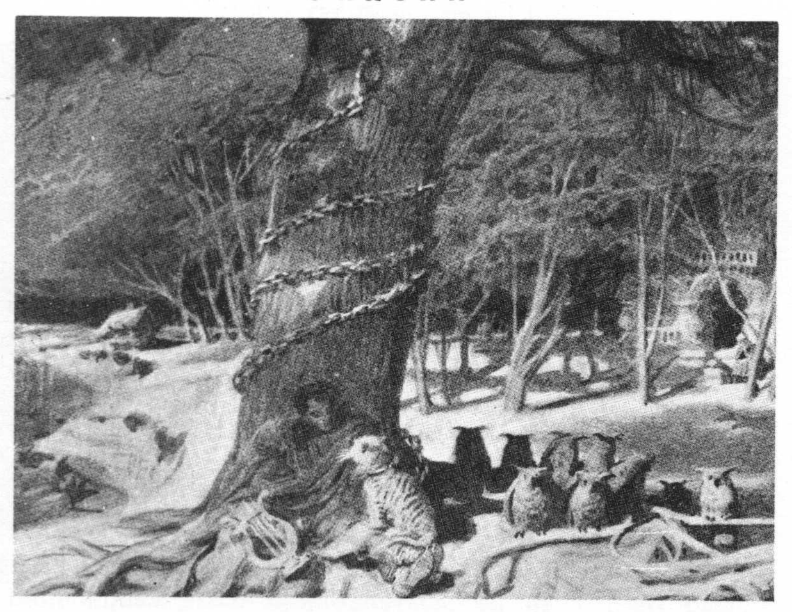
злоча́стие, misfortune
довело́, caused
мо́лодец, youth
и́нок, monk
изволе́ние-во́ля, by the will of the Lord
Вседержи́тель, All-powerful God
тле́нный, perishable
сотвори́л, created
за́поведь, Command
Боже́ственная, divine
Еде́мское дре́во, Eden tree
непоко́рливо, not docile, refractory
зазо́рчиво, unreceptive
обма́нчиво, deceptive
хи́трый, му́дрый, wise
бра́тчины, young men's drinking parties
прельща́ться, to be tempted
ча́ра, goblet
зато́чное, deserted
порты́, clothes
костари́, dice-players, gamblers
корче́мники, drunkards
каба́к, tavern
учини́ть, to make, to commit
покори́ться, to resign oneself, to obey
поклони́ться, to bow
пья́ный, drunk, intoxicated
озира́ется, looks back
крести́ть лицо́, cross oneself
чело́, brow, forehead

е́млют, they take
похваля́ются, boast; swagger
те́шиться, to amuse
-прошло́-минова́лося, (in the) past, it has passed
разгне́ваться, to be angry
ску́дость-бе́дность, scarcity; poverty
нажива́л он живота́ бо́льше ста́рого, make a better fortune than before
гни́ло, rotten
па́губа, destruction
похвальба́, brag
чу́нка-гу́нка, sackcloth
наго́й, barefoot, naked
позо́рный, infamy
покори́ся!, obey!
напе́вочка, song
привяза́лося, attached
пому́читься, to suffer
со́кол, falcon
кре́чет, gerfalcon
си́зый, blue-green
я́стреб, hawk
ковы́ль-трава́, feather-grass
пострига́тися в мона́хи, to take the monastic vows
изба́вить, to save
ве́чные му́ки, eternally suffering

СЛОВАРЬ «О ПРАВДЕ И КРИВДЕ»

кри́вда, falsehood
пи́сарь, clerk
загуби́ть — ду́шу загуби́л, murdered someone
на грех смути́л, I led him astray
ту́тошний, local, from here
клич, call
хромоно́гий, lame

Сказки*



И. Н. Крамской — У лукоморья дуб зеленый

У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказки говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках

---

* See footnotes and vocabulary pages 190, 193, 196-197, 199, 202 and 205.

Стои́т без о́кон, без двере́й;
Там лес и дол виде́ний по́лны;
Там о заре́ прихлы́нут во́лны
На брег песча́ный и пусто́й,
И три́дцать ви́тязей прекра́сных
Чредо́й из вод выхо́дят я́сных,
И с ни́ми дя́дька их морско́й;
Там короле́вич мимохо́дом
Пленя́ет гро́зного царя́;
Там в облака́х, перед наро́дом
Чере́з леса́, чере́з моря́,
Колду́н несёт богатыря́;
В темни́це там царе́вна ту́жит,
А бу́рый волк ей ве́рно слу́жит;
Там сту́па с Ба́бою-Яго́й
Идёт-бредёт сама́ собо́й;
Там царь Коще́й над зла́том ча́хнет;
Там ру́сский дух... там Ру́сью па́хнет!
И я там был, и мёд я пил;
У мо́ря ви́дел дуб зелёный;
Под ним сиде́л, и кот учёный
Свои́ мне ска́зки говори́л.

А. С. Пушкин

ИЗ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

лукомо́рье, curved sea-shore
ле́ший, wood-spirit
руса́лка, mermaid
дол (доли́на), dale, valley
ви́тязь, knight
чредо́й, one after other
мимохо́дом, in passing
темни́ца, prison
колду́н, sorcerer, wizard
тужи́ть, to grieve
Ба́ба Яга́, sorceress, witch
Коще́й, a stingy man, niggard (myth)
ча́хнуть, to dry up, to pine away

I. СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ЛИСА

Жи́ли себе́ дед да ба́ба. Дед говори́т ба́бе: — «Ты, ба́ба, пеки́ пироги́, а я пойду́ ры́бу лови́ть.» Налови́л дед ры́бы и везёт домо́й це́лый воз. Вот е́дет он и ви́дит: лиси́чка сверну́лась кала́чиком и лежи́т на доро́ге. Дед

слез с вóза, подошёл к лисúчке, а онá не ворохнётся, лежúт как мёртвая.

«Вот бýдет подáрок женé», — сказал дед, взял лисúчку и положúл на воз, а сам пошёл впередú. А лисúчка улучúла[1] врéмя и стáла выбрáсывать из вóза по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу — и самá убежáла. — «Ну, старýха, — говорúт дед, — какóй воротнúк привёз я тебé на шýбу»! — «Где?» — «Там на возý — и рыба и воротнúк».

Подошлá бáба к вóзу: ни воротникá, ни рыбы, и началá ругáть мýжа: — «Ах ты стáрый хрен, такóй-сякóй! Ты ещё вздýмал обмáнывать!» Тут дед смекнýл, что лисúчка-то былá не мёртвая; погоревáл, но дéлать-то нéчего. А лисúчка тем врéменем собралá всю разбрóсанную по дорóге рыбу в кýчку, сéла и ест рыбу. Навстрéчу ей идёт волк — «Здрáвствуй, кýмушка!» — «Здрáвствуй, куманёк!» — «Дай мне рыбки!» — «Наловú сам да и ешь!» — «Я не умéю». — «Ну, а я же наловúла; ты, куманёк, ступáй на рéку, опустú хвост в прóрубь, — рыба самá на хвост нацéпится; да смотрú, сидú подóльше, а то и не налóвишь». Волк пошёл на рéку, опустúл хвост в прóрубь, — дéло то было зимóю. Уж он сидéл, сидéл, цéлую ночь просúдел, хвост егó и приморóзило; попрóбовал было приподняться, но не тут то было.[2] — «Вот, скóлько рыбы привалúло, и не вытащишь», — дýмает он. Смóтрит, а бáбы идýт за водóй и кричáт: — «Волк, волк! бéйте егó! бéйте егó!» Прибежáли и нáчали колотúть вóлка — кто коромыслом, кто ведрóм, чем кто попáло. Волк прыгал, прыгал, оторвáл себé хвост и пустúлся без оглядки бежáть.

ЛИСА И ВОЛК

Лисúчка-сестрúчка, покýшавши рыбки, захотéла попрóбовать не удáстся ли ещё что-нибýдь стянýть.[3] Забралáсь в однý избý, где бáбы пеклú блины, да попáла головóй в кáдку с тéстом, вымазалась и бежúт. А волк ей навстрéчу: — «Так то ты ýчишь меня? Меня всегó исколотúли.» — «Эх, куманёк, — говорúт лисúчка-сестрúчка,

— у тебя́ кровь вы́ступила, а у меня́ мозг: меня́ больне́й твоего́ прибили; я наси́лу плету́сь.»

— «И то пра́вда, говори́т волк, — где тебе́, ку́мушка, идти́; сади́сь на меня́, я тебя́ довезу́.» Лиси́чка се́ла ему́ на́ спину, он и понёс. Вот лиси́чка-сестри́чка сиди́т, да потихо́ньку и говори́т: — «Би́тый неби́того везёт, би́тый неби́того везёт! — «Что ты, ку́мушка, говори́шь?» — «Я, куманёк, говорю́: — Би́тый би́того везёт.» — «Так, ку́мушка, так», — отвеча́ет волк.

II. О ЧЕЛОВЕКЕ И О ЖИВОТНЫХ

МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСА

Посе́ял мужи́к с медве́дем вме́сте ре́пу, и уроди́лась ре́па кру́пная, хоро́шая. Медве́дь сказа́л мужику́: «Твои́ коре́нья, а мои́ верху́шки». Мужи́к всю зи́му ел ре́пу, а медве́дь с го́лоду едва́ не у́мер. На друго́й год медве́дь сказа́л мужику́. «Дава́й се́ять пшени́цу». Пшени́ца уроди́лась до́брая. — «Тепе́рь ты бери́ верху́шки, — сказа́л медве́дь мужику́, — а мои́ коре́нья.» Мужи́к всю зи́му хлеб ел, а медве́дь с го́лоду помира́л.

На тре́тий год мужи́к оди́н па́шет. Медве́дь пришёл к нему́ и говори́т: — «Я тебя́, му́жик, съем за то́, что ты меня́ обма́нываешь». А мужи́к сказа́л ему́: — «Погоди́,[4] па́шню допашу́». Медве́дь лёг под теле́гу, а в ту по́ру[5] бежи́т лиса́ к мужику́ и говори́т: — «Мужи́к, я тебя́ от сме́рти отведу́![6] Что ты мне за э́то дашь?» Мужи́к сказа́л: «Кур мешо́к». — «Хорошо́: я у тебя спрошу́: что у тебя́ под теле́гой лежи́т?» — А медве́дь говори́т мужику́: — «Скажи́, что коло́да.» Лиса говори́т: — «Кабы́ была́ коло́да, она бы на теле́ге была увя́зана.» — Убежа́ла лиса́ прочь, а по́сле опя́ть возвраща́ется и говори́т мужику́: — «Что у тебя́ на теле́ге лежи́т?» — Мужи́к отвеча́ет: — «Колода́». — «А кабы коло́да, в неё топо́р был бы во́ткнут». Медве́дь сказа́л мужику́: — «Воткни́ в меня́ топо́р.» Мужи́к и воткну́л топо́р в медве́дя, отчего́ медве́дь и ко́нчился.[7]

Лиса́ говори́т мужику́: — «Вы́вези же обе́щанный мешо́к кур». На друго́й день вы́ехал мужи́к на па́шню

и привёз мешóк, а в нём две кýрицы и борзýю собáку. Вдруг лисá прибегáет и говорúт мужикý: — «Что, привёз кур?» — «Привёз.» — «Ну, ты пускáй их по однóй, а не всех рáзом». Мужúк вы́пустил однý кýрицу и другýю, а потóм собáку. Собáка за лисóй, лисá от собáки побежáла в нóру. Собáка стоúт у норы́, а лисá самá с собóй говорúт: — «Нóги, что вы дéлали?» — «Мы бежáли.» — «А вы, глáзки? — «Мы глядéли.» — «А вы ýши?» — «Мы слýшали.» — «А ты хвост?» — «Я тебé под нóги мешáлся, чтоб ты упáла». Лисá рассердúлась на хвост и вы́сунула его из норы́: — «На, собáка, ешь хвост!» Собáка ухватúла лисý за хвост, вы́тащила её из норы́ и разорвáла.[7]

---

[1] выбрала подходящее время
[2] не мог
[3] украсть
[4] подожди
[5] в то время
[6] спасу от смерти
[7] издох

СЛОВАРЬ К СКАЗКЕ О ЛИСЕ

Дед, old man
ловúть, to catch
воз — повóзка, cart
лисúчка, little fox
свернýлась, rolled up
воротнúк, collar
калáчиком, in a ball
стáрый хрен, old grumbler (lit.: old horseradish)
смекнýл, realized
кýмушка, my good woman
прóрубь, ice-hole
привалúло, come in crowds
колотúть, to beat
бежáть без оглядки, to run without looking back
кáдка, кадýшка, tub, vat
вы́мазалась, smeared (dirty)
исколотúли, beat (black and blue)

СЛОВАРЬ К СКАЗКЕ «МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА»

рéпа, turnip
пшенúца, wheat
телéга, cart
колóда, log
увязана, tied up, bound
топóр, axe
борзáя собáка, borzoi, greyhound
вóткнут, stuck into
норá, burrow

III. СКАЗКИ МИФИЧЕСКИЕ

МОРОЗКО

В некоем царстве, в тридесятом государстве за тридевять морей жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшая дочь была падчерица старухе, и мачеха не любила её. Она часто бранила падчерицу, рано будила её и всю работу на неё сваливала. Девушка скотину поила, кормила, избу мела и всё убирала ещё до свету.[8] Но мачеха всегда была недовольна и всё на Марфушу ворчала: «Экая ленивица, экая неряха!» Девушка молчала и плакала: она всячески старалась услужить мачехе и её дочерям. Но сёстры, глядя на мать, тоже обижали Марфушу и плакать заставляли. Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вот наши старики стали думу думать: старик — как-бы дочерей пристроить, а старуха — как бы старшую дочь с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику: — «Ну старик! Отдадим Марфушу замуж. Запрягай-ка кобылу в сани, да вези свою дочку в лес, и отдай её за Морозка.» Что делать старику со злой старухой? — Он велел дочери накинуть шубёнку и пустился в дорогу. Долго-ли ехал, скоро-ли приехал — не ведомо.[9] Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Наконец, доехал старик до бору,[10] своротил с дороги, остановился под огромной сосной и велел дочери слезать с саней: — «Сиди здесь и жди жениха, да смотри — принимай ласковее!»

А после заворотил лошадь и уехал. Девушка сидит да дрожит. Мороз трескучий... Вдруг слышит она — Морозко на ёлке потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает да пощёлкивает. Очутился он и на той сосне, под которой девица сидит, и сверху ей говорит: — «Тепло ли тебе, девица?» — «Тепло, тепло, батюшко Морозко!»

Моро́зко стал ни́же спуска́ться, бо́льше потре́скивать и пощёлкивать, и опя́ть спра́шивает де́вицу: — «Тепло́ ли тебе́, де́вица? Тепло́ ли тебе́, кра́сная?»[11] Де́вица чуть дух перево́дит, но ещё говори́т: «Тепло́, Моро́зушко; тепло́, ба́тюшко!» Моро́зко пу́ще[12] затреща́л и сильне́е защёлкал и де́вице сказа́л: «Тепло́ ли тебе́, де́вица? Тепло́ ли тебе́, кра́сная?»

Де́вица окостенева́ла[13] и чуть слы́шно сказа́ла: — «Ой тепло́, голу́бчик Моро́зушко!» Тут Моро́зко сжа́лился, оку́тал де́вицу шу́бами и отогре́л её.

Стару́ха нау́тро говори́т му́жу: «Поезжа́й, ста́рый хрыч,[14] да буди́ молоды́х!» Стари́к запря́г ло́шадь и пое́хал. Подъе́хавши к до́чери он нашёл её живу́ю, на ней шу́ба соболи́ная, фата́ дорога́я и ко́роб[15] с бога́тыми пода́рками. Стари́к сложи́л всё на воз, сел с до́черью и пое́хал домо́й.

Прие́хали домо́й, и де́вица бух[16] в но́ги ма́чехе. Ма́чеха ещё бо́льше озли́лась, и говори́т старику́: «Вези́-ка и мои́х дочере́й к жениху́; он их ещё не так ода́рит!» Не ско́ро де́ло де́лается, ско́ро ска́зка ска́зывается!

Вот по́утру ра́но стару́ха дочере́й свои́х накорми́ла и в путь отпусти́ла. Стари́к тем же путём оста́вил де́вок под сосно́й. На́ши де́вицы сидя́т да посме́иваются: «Что это ма́тушка вы́думала — вдруг обе́их за́муж отдава́ть? Ра́зве в на́шей дере́вне нет хоро́ших ребя́т? — А тут како́й-то чорт прие́дет — и не зна́ешь како́й!» Де́вушки бы́ли в шу́бах, а ста́ло им зя́бко.[17] Вот вдалеке́ Моро́зко на́чал потре́скивать, и с ёлки на ёлку поска́кивать да пощёлкивать. Деви́цам послы́шалось, что кто-то е́дет. — «Чу, Пара́ша, уж е́дет жени́х, да и с колоко́льцем!» — «Поди́ прочь, Ма́шка! Я не слы́шу, меня́ моро́з обдира́ет.» — «Ну, а ещё за́муж собира́ешься!» А Моро́зко всё бли́же да бли́же; наконе́ц, очути́лся на сосне́, над деви́цами, и говори́т: — «Тепло́ ли вам, де́вицы? Тепло́ ли вам, кра́сные? Тепло́-ли, мои́ голу́бушки?» — «Ой, Моро́зко, бо́льно студёно![18] Мы замёрзли, ждём су́женого,[19] а он, ока́янный, сги́нул.» Моро́зко на́чал ни́же спуска́ться, пу́ще потре́скивать и ча́ще пощёлкивать. —«Тепло́ ли вам, де́вицы? Тепло́ ли вам, кра́сные?» —

«Поди́ ты к чо́рту! Разве ты слеп, вишь у нас ру́ки и но́ги отмёрзли».

Моро́зко ещё ни́же спусти́лся, си́льно приуда́рил и ска́зал: — «Тепло́ ли вам, де́вицы?» — «Убира́йся ко всем чертя́м в о́мут; сгинь[20] окая́нный!» — и тут де́вушки окостене́ли.[21] Нау́тро стару́ха говори́т му́жу: «Запряги́, стари́к, са́ни, положи́ оха́пку сенца́ да возьми́ шу́бы потепле́е. Чай,[22] де́вки-то прозя́бли; на дворе́ стра́шный моро́з! Да смотри́ сундуки́ с добро́м[23] не растеря́й, полу́чше увя́зывай.» — Стари́к приезжа́ет за стару́хиными до́чками, а они́ уже́ замёрзшие под сосно́й сидя́т. А Марфу́ша сча́стливо живёт. Присва́тался сосе́д, сыгра́ли сва́дьбу, был пир горо́й. . .[24] И я на сва́дьбе был, мёд-пи́во пил, по уса́м текло́, а в рот не попа́ло.

---

[8] до рассвета
[9] неизвестно
[10] бор — сосновый лес
[11] красавица
[12] больше, сильнее
[13] замерзала
[14] ругательство
[15] сундук
[16] поклонилась до земли
[17] холодно
[18] очень холодно
[19] жениха
[20] исче́зни, пропади́
[21] замерзли
[22] вероятно
[23] с богатством, с имуществом
[24] очень богатая свадьба

СЛОВАРЬ К СКАЗКЕ «МОРОЗКО»

па́дчерица, step-daughter
брани́ла, scolded
ворча́ла, grumbled
ду́му ду́мать, to think about
сбы́ть, to get rid of, to dispose of, to free oneself of (someone)
не ве́домо, unknown
бор, pine forest
дрожа́ть от хо́лода, to tremble, shiver with cold
треску́чий моро́з, hard frost
потре́скивает, crackles
пощёлкивает, clicks
чуть дух перево́дит, she hardly takes a breath
очути́лся, found himself

окостенéла, ossified (stiff)
окýтал, wrapped up
отогрéть, to warm
стáрый хрыч, old grumbler
соболи́ная, of sable
фатá, bridal veil
кóроб, bast-box, trunk
ребя́та, lads, young men
окая́нный, cursed, damned
бóльно студёно, very cold
сги́нул, disappeared
óмут, slough
охáпка (сéна), armful of hay
присвáтался, asked her in marriage, asked for her hand
пир горóй, sumptuous feast

БАБА-ЯГА

Жи́ли себé дед да бáба; дед овдовéл и жени́лся на другóй женé, а от пéрвой жены́ у негó остáлась дéвочка. Злая мáчеха не взлюби́ла, би́ла её и всё дýмала, как бы вóвсе извести́. Раз отец уéхал кудá-то: мáчеха и говори́т пáдчерице: «Поди́ к тётке, моéй сестрé, попроси́ у неё игóлочку и ни́тку, — тебé рубáшку сшить». А э́та тётка былá Бáба-Ягá, костянáяногá. Вот дéвочка не былá глупá, да зашлá прéжде к свóей роднóй тётке — «Здрáвствуй, тётушка!» — «Здрáвствуй, роди́мая. Зачéм пришлá?» — «Мáтушка послáла к своéй сестрé попроси́ть игóлочку и ни́точку — мне рубáшку сшить».

Та её и научáет: «Там тебя́, племя́нушка, бýдет берёзка в глазá стегáть, — ты её лéнточкой перевяжи́. Там ворóта бýдут скрипéть и хлóпать, — ты подлéй под них мáслица. Там тебя́ собáки бýдут рвать, — ты им хлéба брось. Там тебé кот бýдет глазá драть, — ты емý ветчины́ дай.» Пошлá дéвочка, идёт путём-дорóгою и пришлá. Стои́т хáтка, а в ней сиди́т Бáба-Ягá, костянáяногá, и ткёт. — «Здрáвствуй, тётушка!» — «Здрáвствуй, роди́мая!» — Меня́ мáтушка послáла попроси́ть у тебя́ игóлочку и ни́точку — мне рубáшку сшить.» — «Хорошó, сади́сь покýда[25] ткать». Вот дéвочка сéла ткать, а Бáба-Ягá вы́шла и говори́т своéй рабóтнице: «Ступáй истопи́ бáню да вы́мой племя́нницу. Да смотри́ хорошéнько вы́мой: я хочý её съесть».

Дéвочка сиди́т ни живá, ни мертвá и прóсит рабóтницу: «Роди́мая моя́, ты не стóлько дровá поджигáй, скóлько водóй заливáй; решетóм вóду носи́» — и далá ей платóчек.

Ба́ба-Яга́ дожида́ется; подошла́ она́ к окну́ и спра́шивает: — «Ткёшь ли, племя́нушка, ткёшь ли, ми́лая?» — «Тку, тётушка, тку, ми́лая». Ба́ба-Яга́ отошла́, а де́вочка дала́ коту́ ветчины́ и спра́шивает: — «Нельзя́ ли как-нибу́дь уйти́ отсю́да?» — «Вот тебе́ гребешо́к и полоте́нце», — говори́т кот, — возьми́ их и убеги́; за тобо́ю бу́дет гна́ться Ба́ба-Яга́, ты приклони́ у́хо к земле́ и как заслы́шишь, что она́ бли́зко, брось сперва́ полоте́нце, — сде́лается широ́кая, широ́кая река́. Если Ба́ба-Яга́ перейдёт че́рез ре́ку и ста́нет догоня́ть тебя́, ты опя́ть приклони́ у́хо к земле́, и как услы́шишь, что она́ бли́зко, брось гребешо́к, — сде́лается дрему́чий лес; сквозь него́ она́ не проберётся!» Де́вочка взяла́ полоте́нце и гребешо́к и побежа́ла; соба́ки хоте́ли её рвать, — она́ бро́сила им хле́бца и они́ её пропусти́ли. Воро́та хоте́ли захло́пнуться, — она́ подлила́ под них ма́слица, и они́ её пропусти́ли; берёзка хоте́ла ей глаза́ вы́стегать, — она́ её ле́нточкой перевяза́ла, и та её пропусти́ла.

Как уви́дела Ба́ба-Яга́, костяна́я нога́, что де́вочки нет, поскоре́й се́ла она́ в ступу́, толкачо́м погоня́ет, помело́м[26] след замета́ет, и пусти́лась в пого́ню за де́вочкой. Вот де́вочка приклони́ла у́хо к земле́ и слы́шит, что Ба́ба-Яга́ го́нится, и уж бли́зко. Де́вочка бро́сила полоте́нце — сде́лалась река́ така́я широ́кая, широ́кая!

Ба́ба-Яга́ прие́хала к реке́ и от зло́сти зуба́ми заскрипе́ла; вороти́лась домо́й, взяла́ свои́х быко́в и пригна́ла их к реке́, быки́ вы́пили всю ре́ку до́чиста. Ба́ба-Яга́ пусти́лась опя́ть в пого́ню. Де́вочка приклони́ла у́хо к земле́ и слы́шит, что Ба́ба-Яга́ бли́зко; бро́сила гребешо́к; сде́лался лес тако́й дрему́чий да стра́шный! Ба́ба-Яга́ ста́ла его́ грызть, но ско́лько ни стара́лась, — не могла́ прогры́зть и возврати́лась наза́д.

А дед уже прие́хал домо́й и спра́шивает: — «Где же моя́ дочь?» — «Она́ пошла́ к тётушке,» — говори́т ма́чеха. Немно́го погодя́ и де́вочка прибежа́ла домо́й. — «Где ты была́?» — спра́шивает оте́ц. — «Ах, ба́тюшка, — говори́т она́, — так и так: — меня́ ма́тушка посыла́ла к тётке попроси́ть иго́лочку с ни́точкой мне руба́шку

сшить, а тётка — Ба́ба-Яга́ — меня́ съесть хоте́ла». — «Как же ты ушла́, до́чка?» — «Так и так» — расска́зывает де́вочка. Дед, как узна́л всё э́то, рассерди́лся на жену́ и прогна́л её, а сам с до́чкой стал жить-пожива́ть, да добра́ нажива́ть. Тем и ска́зке коне́ц.

[25] пока
[26] помело́ — метла́

СЛОВАРЬ К СКАЗКЕ «БАБА-ЯГА»

овдове́л, became a widower
стега́ть, to whip
рвать (соба́ка рвёт), bite
ткать, to weave
истопи́ть, to heat
ба́ня, bath-house
решето́, sieve
сту́па, mortar
толка́ч, pestle, pounder
помело́, broom
пого́ня, pursuit
злость, malice
заскрипе́ла, began to creak
дрему́чий лес, dense forest
немно́го погодя́, a little later

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жи́ли-бы́ли царь и цари́ца. У них бы́ли сын и дочь; сы́на зва́ли Ива́нушкой, а дочь Алёнушкой. Вот царь с цари́цей по́мерли; оста́лись де́ти одни́ и пошли́ стра́нствовать по бе́лу све́ту. Шли, шли, шли. . . и ви́дят пруд, а о́коло пруда́ пасётся ста́до коро́в. «Я хочу́ пить», говори́т Ива́нушка. — «Не пей, бра́тец, а то бу́дешь телёночком», говори́т Алёнушка. Ива́нушка послу́шался, и пошли́ они́ да́льше.

Шли, шли. . . и ви́дят ре́ку, а о́коло хо́дит табу́н лошаде́й.

«Ах, сестри́ца, мне о́чень хо́чется пить», говори́т Ива́нушка. — «Не пей, бра́тец, а то бу́дешь жеребёночком». Ива́нушка послу́шался, и пошли́ они́ да́льше.

Шли, шли. . . и ви́дят о́зеро, а о́коло него́ ста́до ове́ц. «Ах, сестри́ца, е́сли бы ты зна́ла, как мне хо́чется пить». — «Не пей, бра́тец, а то бу́дешь бара́нчиком». Ива́нушка послу́шался, и пошли́ они́ да́льше.

Шли, шли. . . и ви́дят: пасётся у воды́ ста́до коз. «Ах, сестри́ца, я напью́сь». — «Не пей, бра́тец, а то бу́дешь козлёнком. Ива́нушка не вы́терпел, напи́лся и стал

козлёночком. Алёнушка обвяза́ла его́ шёлковым по́ясом и повела́ с собо́й, а сама́ пла́чет, го́рько пла́чет...

Раз козлёночек забежа́л в сад к одному́ царю́. Лю́ди увида́ли и говоря́т царю́: «У нас в саду́ козлёночек, и де́ржит его́ на по́ясе краса́вица-деви́ца». Царь позва́л Алёнушку к себе́ во дворе́ц и расспроси́л обо всём. Царю́ о́чень понра́вилась Алёнушка, и он жени́лся на ней. Ста́ли царь и молода́я цари́ца жить сча́стливо, в любви́ и согла́сии, а козлёночек гуля́ет по са́ду и ест вме́сте с царём и цари́цей.

Вот пое́хал царь на охо́ту. Тем вре́менем пришла́ злая колду́нья и навела́ на цари́цу не́дуг: сде́лалась Алёнушка худа́я да бле́дная. И цветы́ в ца́рском саду́ ста́ли вя́нуть, дере́вья со́хнуть, трава́ бле́кнуть.

Царь вороти́лся с охо́ты и спра́шивает цари́цу: «Али ты чем нездоро́ва?» — «Хвора́ю, а отчего́ — сама́ не зна́ю», говори́т цари́ца.

На друго́й день царь опя́ть пое́хал на охо́ту. Алёнушка лежи́т больна́я в ца́рской опочива́льне, прихо́дит к ней колду́нья и говори́т: «Я тебя́ вы́лечу. Приходи́ к мо́рю на вече́рней заре́ и пей там во́ду». Цари́ца послу́шалась и в су́мерках пошла́ к мо́рю, а колду́нья схвати́ла её, навяза́ла ей на ше́ю ка́мень и бро́сила в мо́ре. Алёнушка пошла́ на дно; козлёночек прибежа́л и го́рько-го́рько запла́кал. А колду́нья оброти́лась цари́цей и пошла́ во дворе́ц. Царь прие́хал и обра́довался, что цари́ца вы́здоровела. Се́ли они́ обе́дать. а козлёночка нет. «Где же козлёночек?» — спра́шивает царь. — «Не на́до его́, — говори́т колду́нья: я не веле́ла его́ пуска́ть». На друго́й день колду́нья ста́ла упра́шивать царя́: «Прикажи́ заре́зать козлёнка; он мне надое́л». Царю́ жа́лко бы́ло козлёночка, да де́лать не́чего, — он согласи́лся и позво́лил заре́зать козлёнка.

Ви́дит козлёнок: уж на́чалиточи́ть на него́ ножи́ була́тные. Запла́кал козлёночек, побежа́л к мо́рю, стал на берегу́ и жа́лобно закрича́л:

Алёнушка, сестри́ца моя́!
Вы́плыви, вы́плыви на бережо́к.
Огни́ горя́т горю́чие,

Котлы́ кипя́т кипу́чие,
Ножи́ точа́т була́тные,
Хотя́т меня́ заре́зати!

Алёнушка ему́ отвеча́ет со дна́ мо́ря:

Ива́нушка-бра́тец!
Тяжёл ка́мень ко дну́ тя́нет,
Лю́та змея́ се́рдце вы́сосала!

Козлёночек запла́кал и вороти́лся наза́д. Посере́дь дня он про́сится у царя́: «Царь! Пусти́ меня́ на́ море сходи́ть, води́цы испи́ть». Царь пусти́л его́. Козлёночек прибежа́л к мо́рю и опя́ть жа́лобно закрича́л:

Алёнушка, сестри́ца моя́!
Вы́плыви, вы́плыви на бережо́к.
Огни́ горя́т горю́чие,
Котлы́ кипя́т кипу́чие,
Ножи́ точа́т була́тные,
Хотя́т меня́ заре́зати!

Алёнушка ему́ отвеча́ет:

Ива́нушка-бра́тец!
Тяжёл ка́мень ко дну́ тя́нет,
Лю́та змея́ се́рдце вы́сосала!

Козлёночек запла́кал и вороти́лся домо́й. А царь ду́мает: «Что бы это зна́чило? Заче́м козлёночек всё бе́гает на́ море?»

Вот попроси́лся козлёночек в тре́тий раз: «Царь, пусти́ меня́ на́ море сходи́ть, води́цы испи́ть». Царь отпусти́л его́ и сам пошёл за ним сле́дом; прихо́дит к мо́рю и слы́шит — козлёночек вызыва́ет сестри́цу и го́рько-го́рько пла́чет. Вдруг Алёнушка всплыла́ кве́рху и показа́лась над водо́й. Царь ухвати́л её, сорва́л с ше́и ка́мень и вы́тащил Алёнушку на бе́рег, да и спра́шивает: «Как э́то ста́лося?» Она ему́ всё рассказа́ла. Царь обра́довался, что Алёнушка ожила́, а козлёночек так и пры-

гает от ра́дости. В саду́ всё ми́гом зазелене́ло и зацвело́. А колду́нью приказа́л царь казни́ть: разложи́ли на дворе́ костёр и сожгли́ её. По́сле того́ царь с цари́цей и с козлёночком ста́ли жить да пожива́ть, да добра́ нажива́ть. Тут и ска́зке коне́ц.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА

табун лошадей, herd of horses
жеребенок, foal
баранчик, lamb
вянуть, блекнуть, to wither, fade
али (или), or; either . . . or
хворать (болеть), be ill
опочивальня (спальня), bedroom
вечерняя заря, evening-glow, sunset
точить ножи, to sharpen knives
вы́плыть, to come to the surface
вы́плыви! (Imperat.)
лютый, fierce, cruel
вы́сосать, to suck out, exhaust, wear out
отпустить, to let go
что сталося с тобой? (что случилось?), what has become of you?
ожить, to come to life
ми́гом, in a moment, in a flash
добра́ наживать (богате́ть), to become rich, to make a fortune

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В не́коем царстве, в некоем государстве[1] у одного царя было три сына, и все они на во́зрасте. Царь говори́т им: «Де́ти! Сде́лайте себе́ по самостре́лу[2] и стреля́йте: кака́я де́вушка принесёт стрелу́, та и неве́ста». Ста́рший сын вы́стрелил, принесла́ стрелу́ кня́жеская дочь. Сре́дний сын вы́стрелил, стрелу́ принесла́ боя́рская дочь. А мла́дшему Ива́ну-царе́вичу стрелу́ принесла́ в зуба́х лягу́шка, из боло́та. Ста́ршие бра́тья бы́ли ве́селы, а Иван-царевич запла́кал: «Как я ста́ну жить с лягу́шкой? Век прожи́ть — не по́ле перейти́!» Попла́кал, попла́кал, да де́лать не́чего — взял в жёны лягу́шку. Вско́ре захотел царь посмотреть от неве́сток дары́, которая из них лучшая мастерица?

Иван-царевич опять призаду́мался, плачет: «Что может сде́лать лягу́шка? Все ста́нут смея́ться». А лягу́шка по́лзает по́ полу и ква́кает. Когда́ усну́л Иван-царе́вич, лягу́шка вы́шла на у́лицу сбро́сила ко́жу, сде́лалась кра́сной де́вицей и кри́кнула: «Ня́ньки, ма́мки! Сде́лайте царю́ руба́шку». Ня́ньки, ма́мки то́тчас принесли́ руба́шку

са́мой лу́чшей рабо́ты. Она взяла́ её и положи́ла во́зле Ивана-царевича, а сама́ оберну́лась опять лягушкой. Иван-царевич просну́лся, обра́довался и понёс руба́шку к царю. Царь посмотрел и сказал: «Эту рубашку во Христов день надева́ть». Средний сын принёс рубашку, царь сказал: «Только в баню в ней ходи́ть». После взял рубашку от старшего сына и сказал: «В гря́зной избе́ её носи́ть!»

Вот ста́ршие царе́вичи и говоря́т ме́жду собо́й: «Мы напра́сно смея́лись над жено́й Ивана-царевича: она не лягу́шка, а кака́я-нибу́дь чароде́йка».

Царь даёт опя́ть приказа́нье, что́бы жёны сынове́й испекли́ хле́бы.

Лягушка вы́шла на крыльцо́, сбро́сила ко́жу и кри́кнула: «Ня́ньки, ма́мки! Испеки́те сейчас же хле́бы такие, каки́е мой ба́тюшка по пра́здникам ел». Ня́ньки, ма́мки то́тчас принесли́ хле́бы. Она взяла́ са́мый большо́й, положи́ла во́зле Ивана-царе́вича, а сама́ опя́ть сде́лалась лягу́шкой. Иван-царевич просну́лся, взял хлеб и понёс к отцу. Царь в то вре́мя принима́л хле́бы от ста́рших сынове́й. При́нял хлеб от бо́льшего сына, посмотре́л и отосла́л в пова́рню; от среднего принял и туда же послал. По́дал Иван-царевич свой хлеб, отец посмотрел и говори́т: «Вот этот хлеб для Христо́ва дня».[3] После э́того царь устро́ил большо́й пир и захоте́л посмотре́ть своих снох, которая лу́чше пляшет?

Иван-царевич пла́чет, горю́ет: «Куда я с лягу́шкой пое́ду?» Лягушка говорит ему: «Не плачь, Ива́н-царе́вич! Поезжа́й к царю, а я через час бу́ду». Пошла́ она́ в го́рницу[4] сбро́сила ко́жу, оде́лась чу́до как!, и приезжа́ет на пир. Все гости диви́лись:[5] какая красавица! Начали закусывать; царевна огло́жет косточку да и положит её в рукав, выпьет вина — в другой рукав остаток льёт. Ста́ршие сно́хи,[6] ви́дят, что она́ де́лает, и они́ то́же ко́сти кладу́т к себе́ в рука́в, а что пьют — оста́тки льют в рукава́. Ста́ли го́сти пляса́ть. Царевна-лягушка плясала всем на ди́во![7] Махну́ла правой рукой — появи́лись леса́ и во́ды, махну́ла левой — полете́ли ра́зные пти́цы. Други́е сно́хи пошли́ пляса́ть: которая махнёт пра́вой

рукóй, у той кóсти из рукавá полетя́т, да в людéй; котóрая махнёт лéвой — у той водá бры́зжет, тóже в людéй. Царю́ не понрáвилось э́то, и он закричáл стáршим снохáм: «Бýдет! Бýдет!» Пир шёл к концý. Иван-царéвич поéхал домóй наперёд жены́, нашёл кóжу лягýшки и сжёг. Та приезжáет, ви́дит кóжа сожженá, онá и говори́т: Ну, Ивáн-царéвич немнóго ты не потерпéл; твоя́ бы я былá, а тепéрь прощáй! Ищи́ меня́ за три́девять земéль в три́деся́том цáрстве».[8]

Вот год прошёл. Иван-царéвич тоскýет о женé; на другóй год вы́просил у отцá благословéние и пошёл искáть женý. Идёт дóлго вдруг ви́дит избýшку на кýрьих нóжках,[9] к лéсу пéредом, к немý зáдом. Он и говори́т: «Избýшка, избýшка! Стань к лéсу зáдом, а ко мне пéредом». Избýшка на кýрьих нóжках переверну́лась к немý пéредом. Вошёл царéвич в избý; сиди́т старýха и говори́т: «Фу, фу! Рýсским дýхом пáхнет. Куда ты, Иван-царéвич, идёшь?» Он и говори́т ей: «Я идý искáть свою́ женý — Елéну Прекрáсную». — «Онá у меня́ уж давнó не бывáла, — отвечáет старýха, — ступáй к моéй срéдней сестрé, та бóльше знáет». Иван-царевич поутрý отпрáвился в путь, дошёл до другóй избýшки на кýрьих нóжках и говори́т: «Избýшка, избýшка! Стань ко мне пéредом, а к лéсу зáдом». Избýшка переверну́лась. Он вошёл в избý, ви́дит: сиди́т старýха и говори́т: «Фу, фу! Рýсским дýхом пáхнет. Кудá Иван-царéвич идёшь?» — — «Да вот, бáбушка, идý искáть Елéну Прекрáсную». — «Ой, Ивáн-царéвич, — сказáла старýха, — онá уж выхóдит зáмуж за другóго, скóро свáдьба. Живёт онá тепéрь у моéй стáршей сестры́».

Пошёл Иван-царéвич тёмным лéсом; шёл дóлго-дóлго, дошёл до трéтьей старýхи, вошёл в избý, и пред ним яви́лась Елéна Прекрáсная: «Ой, да как же ты дóлго, Иван-царевич, не приходи́л! Я чуть за другóго зáмуж не вы́шла; тот жени́х скóро бýдет здесь. Нам нáдо бежáть». Елена Прекрасная взялá у старýхи ковёр-самолёт, сéли они на ковёр и понесли́сь над землёй, как пти́цы. Жени́х приéхал, и погнáлся за ни́ми: гнáлся, гнáлся, но не догнал. А Иван-царевич с царéвной на коврé вле-

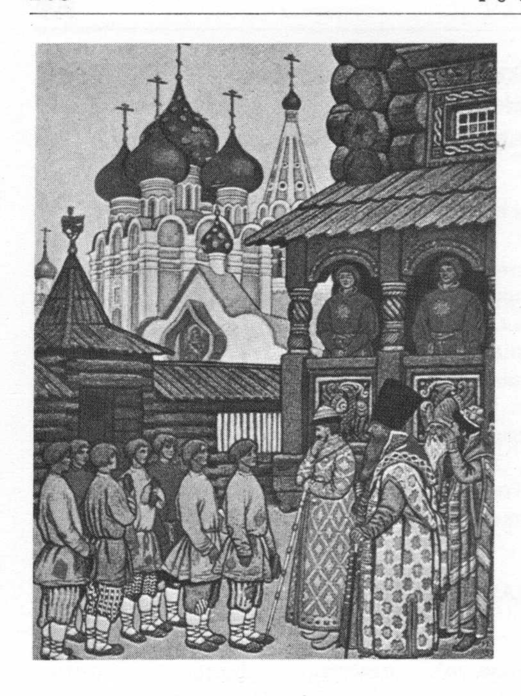
те́ли в Русь и ста́ли жить да быть, да живо́ты нажива́ть[10] на сла́ву всем лю́дям! И я у них был, мёд-пиво пил, по уса́м текло́, а в рот не попа́ло.[11]

---

[1] в каком-то неизвестном государстве — традиционное начало в русских сказках
[2] лук со стрелами
[3] Христов день — праздник Пасхи
[4] горница — большая, парадная комната
[5] любовались, восхищались
[6] сноха́ — жена сына
[7] всем на удивление; т. е. очень хорошо
[8] очень далеко, неизвестно где
[9] жилище Бабы-Яги, колдуньи
[10] богатство наживать
[11] традиционное окончание сказки

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

лягушка, frog
в некоем царстве (в каком-то), in a certain kingdom
самострел, arbalest, crossbow
дар (подарок), gift
призадуматься, to become thoughtful
ма́мка, nurse (wet)
Христов день (праздник Пасхи), Easter
баня, bath-house
напра́сно, in vain
чародейка, sorceress
поварня (кухня), kitchen
сноха́ (жена сына), daughter-in-law
горю́ет, he grieves
горница, chamber
пир, feast, banquet
дивиться, to marvel
оглодать, to gnaw
огло́жет, she will gnaw
плясать, to dance
ди́во, wonder, marvel
махнуть, to wave
брызгать, to splash
брызжет, it splashes
бу́дет!, that's enough, stop
наперёд (прежде), before
сжечь, to burn down
сжег, he burned down
потерпеть, to be patient
прощай!, good-bye! farewell!
за тридевять земель, в тридесятом царстве—очень далеко, at the other end of the world; miles and miles away
ступай! go there!
погнаться, to run after, start in pursuit
животы наживать, to make a fortune



И. И. БИЛИБИН
Сказка
о
семи
Симеонах

IV. СКАЗКИ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ*

СЕМЬ СИМЕОНОВ

В не́коем ца́рстве, в не́котором госуда́рстве, за три́девять земе́ль отсю́да, жил-был мужи́к со стару́хой. Пришёл час: мужи́к Бо́гу ду́шу о́тдал,[27] а стару́ха, погодя́ немно́го[28] родила́ семь близнецо́в, что по прозва́нью семь Симео́нов. Вот они́ расту́т, да расту́т, все оди́н в одного́ и лицо́м, и ста́тью,[29] и ка́ждое у́тро выхо́дят паха́ть зе́млю все се́меро. Случи́лось так, что то́ю стороно́ю е́хал царь. Посыла́ет царь своего́ ко́нюшего узна́ть, что за лю́ди таки́е па́шут, како́го ро́да и зва́ния? Прихо́дит к ним ко́нюший, спра́шивает: «Что вы за лю́ди таки́е есть? Како́го ро́ду и зва́ния?» — Отвеча́ют ему́: — «А мы таки́е лю́ди, что мать родила́ нас семь Симео́нов, а па́шем мы зе́млю отцо́ву и де́дину». И расска́зывает, воротя́сь, ко́нюший царю́ всё, как слы́шал. Удивля́ется царь: — «Тако́го чу́да не слы́хивал я», — говори́т он, и тут же посы-

---

* See footnotes and vocabulary page 209.

ла́ет сказа́ть семи́ Симео́нам, что он ждёт их к себе́ в те́рем[30] на услу́ги и посы́лки.

Собрали́сь все се́меро и прихо́дят в ца́рские пала́ты, стано́вятся в ряд. — «Ну, — говори́т царь, — отвеча́йте: к како́му мастерству́ кто спосо́бен, како́го ремесла́ кто приде́рживается?» Выхо́дит ста́рший: — «Я, — говори́т, — могу́ скова́ть желе́зный столб саже́н в два́дцать вышино́ю». — «А я, — говори́т второ́й, — могу́ подня́ть и упере́ть столб в зе́млю». — «А я, — говори́т тре́тий, — могу́ взлезть на него́ и осмотре́ть круго́м далёко всё, что по бе́лому све́ту твори́тся». — «А я, — говори́т четвёртый, — могу́ сруби́ть кора́бль, что хо́дит по́ морю, как по́ суху.» — «А я, — говори́т пя́тый, — могу́ торговать ра́зными това́рами по чужи́м зе́млям». — «А я, — говори́т шесто́й, — могу́ с кораблём, людьми́ и това́рами нырну́ть в мо́ре, пла́вать под водо́ю, и да́ле[31] вынырнуть опя́ть, где на́до». — «А я — вор, — говори́т седьмо́й, — могу́ укра́сть всё, что пригляди́тся и́ли полю́бится». — «Тако́го ремесла́ я не терплю́ в своём ца́рстве-госуда́рстве, — отвеча́л гне́вно царь седьмо́му Симео́ну, — и даю́ тебе́ три дня сро́ку выбира́ться из мое́й земли́, куда́ тебе́ лю́бо;[32] а всем други́м шестеры́м Симео́нам прика́зываю оста́ться здесь».

Пригорю́нился[33] седьмо́й Симео́н, заслы́шав ре́чи ца́рские: не зна́ет, как ему́ быть и что де́лать. В то вре́мя царю́ была́ по́ сердцу краса́вица-царе́вна, что живёт за моря́ми, за гора́ми... Вот боя́ре и воево́ды ца́рские поду́мали, что вор мо́жет быть суме́ет похи́тить чу́дную царе́вну, и ста́ли они́ проси́ть оста́вить седьмо́го Симео́на до по́ры до вре́мени. Поду́мал царь и приказа́л его́ оста́вить. На друго́й день царь собра́л боя́р и воево́д и весь наро́д, прика́зывает семи́ Симео́нам показа́ть свои́ ремёсла. Ста́рший Симео́н скова́л желе́зный столб в два́дцать са́жен выши́ною. Второ́й Симео́н не до́лго ду́мая, по́днял и упёр столб в зе́млю. Тре́тий Симео́н взлез на э́тот столб, сел на ма́ковку[34] и стал гляде́ть круго́м, дале́че,[35] как и что твори́тся на бе́лом све́те. И ви́дит си́ние моря́, на них корабли́, ви́дит сёла, города́, наро́да тьму;[36] но не ви́дит той чу́дной царе́вны, что полюби́лась царю́. И стал пу́ще гляде́ть и круго́м и вдаль, и вдруг

заприме́тил: у окна́ в далёком те́реме сиди́т краса́вица-царе́вна, румя́на и белоли́ца... «Ви́дишь?» — кричи́т ему́ царь. — «Ви́жу». — «Достава́йте же царе́вну, как са́ми зна́ете!» Собрали́сь все се́меро Симео́нов, сруби́ли[37] кора́бль, нагрузи́ли его́ вся́ким това́ром и все вме́сте поплы́ли мо́рем достава́ть царе́вну по-за си́зыми гора́ми, по-за си́ними моря́ми. Едут, е́дут ме́жду не́бом и землёй, пристаю́т к неве́домому о́строву у при́стани. А Симео́н меньшо́й взял с собо́ю в путь сиби́рского кота́ учёного, что мо́жет по цепи́ ходи́ть, ве́щи подава́ть и вся́кие хи́трые шту́чки выки́дывать. И вы́шел вор Симео́н со свои́м учёным кото́м на о́стров, а бра́тьев про́сит не выходи́ть на зе́млю. Прихо́дит в го́род и на пло́щади пе́ред те́ремом царе́вны забавля́ется с сиби́рским кото́м. На ту по́ру царе́вна сиде́ла у окна́ и зави́дела неве́домого зве́ря, како́го у них нет и не води́лось отродя́сь.[38] То́тчас же посыла́ет прислу́жницу свою́ узна́ть, что за зверь тако́й и прода́жный или нет?

Слу́шает вор Симео́н кра́сную моло́дку,[39] царе́внину прислу́жницу, и говори́т: «Зверь мой — кот сиби́рской; а продава́ть — не прода́ю, а подари́ть царе́вне — подарю́».

Пошёл Симео́н в те́рем царе́внин и принёс ей в дар кота́ своего́ сиби́рского; про́сит то́лько за э́то — пожи́ть в ца́рском те́реме три дня и поку́шать ца́рского хле́ба-со́ли, да ещё прибавля́ет; «Научи́ть тебя́, прекра́сная царе́вна, как забавля́ться с неве́домым зве́рем, с сиби́рским кото́м». Царе́вна позво́лила, и Симео́н оста́лся гостить в ца́рском те́реме. Царе́вна приказа́ла пои́ть и угоща́ть Симео́на вво́лю, что́бы ему́ бы́ло хорошо́. Благодари́т Симео́н за хлеб-соль, за угоще́нье, и на тре́тий день про́сит царе́вну пожа́ловать к нему́ на кора́бль, погляде́ть на ра́зных звере́й не́виданных и неве́домых, что привёз он с собо́й. Царе́вна испроси́лась у ба́тюшки-царя́, и ве́чером с прислу́жницами и ня́ньками пошла́ смотре́ть кора́бль. Как взошла́, — кора́бль и отплы́л, и пошёл гуля́ть по си́нему мо́рю. Царь ждёт — не дождётся царе́вны. Прихо́дят ня́ньки и прислу́жницы, пла́чутся, расска́зывают, како́е го́ре приключи́лось. Царь прика́зывает сейча́с же устро́ить пого́ню. Как уви́дели

семь Симео́нов, что пого́ня уж бли́зко, вот-вот дого́нит, — нырну́ли и с царе́вной и с кораблём. До́лго плы́ли под водо́ю и по́днялись наве́рх тогда́, как бли́зко ста́ло до родно́й земли́.

Приезжа́ют семь Симео́нов с прекра́сною царе́вною в родну́ю страну́. Сам царь поджида́ет у при́стани и встреча́ет госте́й замо́рских — семеры́х Симео́нов с прекра́сною царе́вною, с ра́достью превели́кою. Царь поцелова́л царе́вну в уста́ са́харные, повёл во пала́ты белока́менные, посади́л за столы́ ду́бовые, ска́терти бра́ные,[40] угости́л вся́кими напи́тками медо́выми и я́ствами са́харными, и вско́рости отпра́здновал сва́дьбу с душо́ю-царе́вною, и бы́ло весе́лье и большо́й пир, что на весь крещёный мир! А семи́ Симео́нам дал во́лю по всему́ ца́рству-госуда́рству жить да пожива́ть приво́льно,[41] торгова́ть беспо́шлинно; вся́кими ла́сками обласка́л и домо́й отпусти́л с казно́й на разжи́ву.

Вот и де́лу вене́ц, а ска́зке коне́ц.

---

27 умер
28 вскоре после его смерти
29 фигурой, ростом
30 дворец
31 дальше
32 куда тебе хочется, нравится
33 опечалился
34 верхушка
35 далеко
36 очень много людей
37 построили из дерева
38 никогда
39 красивую молодую женщину
40 вышитые скатерти
41 свободно

«СЕМЬ СИМЕОНОВ»

Три́девять земе́ль, the other end of the world
близнецы́, twins
терем, tower (room)
си́зый, blue-green
я́ства, viands
вене́ц де́лу, all's well that ends well
Бо́гу ду́шу отда́ть (умере́ть), to die

ремесло́, trade, profession
пригорю́ниться, to become sad
са́жень, measure of length (7 feet)
тьма наро́да (очень много), a multitude
отродя́сь, as long as one lives
нырну́ть, to dive
на разжи́ву, to grow rich

V. СКАЗКИ БЫТОВЫЕ*

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Жил-был стари́к со стару́хою: у них бы́ло три сы́на: дво́е у́мных, а тре́тий Ива́нушка-дурачо́к. Умные ове́ц в по́ле пасли́, а дура́к ничего́ не де́лал, всё на пе́чке сиде́л да мух лови́л. Одна́жды нажа́рила мать ржаны́х лепёшек и говори́т дураку́: «на, снеси́ э́ти лепёшки бра́тьям: пусть поедя́т». Наложи́ла по́лный горшо́к и дала́ ему́ в ру́ки. Пошёл он к бра́тьям. День был со́лнечный; то́лько вы́шел Ива́нушка за око́лицу, увида́л свою́ тень сбо́ку и ду́мает: «Что это за челове́к ря́дом со мно́ю идёт? Ни на шаг не отстаёт: ве́рно лепёшек захоте́л!» И на́чал он броса́ть лепёшки одну́ за одно́й, так все и поброса́л — смо́трит, а тень всё сбоку идёт. «Эка ненасы́тная утро́ба!»[42] — сказа́л дурачо́к серди́то и пусти́л в неё горшко́м — разлете́лись черепки́ в ра́зные сто́роны. Вот прихо́дит с пусты́ми рука́ми к бра́тьям; те его́ спра́шивают: «Ты, дура́к, заче́м пришёл?» — «Вам обе́д принёс.» — «Где же обе́д? Дава́й живе́е!» — «Да вишь, бра́тцы, привяза́лся ко мне доро́гою незна́мый[43] челове́к, да всё и пое́л!» — «Како́й-тако́й челове́к?» — «Вот он! И тепе́рь ря́дом сто́ит! Бра́тья ну его́ руга́ть, бить, колоти́ть; отколоти́ли и заста́вили ове́ц пасти́, а са́ми ушли́ на дере́вню обе́дать.

При́нялся дурачо́к пасти́: ви́дит, что о́вцы разбрели́сь по́ полю, дава́й их лови́ть да глаза́ выдира́ть. Собра́л ста́до в одну́ ку́чу и сиди́т радёхонек,[44] сло́вно де́ло сде́лал. Бра́тья пообе́дали, вороти́лись в по́ле: «Что ты, дура́к, натвори́л? Отчего́ ста́до слепо́е?» — «А на что им глаза́? Как ушли́ вы, бра́тцы, о́вцы-то врозь[45] рассы́пались: я и приду́мал: стал их лови́ть, в ку́чу собира́ть, глаза́ выдира́ть; во как умая́лся!»[46] — «Посто́й,

* See footnotes and vocabulary pages 211-212.

еще не так ума́ешься!» — говоря́т бра́тья, и дава́й угоща́ть его́ кулака́ми; поря́дком-таки доста́лось дураку́.

Ни мно́го, ни ма́ло прошло́ вре́мени, посла́ли старики́ Ива́нушку-дура́чка в горо́д к пра́зднику по хозя́йству закупа́ть. Всего́ закупи́л Ива́нушка: и стол купи́л, и ло́жек, и ча́шек, и со́ли и вся́кой я́ствы.[47] Це́лый воз навали́л вся́кой вся́чины. Едет домо́й, а лошадёнка была́ неудала́я: везёт — не везёт!

«А что, — ду́мает Ива́нушка, — ведь у ло́шади четы́ре ноги́, и у стола́ то́же четы́ре: так стол и сам добежи́т!» Взял стол и вы́ставил на доро́гу. Едет-е́дет, бли́зко-ли, далеко́-ли, а во́роны так и вью́тся над ни́м да все ка́ркают. — «Знать воро́нушкам пое́сть-поку́шать охо́та,[48] что так раскрича́лись», — поду́мал дурачо́к; вы́ставил блюда́ с я́ствами на́ земь и на́чал угоща́ть: «Голу́бушки-воро́нушки, ку́шайте на здоро́вье!» Едет Ива́нушка переле́ском; по доро́ге всё пни обгоре́лые. «Эх, — ду́мает, — ребя́та-то без ша́пок! ведь озя́бнут серде́чные!» — Понадева́л на них горшки́ и пое́хал да́льше. Вот дое́хал Ива́нушка до реки́, дава́й ло́шадь пои́ть, а она́ не пьёт. «Знать, без со́ли не хо́чет!» — и ну соли́ть во́ду. Вы́сыпал по́лон мешо́к со́ли, а ло́шадь всё не пьёт. — «Что ж ты не пьёшь? — Разве́ я да́ром мешо́к со́ли вы́сыпал?» — Хвати́л[49] её поле́ном по голове́, и уби́л напова́л. Оста́лся у Ива́нушки оди́н мешо́к с ло́жками; он и понёс мешо́к на себе́. Идёт: ло́жки назади́ так и бря́кают: бряк, бряк, бряк! — А он ду́мает, что ло́жки-то говоря́т: Ива́нушка-дура́к! Он бро́сил их, и ну топта́ть да пригова́ривать: «Вот вам Ива́нушка-дура́к! Ещё взду́мали дразни́ть, него́дные!» Воро́тился домо́й и гово́ри́т бра́тьям: «Всё купи́л, бра́тцы;» Спаси́бо, дура́к, а где же твои́ заку́пки? — «А стол то бежи́т, да знать отста́л, из блюд воро́нушки ку́шают, горшки́ ребя́там в лесу́ на го́ловы понадева́л, со́лью то ре́ку посоли́л, а ло́жки дра́знятся — так я их по доро́ге поброса́л!»

Опя́ть отколоти́ли его́ бра́тья. Да что поде́лаешь с дурако́м? И тут моёй ска́зке коне́ц, а де́лу вене́ц.

---

42 утроба — желудок, внутренности

43 незнакомый

44 очень рад, счастлив

[45] в разные стороны
[46] устал
[47] вкусная еда
[48] хочется
[49] ударил

«ИВАНУШКА-ДУРАЧЕК»

кула́к, fist
вся́кой-вся́чины, all sorts of
неудала́я, unfortunate
голу́бушка, my dear
под но́ги меша́лся, kept hindering your running

VI. САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ*

О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

Список с судного дела слово в слово, как был суд у леща с ершом

«Ры́бам господа́м: вели́кому Осетру́ и Белу́ге, Бе́лой ры́бице, бьём чело́м[1] Росто́вскаго о́зера сынчи́шко боя́рской Лещ с това́рищи. Жа́лоба, господа́, нам на зло́го челове́ка, на Ерша́ Щети́нника. В про́шлых, господа́, года́х бы́ло Росто́вское о́зеро за на́ми; а тот Ёрш, злой челове́к, Щети́нников насле́дник, лиши́л нас Росто́вского о́зера, на́ших ста́рых жиро́в[2]; расплоди́лся тот Ёрш по ре́кам и по озёрам; он собо́ю мал, а щети́ны у него́, как лю́тые рога́тины, и он те́ми о́стрыми свои́ми щети́нами подка́лывает на́ши бока́ и прока́лывает нам рёбра, и суётся по ре́кам, а́ки[3] бе́шеная соба́ка, путь свой потеря́в. А мы, лука́вством жить не уме́ем, а брани́ться и тяга́ться[4] с лихи́ми людьми́[5] не хоти́м, а хоти́м быть оборо́нены ва́ми, пра́ведными су́дьями».

Су́дьи спра́шивали отве́тчика Ерша́: «Ты, Ёрш, истцу́[6] Лещу́ отвеча́ешь ли?» Отве́тчик[7] Ёрш рече́:[8] «Отвеча́ю, господа́, за себя́ и за това́рищей свои́х в том, что то Росто́вское о́зеро бы́ло старина́[9] де́дов на́ших, а и ны́не на́ше, а он, Лещ, жил у нас в сусе́дстве на дне о́зера, а на свет не выха́живал. А я, господа́, Ёрш, не вор, не тать[10] и не разбо́йник; челове́к я до́брой, живу́ я свое́ю си́лою, а не чужо́ю; зна́ют меня́ на Москве́ и в ины́х вели́ких го-

* See foototes and vocabulary pages 215-216.

родáх кня́зи и боя́ре, и дворя́не, жильцы́ москóвские, и вся́ких чинóв лю́ди, и покупáют меня́ дорогóю ценóю, и вáрят меня́ с пéрцем и с шафрáном, и стáвят пред собóю чéстно,[11] и мнóгие дóбрые лю́ди кýшают с похмéлья и кýшавши похваля́ют».

Сýдьи спрáшивали истцá Лещá: «Комý у тебя́ вéдомо[12] про Ростóвское óзеро и о рекáх и о востóках,[13] и на когó шлёшься?»[14] Истéц Лещ речé: «Шлюсь я, госпóдá, из виновáтых[15] на дóбрых людéй рáзных городóв и областéй; есть, господá, человéк дóброй, живёт в немéцкой óбласти под Ивáном-гóродом в рекé Нáрве, по и́мени ры́ба Сиг, да другóй, господá, человéк дóброй, живёт в Новгорóдской óбласти в рекé Вóлхове, по и́мени ры́ба Лодýга». Спрáшивали ответчика Ершá: «Ты, Ёрш, шлёшься ли на таковы́х людéй?» И отвéтчик Ёрш речé: «Слáтися, господá, на таковы́х людéй не могý; Сиг и Лодýга — лю́ди богáтые, а Лещ такóй же человéк заводнóй,[16] шлёмся в послýшество».[17] И сýдьи спрáшивали отвéтчика Ершá: «Почемý у тебя́ таки́е лю́ди недрузья́ и какáя у тебя́ с ни́ми недрýжба?» Отвéтчик Ёрш речé: «Господá мои́ сýдьи! недружбы у нас с ни́ми никакóй не бывáло, а слáтися на них не смéем — для тогó, что Сиг и Лодýга лю́ди вели́кие, а Лещ такóй же человéк заводнóй: они́ хотя́т нас, маломóчных[18] людéй, испродáть[19] напрáсно».[20]

Сýдьи спрáшивали истцá Лещá: «Еще комý у тебя́ вéдомо Ростóвское óзеро, и о рекáх и о востóках, и на когó шлёшься?» Истéц Лещ речé: «Шлюсь я, господá, из виновáтых есть человéк дóброй, живёт в Переслáвском óзере, ры́ба Сельдь».

Сýдьи спрáшивали отвéтчика Ершá: «Ты, Ёрш, шлёшься ли на Лещёвую прáвду?»[21] Отвéтчик же Ёрш речé: «Сиг и Лодýга и Сельдь с плéмяни,[22] а Лещ такóй же человéк заводнóй: — едя́т и пьют вмéсте, про нас не мóлвят».

И сýдьи послáли при́става Окуня и велéли взять с собóю в поняты́х Мня́,[23] приказáли взять в прáвде[24] переслáвскую Сельдь. При́став же Окунь éмлет[25] в понятых Мня, и Мень Окуню при́ставу сули́т посýлы[26] вели́кие и речé: «Господи́не Окуне! аз не гожýся в понятых

быть: брю́хо у меня́ велико́ — ходи́ть не могу́, а глаза́ малы́, далеко́ не ви́жу, а гу́бы толсты́ — пред до́брыми людьми́ говори́ть не уме́ю». При́став же Окунь е́млет в поняты́х Головля́ и Езя́. И Окунь поста́вил в пра́вде пересла́вскую Сельдь. И су́дьи спра́шивали у пересла́вской Се́льди: «Сельдь, скажи́ ты нам про Леща́ и про Ерша́ и про Росто́вское о́зеро». Сельдь же рече́: «Леща́ с това́рищи зна́ю; Лещ челове́к до́брой, живёт свое́ю, а ни чужо́ю си́лою, а Ёрш, господа́, злой челове́к Щети́нник».

Осётр рече́: «Аз, господа́, впрямь скажу́: слы́шал про того́ Ерша́, что сва́рят его в ухе́, а сто́лько не едя́т, ско́лько расплюю́т. Да ещё вам скажу́ о свое́й оби́де: когда́ я шёл из Во́лги-реки́ к Росто́вскому о́зеру, и он меня́ встре́тил на у́стье Росто́вского о́зера и нарече́ мя бра́том, а я лука́вства его́ не ве́дал, и он меня́ вопроси́: «бра́тец Осётр, где иде́ши?» И аз ему́ пове́дал: «иду́ к Росто́вскому о́зеру и к ре́кам жирова́ть».[27] И рече́ ми Ёрш: «бра́тец Осётр, когда́ аз шёл Во́лгою-реко́ю, тогда́ аз был то́лще тебя́ и до́ле,[28] бока́ мои́ тёрли у Во́лги-реки́ берега́, о́чи мои́ бы́ли а́ки по́лная ча́ша, хвост же мой был а́ки большо́й судово́й па́рус; а ны́не, бра́тец Осётр, ви́дишь ты и сам, како́в я стал, ску́ден,[29] иду́ из Росто́вского о́зера». Аз же, господа́, слы́шав тако́е его́ преле́стное[30] сло́во, и не пошёл в Росто́вское о́зеро к река́м жирова́ть; дружи́ну[31] свою́ и дете́й го́лодом помори́л, а сам от него́ в коне́ц поги́нул.[32] Да ещё вам, господа́, скажу́: тот же Ёрш обману́л меня́, Осетра́, ста́рого мужика́, и приведе́ меня́ к не́воду и рече́ ми: «Бра́тец Осётр, пойдём в не́вод; есть там ры́бы мно́го». И я его́ нача́ посыла́ти напре́д. И он, Ёрш, мне рече́: «Бра́тец Осётр, коли́ ме́ньшей брат хо́дит напре́д бо́льшего?» И я на его́, господа́, преле́стное сло́во положи́лся[33] и в не́вод пошёл. А тот Ёрш за не́вод вы́скочил в ече́ю,[34] а сам мне насмеха́лся: «уже́ли ты, бра́тец, в не́воду ры́бы нае́лся!» И как меня поволокли́ вон из воды́, и тот Ёрш нача́ проща́тися: «Бра́тец, бра́тец Осётр! прости́, не помина́й ли́хом!»[35]

Коне́ц су́дного де́ла. Су́дьи слу́шали су́дного де́ла и приговори́ли: Леща́ с това́рищи опра́вить,[36] а Ерша́

обвини́ть. И того́ Ерша́ веле́ли казни́ть торго́вою ка́знию — би́ти кнуто́м и по́сле кнута́ пове́сить в жа́ркие дни про́тив со́лнца за воровство́ и за я́бедничество.[37] А у су́дного де́ла сиде́ли лю́ди до́брые: дьяк[38] был Сом с больши́м усо́м, а спи́сок с су́дного де́ла писа́л Вьюн, а печа́тал Рак свое́й за́днею клешнёю, а у печа́ти сиде́лВанды́ш[39] пересла́вской. Да на того́ же Ерша́ вы́дали пра́вую гра́моту:[40] где его заста́нут в свои́х во́тчинах,[41] тут его́ без суда́ казни́ть.

Рече́т Ёрш су́дьям: «Господа́ су́дьи! суди́ли вы не по пра́вде, суди́ли по мзде,[42] Леща́ с това́рищами опра́вили, а меня́ обвини́ли». Плю́нул Ёрш су́дьям в глаза́ и скочи́л в хво́рост: то́лько того́ Ерша́ и ви́дели.[43]

---

1 низко кланяемся, подаём жалобу в суд
2 богатства, довольства
3 как
4 судиться
5 с плохими, злыми людьми
6 обвинитель, подавший жалобу в суд
7 обвиняемый
8 сказал
9 старинное владение, собственность
10 вор, грабитель
11 с почетом, с уважением
12 известно
13 об истоках
14 на кого ссылаешься, т. е. кто твой свидетель?
15 знающих о деле
16 зажиточный, богатый
17 ссылаемся на свидетелей
18 слабый, бедный
19 разорить, погубить
20 несправедливо
21 на свидетеля
22 родня
23 налим
24 в свидетели
25 берёт
26 обещает взятку
27 жиреть, толстеть, богатеть
28 длиннее
29 бедный, худой
30 обманное

31 жену́
32 погиб
33 поверили
34 в дырку в неводе
35 не вспоминай плохо
36 оправдать
37 за клевету, за обман
38 секретарь
39 снеток
40 судебный приговор
41 владение (имение), полученное по наследству
42 за плату, за взятку
43 больше Ерша не видели, т. е. Ерш исчез

К СКАЗКЕ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

ерш, ruff
осётр, sturgeon
белорыбица (белая рыбица), white salmon
лещ, bream
щети́на, bristle
щети́нистый, bristly, bristling
я́бедник, telltale
отве́тчик, defendant
исте́ц, prosecutor, plaintiff
шафран, saffron
помхме́лье, hangover
с похме́лья, to have a bad head
улича́ть, to convict by evidence
рыба Сиг, (fresh water fish)
о́кунь, perch
при́став, police-officer
суде́бный при́став, bailiff
сельдь, herring
мень (нали́м), burbot, eel-pout
брюхо (colloq.), belly
не́вод, sweep-net
сом, sheat-fish
кара́сь, crucian (carp)
вьюн, loach
рак, lobster
вандыш (снето́к), European smelt sparling
хворост, brush wood

Пословицы, поговорки и загадки*

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ

(от языческих времен)

Из пусто́го дупла́ ли́бо сыч, ли́бо сова, ли́бо сам сатана́.

Го́ры да овра́ги — чо́ртово житьё.

Домово́й те́шится, ле́ший заво́дит, а водяно́й то́пит.

Ви́хорь столбо́м поднима́ется —
чорт с ве́дьмой венча́ется.

Ра́дуга — дуга́, перебе́й дождя́!

Со́лнышко, — вёдрышко,[1] вы́глянь в око́шечко!

Ба́ба-Яга́ — Костяна́я нога́,
В ступе́ лети́т,
Метло́й след замета́ет.

Колду́н о́боротнем поперёк доро́ги ме́чется.

Домово́й[2] за пе́чкой сиди́т
За всем в до́ме гляди́т.

2. ХРИСТИАНСКИЕ

Бог не в си́ле, а в пра́вде.

Вели́к Бог ми́лостью.

Бог дал, Бог и взял.

---

* See footnotes and vocabulary pages 229-230.

Без Бóга ни до порóга.

Все под Бóгом хóдим.

С вéрой нигдé не пропадёшь.

Вéра и гóры с мéста сдвигáет.

Николáй на мóре спасáет.

Однó спасéнье — пост да молéнье.

Жить — Бóгу служи́ть.

Прáвда у Бóга, кри́вда на землé.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ

Погибóша áки óбре.[3]

Незвáный гость хýже татáрина.
(о татарском иге на Руси)

Тут слóвно Мамáй[4] воевáл.
(о татарском нашествии на Московское государство)

Вот тебé, бáбушка, и Юрьев день.
(о закрепощении крестьян)

Сéмеро пойдýт — Сиби́рь возьмýт.
(о Ермаке, 16 век)

На Вóлге жить — ворáми слыть.
(О Степане Разине, 17 век)

Пропáл как швед под Полтáвой.[5]
(о победе Петра I над шведами, 1709 г.)

Голóдный францýз и ворóне рад.
(Поражение французов в России, 1812 г.)

4. ФИЛОСОФСКИЕ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ

Чему́ быть, того́ не минова́ть.

Кому́ сча́стье слу́жит, тот ни о чём не ту́жит.

Де́ньги мо́гут мно́го, а пра́вда всё.

На пра́вду, да на смерть, что на со́лнце:
во все глаза́ не взгля́нешь.

И на со́лнце есть пя́тна.

Не всё то зо́лото, что блести́т.

Ши́ла в мешке́ не утаи́шь.

Не живи́, как хо́чется, а живи́, как мо́жется.[6]

На Бо́га наде́йся, а сам не плоша́й![7]

Сча́стье доро́же бога́тства.

Не роди́сь бога́тым, роди́сь тарова́тым.[8]

От сумы́ да от тюрьмы́ — никто́ не отрека́йся!

Не го́ды ста́рят — го́ре.

И жидка́ слеза́, да едка́.

Нет ху́да без добра́.

Ско́лько дождь ни льёт, ка́мень всхо́дов не даёт.

Жизнь прожи́ть — не по́ле перейти́.

Ти́ше е́дешь — да́льше бу́дешь.

Семь раз отме́рь — оди́н раз отре́жь.

До́брая посло́вица не в бровь, а в глаз.

Де́лом, не сведя́ конца́, не на́добно хвали́ться.

Сей в нена́стье, а убира́й в вёдро.

Цыпля́т по о́сени счита́ют.

От ра́дости ку́дри вью́тся, а от печа́ли секу́тся.

Из пе́сни сло́ва не вы́кинешь.

5. СЕМЕЙНЫЕ

Жени́ться — не ла́поть наде́ть.
В де́вках си́жено — го́ре мы́кано;[9]
за́муж вы́дано — вдво́е при́было.

Оди́н жени́лся — свет увида́л;
друго́й жени́лся — с голово́й пропа́л.

Не на́добен[10] и клад,
коли́[11] у му́жа с жено́й лад.

Умная жена́ как ни́щему сума́.

Лу́чше ка́мень долби́ть,
не́жели злу́ю жену́ учи́ть.

Муж па́шет, а жена́ пля́шет.

Свёкор гроза́, а свекро́вь вы́ест глаза́.

Все в семье́ спят, а неве́стке моло́ть веля́т.

Яблоко от я́блони недалеко́ отка́тывается.

Быва́ет до́брая овца́ и от беспу́тного отца́.

У семи́ ня́нек дитя́ без гла́зу быва́ет.

6. О ЛЮБВИ

Не по хоро́шу мил, а по́ милу хоро́ш.

Полю́бится сова́ лу́чше я́сного сокола́.

Наси́льно мил не бу́дешь.

Су́женого и на коне́ не объе́дешь.

Мне не до́рог твой пода́рок,
Дорога́ твоя́ любовь.[1]

Се́рдце се́рдцу весть подаёт.

Сте́рпится — слю́бится.

7. О ХАРАКТЕРЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Ру́сский челове́к лю́бит аво́сь,
Небо́сь да как-нибу́дь.

Ру́сский терпели́в до зачи́на.
Ру́сский задо́ра[12] ждёт.

Ру́сский челове́к за́дним умо́м кре́пок.

Пьян да умён, два уго́дья[13] в нём.
Всяк молоде́ц на свой образе́ц.
Что на уме́, то и на языке́.

8. О ДОМЕ И ГОСТЕПРИИМСТВЕ

Не красна́ изба́ угла́ми, а красна́ пирога́ми.

Го́стя на ла́вку, а сам под ла́вку.

Го́стя в кра́сный у́гол сажа́й,
пирога́ми угоща́й.

Ищи́ добра́ на стороне́,
а дом люби́ по старине́.

Своя́ ха́тка — ро́дная ма́тка.

В гостя́х хорошо́, а до́ма лу́чше.

Без хозя́ина дом — сирота́.

В родно́м до́ме и сте́ны ко́рмят.

Вся́кий дом хозя́ином де́ржится.

До́брая хозя́йка в дому́,
что я́сный ме́сяц в терему́.

9. О ЛЮБВИ К РОДИНЕ

Велика́ Святору́сская Земля́, а везде́ со́лнышко.

На чужо́й сторо́нушке рад свое́й воро́нушке.

Вся́кому мила́ своя́ сторона́.

Своя́ земля́ и в горсти́ мила́.

За мо́рем теплée, а у нас светлée.

10. О НАУКЕ

Век живи́ — век учи́сь.

Уче́нье — свет, неуче́нье — тьма́.

За гра́мотного двух негра́мотных даю́т,
да и то не беру́т.

Что напи́сано перо́м, того́ не вы́рубишь топоро́м.

Сперва́ аз да бу́ки, а там и нау́ки

11. О ТРУДЕ И ТРУДОЛЮБИИ

Топóр одевáет, топóр обувáет.

Проголодáешься, так хлéба достáть догадáешься.

Терпéние и труд — всё перетрýт.

Кто рáно встаёт, томý Бог подаёт.

Рáно вставáла, да мáло напря́ла.

Конéц венчáет дéло.

Хорóший конéц — дéлу венéц.

Кóнчил дéло — гуля́й смéло!

Лю́бишь катáться — люби́ и сáночки вози́ть.

Хóчешь есть калачи́, так не сиди́ на печи́.

У лени́вой пря́хи и для себя́ нет рубáхи.

Мáлое дéло лýчше большóго бездéлья.

12. О БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ

Вся́ко случи́тся: и богáтый к бéдному постучи́тся.

Не от скýдости[1] скýпость пошлá, а от богáтства.

Без счёта торговáть — сумý надевáть.

Дéньги, что камéнья: тяжéло нá душу ложáтся.

И то бывáет, что и дéньгам не рад

Ни дров, ни лучи́ны — живём без кручи́ны.

---

[1] бедность

Нужда́ ска́чет, нужда́ пля́шет, нужда́ пе́сенки поёт.

Что бедне́е, то щедре́е.

Голь[14] мудрена́, и без у́жина спит.

Запа́сливый лу́чше бога́того.

Не в де́ньгах счастье.

Де́нежки, что го́луби:
Где обживу́тся, там и поведу́тся.

Что мне зо́лото — свети́ло бы со́лнышко.

За мо́рем телу́шка полу́шка,[15] да до́рог перево́з.

Копе́йка рубль бережёт.

13. О ЕДЕ

Щи да ка́ша — пи́ща на́ша.
Хлеб да вода́ — здоро́вая еда́.

Где пиро́г, там и лёг;
Где кисе́ль, там и сел.

Хлеб-соль ешь,
а пра́вду режь.

На чужо́й карава́й рта не разева́й.

Гре́чневая ка́ша сама́ себя́ хва́лит.

Суха́я ло́жка рот дерёт.

Хле́ба-со́ли отку́шайте,
до́брые ре́чи послу́шайте.

За семь вёрст киселя́ хлеба́ть не хо́дят.
Ржано́й хле́бушко — калачу́[16] де́душка.

14. О ЗАКОНАХ

Обы́чай ста́рше зако́на.

В чужо́й монасты́рь со свои́м уста́вом[17] не хо́дят.

Глас наро́да — глас Бо́жий.

Что старе́е, то праве́е.

Что ми́ром[18] поло́жено, тому и быть так.

Зако́н переступи́ть, — во тьму́ поступи́ть.

Коли́ все ми́ром вздохну́т, и до царя́ слу́хи дойду́т.

За Бо́гом моли́тва, а за царём слу́жба не пропада́ют.

Не на́ми установи́лось, не на́ми и переста́вится.[19]

На не́т и суда́ нет.

Дураку́ зако́н не пи́сан.

С волка́ми жить — по-во́лчьи выть.

15. ШУТЛИВЫЕ И САТИРИЧЕСКИЕ

а) «Медве́дя пойма́л!» — Веди́ сюда́!
«Да нейдёт!» — Так сам иди́!
«Да не пуска́ет!»

б) Тит, иди́ молоти́ть! — «Живо́т боли́т.»
Тит, иди́ кисе́ль есть! — «А где моя́ больша́я ло́жка?»

в) Сбил, сколоти́л — вот колесо́;
сел да пое́хал — ах, хорошо́!
Огляну́лся наза́д — одни́ спи́цы лежа́т.

г) Закóн что ды́шло: кудá повернёшь,
туда́ и вы́шло.

д) Из судá, что из прудá: сух не вы́йдешь.

е) Всяк подья́чий лю́бит калáч горя́чий.

ж) Всяк кули́к своё болóто хвáлит.

з) Авóсь да небóсь — хоть вóвсе брось.

и) Москвá слезáм не вéрит.

к) Обéщанного три гóда ждут.

СТАРИННЫЕ ЗАГАДКИ

1. О СИЛАХ ПРИРОДЫ

Конь бежи́т, земля́ дрожи́т.
Из ушéй плáмя вали́т.
(Гром и мóлния)

Крáсный кочетóк (петух)
по жёрдочке бéгает.
(Огонь)

Без крыл лети́т, без ног бежи́т,
без огня́ гори́т, без ран боли́т.
(Вéтер, тýча, сóлнце, сéрдце)

Махнýла пти́ца крылóм —
и покры́ла весь свет одни́м перóм.
(Ночь)

Разóстлан ковёр, рассы́пан горóх,
Ни коврá не подня́ть, ни горóха не собрáть.
(Небо и звёзды)

Сестра́ к бра́ту в го́сти идёт,
а он от сестры́ пря́чется.
(Ночь и день)

Кабы́ вста́ла — до не́ба доста́ла.
(Дорога)

Тур хо́дит по гора́м, тури́ца по дола́м, —
тур сви́стнет, тури́ца ми́гнет.
(Гроза: гром и молния)

Заря́-Зарни́ца, кра́сная деви́ца
По по́лю ходи́ла, слезу́ проли́ла.
Ме́сяц ви́дел — не сказа́л,
Со́лнце уви́дело — подняло́.
(Роса)

Конь бежи́т, земля́ дрожи́т,
из ноздре́й пла́мя вали́т.
(Гром)

2. О НАСЕКОМЫХ И ЖИВОТНЫХ

Сидя́т черни́чки в тёмной темни́чке,
вя́жут вязёночки без иглы́, без ни́точки.
(Пчёлы в улье)

Без рук, без топорёнка, постро́ена избёнка.
(Пчели́ные со́ты)

На потолке́ в уголке́ виси́т си́то,
не рука́ми сви́то. (Пау́к и паути́на)

Ма́ленькая соба́чка сверну́вшись лежи́т,
не ла́ет, не куса́ет, а в дом не пуска́ет.
(Замо́к)

3. О НАУКЕ

Бе́лое по́ле, чёрное се́мя —
Кто его се́ет, тот разуме́ет.
(Гра́мота)

Не руба́шка, а сши́та,
не де́рево, а с листа́ми,
не челове́к, а говори́т.
(Книга)

4. О ЧЕЛОВЕКЕ

Два родны́е бра́та че́рез доро́жку живу́т,
а друг дру́га никогда́ не ви́дят.
(Глаза́)

Вокру́г прору́бки сидя́т бе́лые голу́бки.
(Зу́бы)

У моего́ дя́ди есть брат, но он мне не дя́дя. Кто он?
(Оте́ц)

У меня́ молодца́ четы́ре отца́, пя́тый ба́тюшка.
(Оте́ц, Бог, царь, крёстный, духовни́к)

5. О ВЕЩАХ

Хожу́ на голове́, хотя́ и на нога́х;
хожу́ я босико́м, хотя́ и в сапога́х.
(Гвоздь в подо́шве сапога́)

Четы́ре бра́тца под одно́й шля́пой стоя́т.
(Стол)

Два кольца́, два конца́, посреди́ гво́здик.
(Но́жницы)

Сто один брат, все в оди́н ряд
вме́сте свя́заны стоя́т.
(Плете́нь)

Принялáсь кумá за дéло, завизжáла и запéла.
Ела, éла дуб, дуб, поломáла зуб, зуб.
(Пилá)

По полотня́ной странé, по рекé-простынé,
Плывёт парохóд то назáд, то вперёд.
А за ни́м такáя гладь, что и зы́би не видáть.
(Утю́г)

Пять мáльчиков — пять чулáнчиков,
у кáждого мáльчика — свой чулáнчик.
(Перчáтки)

Три брáта пошли́ купáться, два купáются,
а трéтий на берегу́ валя́ется.
(Коромы́сло)

6. О РАСТЕНИЯХ

Мáленький, удáленький, сквозь зéмлю прошёл,
крáсну шáпочку нашёл.
(Гриб)

Сéмьдесят одёжек и все без застёжек.
(Кочáн капу́сты)

Сиди́т крáсная деви́ца в тёмной темни́це,
Косá на у́лице
(Моркóвь)

---

1 вёдро, вёдрышко — хорошая погода
2 по древнему верованию, дух предка, оберегающий дом
3 погибли бесследно, как авары.
4 Татарский хан в 14-м веке.
5 город на Украине (Полтавский бой в 1709 г.)
6 как можешь
7 не делай ошибок
8 щедрый
9 горевáть
10 нужен
11 если

[12] начало ссоры, драки
[13] два хороших качества
[14] голь — бедность, нищета
[15] полкопейки
[16] калач — белый хлеб круглой формы
[17] правила, закон
[18] общество, народ
[19] отменится, изменится

СЛОВАРЬ К ПОСЛОВИЦАМ, ПОГОВОРКАМ И ЗАГАДКАМ

дупло́, hollow of a tree
сыч, brown owl
домово́й, goblin; hobgoblin
ле́ший, wood-goblin
водяно́й, water-sprite
ве́дьма, witch; old hag
вихрь, whirlwind
о́боротень, werewolf
колду́н, wizard; magician
тужи́ть, to grieve
тарова́тый (щедрый), generous
нена́стье, bad weather
ла́поть, bast sandal
долби́ть, to hollow
беспу́тный, dissipated, dissolute
су́женый, betrothed
аво́сь, may be
небо́сь, one must be; it is most likely
задо́р, tease
уго́дья, good qualities
голь, poor people
нагота́, босота́, nude; barefooted
амба́р, barn
телу́шка, heifer
полу́шка, half (-penny)
уста́вы, the laws
поло́жено, which is put down
подья́чий, clerk (in Old Russia of 17th century)
кули́к, woodcock
тур, auroch (buffalo)
черни́чки (-мона́хини), nuns
вязёночки, mittens
конопля́ная, hemp

АНГЛИЙСКИЕ (АМЕРИКАНСКИЕ) ПОСЛОВИЦЫ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РУССКИМ

Уче́нье — свет, неуче́нье — тьма.
Knowledge is light, ignorance is darkness.

Куй желе́зо, пока́ горячо́.
Strike the iron while it is hot.

Как посте́лешь, так и поспи́шь.
You made your bed; now lie in it.

Нет ды́ма без огня́.
Where there is smoke, there is fire.

Цыпля́т по о́сени счита́ют.
Don't count your chickens before they are hatched.

В ти́хом о́муте че́рти во́дятся.
Still waters run deep.

Взя́вшись за гуж, не говори́, что не дюж.
Finish what you start.

Какау́кнется, так и откли́кнется.
As you sow, so shall you reap.

Лес ру́бят, ще́пки летя́т.
They cut down the forest; the chips fly.

Яблоко от я́блони недалеко́ па́дает.
The apple does not fall far from the tree.

Ни пу́ха, ни пера́! (пожелание на дорогу)
Smooth sailing!

Без копе́йки рубля́ не быва́ет.
If you take care of the pennies the dollars will watch out for themselves.

Ти́ше е́дешь — да́льше бу́дешь.
Slow but sure (The slower you go—the farther you'll get).

Се́меро одного́ не ждут.
Majority does not await a minority.

Вся́кому де́лу своё вре́мя.
A time for everything.

Что посе́ешь, то и пожнёшь.
As you have sown, so shall you reap.

Не по слова́м су́дят, а по дела́м.
Deeds speak louder than words.

Худы́е ве́сти не лежа́т на ме́сте.
Bad news travels fast.

На бе́дного Мака́ра все ши́шки ва́лятся.
An unfortunate man would be drowned in a tea cup.

Пови́нную го́лову и меч не сечёт.
A fault confessed is half redressed.

Проголода́ешься — так хле́ба доста́ть догада́ешься.
If one becomes hungry enough, one finds a way to obtain bread. Necessity is the mother of invention.

Не отве́дав го́ря, не позна́ешь и сча́стья.
Not having tasted grief, thou shalt not know happiness.

Гра́моте учи́ться — всегда́ пригоди́тся.
Literacy is always useful.

В Ту́лу со свои́м самова́ром не е́здят.
Like carrying coals to Newcastle.

Сме́лость города́ берёт.
Fortune favors the brave.

Без уче́нья нет уме́нья.
Practice makes perfect.

В гостя́х хорошо́, а до́ма лу́чше.
There is no place like home.

Рыба́к рыбака́ ви́дит издалека́.
Birds of a feather flock together.

Гре́чневая ка́ша сама́ себя́ хва́лит.
He talks to hear himself talk.

Уби́ть двух за́йцев одни́м вы́стрелом.
Kill two birds with one stone.

Хорошо́ смеётся тот, кто смеётся после́дним.
He laughs best who laughs last.

До́брое нача́ло — полови́на де́ла.
Well begun, half done.

Ум хорошо́, а два лу́чше.
Two heads are better than one.

Что напи́сано перо́м, того́ не вы́рубить топоро́м.
Ideas are for the ages (What is written with a pen cannot be destroyed with an ax). The pen is mightier than the sword.

Терпе́ние и труд всё перетру́т.
Patience and work overcome all difficulties.

Едешь на́ день, бери́ хле́ба на неде́лю.
Plan ahead (If you travel for a day, take bread for a week).

Чем бога́ты, тем и ра́ды.
You are welcome to all we have.

Где то́нко, там и рвётся.
Where it is weakest, there the thread breaks.

Не красна́ изба́ угла́ми, а красна́ пирога́ми.
A fine cage does not fill a bird's belly.

За двумя́ за́йцами пого́нишься — ни одного́ не пойма́ешь.
One must not have too many irons in the fire.

Хлеб-соль ешь, а пра́вду режь.
Tell the truth and shame the devil.

Частушки*

СТАРЫЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ

I. О любви

1. Не люби́, мило́й, бога́ту —
Люби́, па́рень, по душе́;
На што[88] ка́менны пала́ты —
Проживём мы в шалаше́.

2. Вы́йду с го́ря в чи́сто по́ле,
Ся́ду я на бугоро́к;
Погляжу́ я в ту сторо́нку,
Где любе́зная живёт.

3. Уж и што тако́й за ме́сяц:
Когда́ све́тит, когда́ нет;
Уж и што тако́й за ми́лый,
Когда́ лю́бит, когда́ нет.

4. Я спала́, а мне присни́лся
В ба́нке ро́зовый буке́т.
Красота́ в любви́ не ва́жна,
Ва́жен — ла́сковый приве́т.

5. Ты проща́й, не скуча́й:
Мо́жет, ворочу́ся;
А когда́ приду́ домо́й,
На тебе́ женю́ся.

6. Не маши́на траву́ ко́сит,
Ко́сит во́страя коса́:
Не рабо́та па́рня су́шит, —
Су́шит де́вичья краса́.

---

* See footnotes and vocabulary pages 241-242.

7. Ста́вь-ка, ма́ма, самова́р,
Золоты́я ча́шки;
Приведу́ я го́стя к вам
В вы́шитой руба́шке.

8. Ско́ро, ско́ро снег раста́ет,
Ско́ро све́жий нападёт,
Ско́ро, ско́ро мил прибу́дет,
На бесе́дочки[49] пойдёт!

II. О замужестве и о семейной жизни

1. Не ходи́те, де́вки, за́муж,
Не хвали́те ба́бью жизнь:
Плохо́й муж навя́жется,
До́лог век пока́жется

2. Хороша́ я, хороша́,
Да пло́хо оде́та;
Никто́ за́муж не берёт
Со́бственно за это.

III. Юмористические

1. Поплеса́л бы я в прися́дку —
Сапоги́ не гну́тся;
Шарова́ры по пята́м:
Де́вушки смею́тся.

2. У Мишу́тки зо́нтик есть, —
До́ма не́чего пое́сть;
На бело́й груди́ часы́ —
Се́ять не́чем полосы́.

3. А кто хо́дит при цепо́чке,
У того́, зна́чит, нет часо́в;
А кто хо́дит при кало́шах,
У того́, зна́чит, нет сапо́г.

4. Не хвали́сь, миле́ночек, —
Не высо́к твой до́мичек;
Я во до́мике была́ —
На столе́ одна́ вода́.

IV. Плясовые

1. Уж ты — Ма́ша, Машу́тка моя́,
За что ты лю́бишь ты нескла́дного меня́,
Неучёного — негра́мотного,
Бестолко́вого — беспа́мятного?

2. Уж и что ны́нче за го́ды:
Цве́ту мно́го, я́год нет!
Уж и что это за ми́лый:
Ле́том лю́бит, зимо́й нет!
— Рад бы, ду́шечка, люби́ть, —
Зимо́й хо́лодно ходи́ть:
Шу́ба рва́на — без карма́на,
Без подо́швы сапоги́!

3. Я пляса́ть пошла́,
Молодёхонька;
Мой-то ми́ленький игра́ет, —
Я радёхонька.
Пляса́ть пошла́,
Четверта́к нашла́;
Под ного́й кружо́к
Неуже́ль — пятачо́к?

СОВРЕМЕННЫЕ КОЛХОЗНЫЕ ЧАСТУШКИ

О тракторах и трактористах

1. Ой, подру́га дорога́я,
Трактора́ иду́т — гуду́т...
Трактора́ на ме́сто ста́нут,
Трактори́сты к нам приду́т.

2. Я на тра́кторе коси́ла
Позади́ куста́рника.
Трактори́ста полюби́ла
Лу́чшего уда́рника.

3. Ох, подру́га дорога́я,
Хорошо́ в поля́х весно́й;
Вы́шли в по́ле трактора́
Это пра́здник посевно́й.

О МТС

4. Ой маши́на, ой маши́на
Покати́ла пря́мо в лес...
Увезла́ мово́ милого́
Далеко́ на МТС. (эмтеэ́с)[50]

О колхозной работе

1. Мне не на́до, ма́ма, ча́ю,
Ма́ма, ко́фею нале́й,
Я в колхо́зе накопи́ла,
Очень мно́го трудодне́й.

2. Ах, товарищ бригади́р
Гро́мко называ́етесь
Только в по́ле на рабо́те
Редко́ появля́етесь.

3. Ой, подру́га дорога́я
Ко́фту но́вую наде́нь,
Ты не бо́йся, не изно́сишь,
Нас оде́нет трудоде́нь.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮБОВНЫЕ ЧАСТУШКИ

О замужестве

1. Сошью́ пла́тье голубо́е
В ро́зовую кле́тку,
Вы́йду за́муж за геро́я
В э́ту пятиле́тку.

2. Присла́л ми́лый письмецо́,
Я чита́ла у берёз,
Его чёрные черни́ла
Довели́ меня́ до слёз.

3. Ах Серге́й, Сергу́нь, Серёжа,
Ты поко́й мой растрево́жил.
Без бензи́на, без огня́
Зажёг се́рдце у меня́.

ЛЮБОВНЫЕ ЧАСТУШКИ

(старые деревенские)

Все те звёздочки сияют,
А однá погáсла;
Все подрýженьки счастлúвы,
Я однá злосчáстна.

Рубú, рубú, тятенька,
Кудá берёза клóнится;
Вы́дай, вы́дай, тятенька,
Кудá зáмуж хóчется.

Сколь на жнúвушке не стой,
Надó наклоня́ться;
Сколь любéзну ни любú,
Нáдо расставáться.

Прощáй, слободá,
Ширóкая ýлица;
Прощáй моя́ милáя,
Дорогáя — ýмница!

Послéдний лист бумáги трáчу,
В слезáх письмó пишý;
От тебя́, моя́ милáя,
Отвéта нет, не получý!

Берёзонька бéлая,
Стóючи, нагнýлася;
Вздýмал я про мúлую,
Тяжелó вздохнýлося.

На сосновóй лáвочке
Все сидя́т по пáрочке;
У меня́-то пáры нет;
Не глядéл-б на вóльный свет.

ШУТЛИВЫЕ И САТИРИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

I

1. Нéту свéта, нéту свéта,
Нéту электри́чества.
Нет по качéству ребя́т, —
Не нáдо по коли́честву!

2. Есть таки́е боевы́е:
На словáх огóнь, бедá!
А в колхóзе на рабóте
Не уви́дишь никогдá!

3. Чем ты, ми́ленький, горди́шься,
Чем же ты прослáвился?
Бригади́ром не годи́шься,
Кóнюхом не спрáвился.

4. Ми́лый мой сказáл, что он
Без учéния умён.
Посмотрéл на кукурýзу
И сказáл: «Хорóший лён».

5. Мне подрýжки говоря́т,
Что мой ми́лый бюрократ:
Все привéты без отвéта
У негó в столé лежáт.

II

Не тряси́те куст с мали́ной,
Вся мали́на отпадёт;
Береги́, дерéвня, дéвок:
Чужóй пáрень увезёт!

Не мяки́на, не овёс,
Пáрень дéвицу увёз.
Сел на дрóжки, свéсил нóжки,
Сказáл: «Ми́лая, прощáй!»

НОВЫЕ ГАЛАНТНЫЕ ЧАСТУШКИ:

1. Извини́те, дорога́я,
   Что вчера́ я не пришёл;
   То́лько вы́шел на крыле́чко, —
   Си́льный до́ждичек пошёл.

2. Я стоя́ла у воро́т,
   Спроси́л ми́лый: «Како́й год?»
   — Соверше́нные лета́
   И нике́м не занята́.

---

[48] на что, зачем
[49] на вечеринки
[50] МТС (эмтеэс) — машинно-тракторная станция

СТАРЫЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ

OLD VILLAGE DITTIES

часту́шки, ditties (kind of popular verse)
шала́ш, straw, reed hut
буго́р, бугоро́к, hillock
любе́зная (люби́мая), dear, beloved
бесе́да, бесе́дочки (pl.), party
навя́жется (навяза́ться), to thrust, obtrude oneself upon
гну́ться, to bend
шарова́ры по пята́м (очень длинные брюки до пя́ток), long trousers down to the heels
полоса́ земли́, field, patch
нескла́дный, clumsy, awkward
беспа́мятный, absent-minded
бестолко́вый, muddle-headed

СОВРЕМЕННЫЕ КОЛХОЗНЫЕ ЧАСТУШКИ

CONTEMPORARY . . .

уда́рник, "shock worker"
посе́в, посевно́й, sowing, area under grain crops
трудоде́нь, working day, unit of payment in collective farms
куста́рник, bushes
покати́ть, to go fast by vehicle
ко́фта, woman's jacket

ЛЮБОВНЫЕ ЧАСТУШКИ

LOVE DITTIES

тя́тенька, dear father, dad
жни́вушка, жа́тва, reaping, harvest
пла́тье в клётку, checked dress
пятиле́тка, Five-Year Plan (Sov.)

ШУТЛИВЫЕ

ко́нюх, groom
спра́виться, manage, handle one's job well
не годи́ться, of no use
лён, flax
кукуру́за, corn, maize
мяки́на, chaff, husks
шарова́ры, wide trousers
годи́ться, is appropriate for
совершённые лета́, совершенноле́тняя, of age (marriageable)

Народная драма*



Из «Путешествия Олеария в Московию», 1634 год
Русские скоморохи разыгрывают драму

НАЧАТКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ДРАМЫ
ВЕРТЕПНАЯ ДРАМА

Вертепом назывался занесенный в XVI веке из Польши на Украину, а оттуда в Москву, небольшой ящик или домик для кукольного представления. Первоначально в нем показывали Рождество Христово, и сцена представляла вертеп (пещеру), в которой родился Спаситель. Вертеп разделялся на два яруса: верхний ярус предназначался для серьезной драмы, а нижний для интермедий, т. е. для бытовых, комических сценок. За вертепом находился главный актер, который управлял

* See vocabulary page 245.

куклами и говорил за действующих лиц. Вместе с вертепом носили **звезду** (большой фонарь в форме звезды) на высоком шесте.

Главное содержание вертепной драмы составляла смерть царя Ирода; ей предшествовали сцены поклонения пастырей и волхвов младенцу Иисусу, избиение младенцев в Вифлееме и плач Рахили о своих детях.

Сцена I. Рахиль проклинает Ирода; появляется воин и выталкивает ее. Царь Ирод, оставшись один, в раздумьи говорит:

Увы! Какая сила времен, вдруг сделалась переми́на
Думал жить вечно, напротив того приходит
и кончина.
Однакож еще со смертью воевать буду...

Он приказывает воинам стать у порога и не впускать Смерть. Но Смерть, в виде скелета с косою в руках, врывается в покои Ирода и обращается к нему со словами:

«Что ты, Ироде несытый,
Почто сие болтаешь,
Меня убити своим воинам повелеваешь?
Я в помощь призову своего брата
Из пропасти ада».

По вызову Смерти является чорт — черного цвета, с красной грудью, с хвостом, рогами и черными крыльями. Чорт приказывает Смерти поднять косу и убить Ирода:

Секи́ ему главу́,
Чтоб знали повсюду нашу державу́!

Хор провожает душу Ирода в ад с пожеланием, чтобы она там вечно пребывала:

«Дерзай: от смерти
Посечён косою
Да идёт во ад
И живет с тобою,
И будет там
Всегда пребывати...

Затем чорт подходит к убитому Ироду, обнимает его и говорит:

Друг мой верный, друг прелюбезный!
Долго ждал я тебя в глубочайшей бездне.

В заключение, хор поет нравоучительные стихи:

Не ве́дал же он,
Что всё истреби́тся,
И ца́рство его в коне́ц разори́тся.
Вина́ его́
Ведо́ма всем и я́вна,
За то ж и а́дская
Бе́здна изготова́на,
О, Ироде прокля́тый!

После драмы показывается интермедия, состоящая из комических народных сценок, пения и плясок. Пляшут «дед и баба» под пение украинской песни; затем появляется солдат-великоросс, за ним цыган верхом на кляче, и др. народные персонажи.

Вертепная драма

я́рус, circle, tier
па́стырь, shepherd
волхвы́, Magi (Bible)
избие́ние, massacre
проклина́ть, to curse
разду́мье, thoughtful mood, hesitation
переми́на (переме́на), change
кончи́на, death
коса́, scythe
несы́тый (ненасы́тный), insatiable, greedy
про́пасть, precipice, abyss
держа́ва, power
дерза́й, dare
бе́здна, precipice, abyss
истреби́ться, destroyed, exterminated
разори́ться, be ruined, ravaged
кля́ча, jade (horse)

НАРОДНАЯ КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ*

ПЕТРУШКА

Представления кукольной комедии «Петрушка» начались в России в XVII столетии, и всегда пользовались большим успехом у русского народа.

Олеа́рий — иностранный путешественник, посетивший Россию в 30-х годах 17-го столетия, видел «Петрушку» под Москвой и в своей книге о «Московии» описал это представление следующим образом:

Комедиант надевал короткую тунику, в подол которой был продет обруч; он подымал обруч кверху и его голова оказывалась как будто в вазе. Из-за краев этой вазы, служившей ширмой, он показывал кукол, разыгрывавших действие. Сам он говорил за кукол разными голосами. Вся пьеса была наполнена комическими эпизодами, драками, плясками, народной музыкой и песнями.

Петрушка был деревянной куклой с смешным уродливым лицом, с очень длинным носом; в руках он держал дубинку, которой колотил других актеров (кукол). Говорил он на грубом жаргоне, гнусавым голосом. Содержание пьесы являлось народным творчеством и могло изменяться в зависимости от импровизации главного комедианта.

Вот вкратце содержание одного из вариантов комедии:

Шарманка сипло наигрывает народную песню; из-за ширмы слышатся то крики, то кряхтенье, то подпевание Петрушки. Наконец, он показывается сам и кричит, обращаясь к публике: «Здравствуйте, господа!»

Затем он начинает разговор с музыкантом, просит его сыграть плясовую, и пляшет сначала один, а потом с женой, которую называет то «Маланьей Пелагевной», то «Пигасьей Николавной». В средине танца он хлопает жену дубиной и прогоняет ее.

Приходит цыган и продает лошадь. Петрушка с

* See vocabulary page 248.

комическими жестами осматривает лошадь, тащит ее за хвост, за уши, садится на нее, скачет верхом и поет:

Как по Питерской,
По Тверской-Ямской,
С колокольчиком...

Лошадь брыка́ется, сбрасывает Петрушку, и он падает, громко стукая деревянным лицом о край ширмы, о́хает, стонет и зовет доктора.

Приходит «доктор-лекарь из-под Каменного моста апте́карь» и представляет самого себя зрителям, говоря, что он «был в Италии, был и да́лее». Затем он спрашивает у Петрушки: «что у тебя болит?»

«Какой же ты доктор, — кричит Петрушка, — коли спрашиваешь, что болит и где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит».

Доктор ищет больного места, тыкает Петрушку пальцем и спрашивает: «Тут? Тут?», а Петрушка все время кричит: «Повыше! Пониже! Крошечку повыше!» — и вдруг начинает колотить доктора дубинкой. Доктор скрывается. Затем появляется клоун-немец. Петрушка его убивает и бросает на край ширмы. Музыкант говорит Петрушке; «Что вы наделали, Петр Иванович? Сейчас полиция придет». Петрушка сначала храбрится и говорит весело: «Немец притворился мертвым», а затем начинает беспокоиться и старается спрятаться от полиции, и, наконец садится, пригорюнившись, и поет жалобную песню:

Пропала моя головушка,
Пропала моя бедная...

Из-за ширмы показывается полицейский и берет Петрушку в солдаты. Петрушка уверяет, что он горбат. Полицейский спрашивает: «Где ж у тебя горб?» — Петрушка отвечает: «Потерял на улице».

Затем следует комическая сцена воинского обучения Петрушки. Делая ружейные приемы своей дубинкой, Петрушка ударяет ею полицейского. Тот кричит на

Петрушку, а Петрушка насмехается над ним и выталкивает его со сцены. Но в это время вбегает злая, рычащая собака. Она хватает Петрушку за длинный нос и тащит за ширмы. Петрушка отчаянно кричит: «Моя табакерка! Моя табакерка!», намекая, что носом он нюхает табак. С свирепым лаем и рычаньем, собака волочит Петрушку через всю сцену, и он, под общий хохот зрителей, скрывается за ширмами.

Шарманщик опять начинает вертеть шарманку и наигрывать русскую песню.

Кукольные представления «Петрушки» обычно происходили на торговых площадях и на ярмарках, где всегда собиралось много народу.

Эта народная комедия послужила сюжетом для музыкального произведения современного композитора Игоря Стравинского — «Петрушка».

ПЕТРУШКА

о́бруч, hoop
ши́рма, screen
дуби́нка, club
гнуса́вый го́лос, snuffing voice
шарма́нка, street-organ
си́пло, hoarsely
кряхте́ние, groan, murmur
хло́пать (ударя́ть), to clap, slap
брыка́ться, to kick
кро́шечку, a bit, a little
колоти́ть, to knock, beat
храбри́ться, to affect bravery
притвори́ться, to pretend, feign
пригорю́ниться, to grieve
пропа́сть (пропа́ла), to be lost
табаке́рка, snuff-box
намека́ть, to hint
свире́пый, ferocious, furious

НАРОДНАЯ ДРАМА XVIII ВЕКА*
«ЛОДКА»

Действующие лица

Атаман — грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и саблей, с пистолетами за поясом; поддёвка и шляпа богато украшены золотой бумагой.

Эсаул — одет почти так же, как и атаман; украшения из серебряной бумаги.

Разбойники — одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки, за поясом оружие.

---

*See footnotes and vocabulary pages 254-255.

Неизвестный — (он же Безобразов) — одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и кинжалом за поясом.

Богатый помещик — пожилой, иногда седой, в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на реке Волге, на лодке; последняя сцена на берегу, в доме Богатого Помещика.

Все участвующие в представлении входят в избу с пением песни:

Ты дозво́ль, дозво́ль, хозя́ин,
В но́ву го́ренку войти́!
Припев: Ой кали́на! Ой мали́на!
Чёрная сморо́дина! (дважды)
В но́ву го́ренку войти́,
Вдоль по го́ренке пройти́,
Сло́во вы́молвити.

Эсаул выступает вперед и обращается к хозяину:

«Не уго́дно ли вам, хозя́ин, представле́нье посмотре́ть?»

Хозяин отвечает: «Ми́лости про́сим!» или «Добро́ жа́ловать!» Тогда все участники представления выходят на средину избы и образуют круг, в средине которого становятся Атаман и Эсаул.

Сцена I

Атаман (топает ногой и кричит грозно): Эсаул!

Эсаул (точно так же топает ногой и кричит в ответ): Атаман!

Атаман: Подходи́ ко мне скоре́й,
Говори́ со мной смеле́й!
Не подойдёшь ско́ро,
Не вы́говоришь сме́ло —
Велю́ тебе́ вкати́ть сто,
Пропадёт твоя́ эсау́льская
Слу́жба ни за что́!

Эсаул: Вот я пе́ред тобо́й
Как лист пе́ред траво́й!
Что прика́жешь, Атама́н?

Атаман: Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.
хватывает):

Эсаул: Слушаю, Атаман! (Запевает песню, хор под-

Ах вы, го́ры мои́, го́ры...
Го́ры Воробьёвския!
Ничего́-то вы, ах да го́ры,
Не споро́ди́ли.
Споро́ди́ли вы то́лько, го́ры,
Бел горю́ч ка́мень!
Из-под ка́мешка бежи́т
Бы́стра ре́ченька....

Атаман, по окончании песни, топает ногой и кричит: Эсаул, подходи ко мне скорей!

Эсаул: Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман:

Бу́дет нам здесь болта́ться,
Пое́дем вниз по ма́тушке по Во́лге разгуля́ться.
Мигомента́льно[1] состро́й мне ло́дку!

Эсаул:

Гото́ва Атама́н!
Гребцы́ по места́м!
Вёсла по борта́м!
Всё в по́лной испра́вности.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (как бы лодку), в котором расхаживает Атаман и Эсаул.

Атаман (обращаясь к Эсаулу): Молодец! Скоро все сделал! (Обращаясь к гребцам); Молись, ребята, Богу! Отваливай!

Гребцы снимают шапки и крестятся; затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукою об руку (изображается гребля и плеск волн).

Атаман: Эсаул! Спой любимую мою песню!
Эсаул вместе с разбойниками поет:

Вниз по ма́тушке по Во́лге
По широ́кому раздо́лью...
Разгуля́лась непого́душка...
Ничего́ в волна́х не ви́дно,
То́лько ло́дочка черне́ет...

Атаман (перебивая песню): Эсау́л!
Возьми́ подозри́тельную тру́бку,[2]
Поди́ на атама́нскую ру́бку,
Смотри́ во все сто́роны:
Нет ли где пе́ньев,[3] коре́ньев, ме́лких мест?
Чтобы нашей лодке на мель не сесть.

Эсаул берет картонную трубку и осматривает кругом.

Атаман кричит: Зри верней! Сказывай скорей!

В это время издали слышно пение:

Среди́ лесо́в дрему́чих
Разбо́йнички иду́т...

Атаман (сердито топает и кричит):
Кто это в мои́х запове́дных леса́х гуля́ет
И так гро́мко пе́сни распева́ет?
Взять и привести́ сюда́ неме́дленно.

Эсаул выскакивает из лодки и сейчас же возвращается:
Де́рзкий пришле́ц в ва́ших запове́дных леса́х гуля́ет
И де́рзкие пе́сни распева́ет.
А взять его нельзя́,
Грози́тся уби́ть из ружья́!

Атаман:
Ско́лько хошь[4] казако́в возьми́,
А де́рзкого пришельца приведи́!

Эсаул берет несколько человек и вместе с ними выскакивает из лодки.

Сцена II

Эсаул и разбойники возвращаются и приводят связанного незнакомца.

Атаман (грозно): Кто ты есть такóв?

Незнакомец: Фельдфéбель Иван Пятакóв!

Атаман:

Как ты смéешь в моúх лесáх гулять
И дéрзкие пéсни распевáть?

Незнакомец:

Я знать никогó не знáю;
Где хочý, там и гуляю
И дéрзкие пéсни распевáю!

Атаман: Расскажú нам, чьегó ты рóду-плéмени?

Незнакомец:

Рóду-плéмени своегó я не знáю,
А по вóле недáвно гуляю.
Нас бы́ло двóе: брат и я,
Вскормúла, вспоúла чужáя семья́.
Наскýчила нам гóрькая дóля,
Захотéлось погулять на вóле,
Взяли мы с брáтом вóстрый[5] нож
И пустúлись на прóмысел опáсный:
Взойдёт ли мéсяц средь небéс,
Мы из подпóлья — в тёмный лес,
Притаúмся и сидúм,
И на дорóгу всё глядúм...
Кто не éдет по дорóге —
Всех бьём,
Все себé берём!
Но не дóлго мóлодцы гулялu;
Нас скóро поймáли,
И с брáтом вмéсте сковáли,
И стрáжи отвелú в острóг.
Я там жил, а брат не мог
Брат скоро пóмер, я его зары́л,
А часовóго убúл.
Сам побежáл в дремýчий лес,

Под покро́в небе́с;
По ча́щам и трущо́бам скита́лся,
И к вам попа́лся.
Ежели хо́чешь, бу́ду служи́ть вам,
Никому́ спуску́ не дам![6]

Атаман (обращаясь к Эсаулу): Запиши его! Это будет у нас первый воин.

Эсаул: Слушаю, могучий Атаман! (обращаясь к незнакомцу): Как тебя зовут?

Незнакомец: Пиши — Безобра́зов.

Атаман снова приказывает Эсаулу взять подзорную трубку и посмотреть, нет ли какой-нибудь опасности.

Эсаул (посмотрев в трубку): Вижу на берегу́ большо́е село́!

Атаман: Вот давно бы так, а то у нас давно́ брю́хо подвело́,[7] (Обращаясь к гребцам) Привора́чивай, ребя́та!

Лодка пристает к берегу. Атаман приказывает Эсаулу узнать, кто в этом селе живет!

Эсаул кричит, обращаясь к зрителям. Эй, полупочте́нные, кто в этом селе живёт?

Кто-нибудь из зрителей отвечает: Богатый Помещик!

Атаман посылает Эсаула к Богатому Помещику узнать: Рад ли он нам — дорогим гостям?

Сцена III

Эсаул выходит из лодки и, подойдя к одному из участников представления, спрашивает: Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик: Богатый Помещик.

Эсаул: Тебя то нам и надо! Рад ли ты нам — дорогим гостям?

Помещик: Рад!

Эсаул: А как рад?

Помещик: Как чертя́м!

Эсаул (грозно): Ка-ак? Повтори́!

Помещик (дрожащим голосом): Как ми́лым друзья́м!

Эсаул: Ну, то-то же!

Эсаул возвращается в лодку и докладывает обо всем Атаману. Атаман велит разбойникам идти в гости к Богатому Помещику. Разбойники поднимаются и несколько раз обходят вокруг по избе с пением залихватской песни:

Эй усы! Вот усы! Атаманские усы!

Потом разбойники подходят к Богатому Помещику и Атаман спрашивает: Деньги есть?

Помещик: Нет!

Атаман: Врёшь, есть!

Помещик: Тебе говорю — нет!

Атаман (обращаясь к разбойникам) кричит: Эй, молодцы́! Жги, пали́ Бога́того Поме́щика!

Начинается общая драка и представление на этом кончается.

(Эта драма отражает события времен Степана Рази́на)

---

[1] в один миг, в один момент

[2] подзорную трубу

[3] пней (от существ. «пень»)

[4] хочешь

[5] острый

[6] со всеми буду биться за вас

[7] «брюхо подвело» — просторечие: мы голодны, пустой желудок

ЛОДКА

поддёвка, man's long-waisted coat
котелóк, derby hat
чубýк, chibouk (tobacco pipe)
гóренка (гóрница), room, chamber
представлéние, performance
вкатúть сто — дать сто удáров плéтью, to whip
рýбка (на сýдне), deckhouse, deck-cabin
зри! (смотрú!), look
дéрзкий, impudent, daring
пришлéц, stranger, new-comer
заповéдный лес, forest reserve
фельдфéбель, master sergeant
прóмысел, trade, work (here: robbery)
подпóлье, underground
острóг, jail
часовóй, sentry, sentinel
чáща, depth of the forest
трущóба, thicket (forest)
скитáться, to wander, stray
приворáчивай, pull in to the shore!
почтéнный, respectable
залихвáтский (colloq.), devil-may-care
залихвáтская пéсня, rollicking song

Казачий фольклор*



В. И. СУРИКОВ
Покорение Сибири Ермаком

КАЗАЧЬИ ПЕСНИ

ПОЕХАЛ КАЗАК НА ЧУЖБИНУ ДАЛЕЧЕ

Пое́хал каза́к на чужби́ну дале́че[1]
На до́бром коне́ вороно́м.
Свою́ он край́ну[2] наве́ки поки́нул,
Ему́ не верну́ться в оте́ческий дом.
Напра́сно каза́чка его́ молода́я
Утро и ве́чер на се́вер гляди́т,
Ждёт, поджида́ет с восто́чного кра́я,
Когда́ её ми́лый каза́к прилети́т.
Каза́к помира́л, проси́л и моли́л,

---

* See footnotes page 259 and vocabulary page 270.

Чтоб вы́рыть моги́лу, насы́пать курга́н,[3]
Посади́ть на курга́не кали́ну родну́ю
И цвести́ она́ бу́дет в лазу́рных[4] цвета́х.
Во той во кали́не залётная пта́шка
Поро́й прощебе́чет про жизнь казака́.
Как жил и служи́л каза́к на чужби́не,
Терпе́л каза́к хо́лод и го́лод, нужду́.
Лежи́т он тепе́рь во глубо́кой моги́ле,
Каза́чка льёт слёзы в родно́й стороне́.

ПОЛНО, ПОЛНО НАМ, БРАТЦЫ, ЖУРИТЬСЯ

По́лно, по́лно нам, бра́тцы, жури́ться,[5]
Переста́нем го́ре горева́ть.
Как мы ста́нем, бра́тцы, весели́ться,
Удалы́е пе́сни запева́ть.
Запоём мы пе́сни про похо́ды, про было́е,
Про каза́чие житьё,
Как мы жи́ли, мы служи́ли за Куба́нью, за реко́й.
За Куба́нью[6] мы стоя́ли,
Команди́р к нам приезжа́л.
Командир к нам приезжа́л
И «здоро́во» нам сказа́л:
— Вам «здоро́во», мои́ бра́тцы,
Все донцы́[7] вы — молодцы́.
Удальцы́ вы — храбрецы́.

АЙ МЫ НА КОНЕЙ ПОСАДИЛИСЬ

Ай мы на коней посади́лись,
С Ти́хим До́ном распрости́лись.
Бра́во-лю́ли, бра́во-лю́ли[8]
С Ти́хим До́ном распрости́лись.
— Проща́й Дон-Доне́ц[9]
И роди́мый мой оте́ц! —
Бра́во-лю́ли, бра́во-лю́ли,
И роди́мый мой оте́ц.

Ай бежа́л я туда́,
Где полк наш собира́лся,

Бра́во-лю́ли, бра́во-лю́ли,
Где по́лк наш собира́лся,
Команди́ра дожида́лся.
Команди́р к нам приезжа́л,
Нам «Здоро́во!» всем сказа́л.
Бра́во-лю́ли, бра́во-лю́ли,
Нам «Здоро́во!» всем сказа́л.
Всем «Здоро́во!» вам, донцы́,
Ай-Черка́сцы[10] молодцы́!
Бра́во-лю́ли, бра́во-лю́ли,
Ай-Черка́сцы молодцы́!
Ай каки́е ж молодцы́:
Бро́ви чёрны, ли́ца бе́лы,
Очи о́стрые, как стре́лы.
Бра́во-лю́ли, бра́во-лю́ли,
Очи́ о́стрые, как стре́лы!

---

1 в далекую чужую страну
2 свой край, родину
3 высокий могильный холм
4 голубых
5 печалиться, горевать, полно журиться — довольно горевать т. е. не будем горевать!
6 Кубань — река на Северном Кавказе
7 донские казаки
8 браво-люли, бодрый песенный припев
9 Донец — приток Дона
10 Черкасцы — казаки из станицы Черкасской, близ устья Дона.

ПЕСНЯ ПРО ЕРМАКА

На ре́чке на Камы́шенке,
Поблизу́-то До́ну Ти́хого,
Удало́й каза́к Тимофе́ев Ерма́к*
Снаряжа́лся он в похо́д да́льний,
В похо́д да́льний, в край незна́емый.
Собира́лись казаки́, ду́му ду́мали:

---

* Казак Ермак Тимофеев покорил татарское Сибирское царство хана Кучума и присоединил Сибирь к Русскому государству (1582 г.), при царе Иване IV Грозном.

«Ну кто ж ата́маном бу́дет у на́с?
— Атама́ном то бу́дет Ерма́к,
Не глупо́й, ведь, он стари́к:
Казако́в-храбреко́в он созыва́ет,
На Сиби́рь нас отряжа́ет;
Как в Сиби́рь мы придём, там тата́р разобьём
И тата́рского ха́на в поло́н возьмём,
А Ермаку́ сла́ву споём.

ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Как с вечеру́ наш атама́н —
Удало́й Ра́зин Степа́н —
Ти́хий Дон переплыва́л,
А с зарёй наш атама́н
Ко Азо́ву подплыва́л
Да по мо́рюшку гуля́л.
Он по мо́рюшку гуля́л
Корабли́ туре́цки воева́л.

О гибели Степана Разина

Сму́тно ста́ло на Дону́ у нас,
Помути́лся сла́вный Дон Ива́нович
Со верхо́в свои́х до си́ня мо́ря,
Как до си́ня мо́ря Азо́вскова;
Затужи́л весь Каза́чий круг;
Затужи́л-запеча́лился:
Атама́на бо́льше нет у нас,
Нет Степа́на Тимофе́евича,
По прозва́нию Сте́ньки Ра́зина.*

---

* Cossack rebel, Stepan Razin was executed in 1676.

ПЕСНИ ДЕВУШЕК-КАЗАЧЕК

УЖ ТЫ САД, ТЫ МОЙ САД...

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелененький мой
Што не до́лго цветёшь,
Осыпа́ешься?
Што не до́лго цветёшь,
Осыпа́ешься?
Сколь дале́че ми́лый мой,
Собира́ешься?
Как со все́ми людьми́
Ты проща́ешься
А со мно́ю, моло́дою,
Разлуча́ешься.
— Ты прости́, да проща́й
Раскраса́вица.
Красота́ мне твоя́
Очень нра́вится.
Красота́ мне твоя́
Очень нра́вится,
А любо́вь моя́ с тобо́й
Разлуча́ется.
Все донцы́ в похо́д
Отправля́ются.

ЗЕМЛЯНИКА-ЯГОДКА

Земляни́ка-я́годка, наливна́я ви́шенка
Во по́люшке родила́сь, на со́лнышке гре́лася.
Ру́су ко́су чеса́ла,
Гребешо́чек слома́ла,
К себе́ ми́лого ждала́.
Ох, каза́к ты удало́й,
Раскраса́вчик дорого́й,
Зачем хо́дишь ко друго́й?
— Выхваля́ешься ты мной,
Мое́й ру́сою косо́й.
Моя́ ру́сая коса́ всему́ ху́тору краса́,
Всем вое́нным сухота́, а мне де́вке — честь-хвала́.

ВО ЛУЗЬЯ

Во лузья́, во лузья́,
Пойду́ во лузь, зелёные лузья́.
Выроста́ла трава́ шелко́вая,
Шелко́вая, муро́вая, зелёная
Уж я в той траве́ вы́кормлю коня́,
Уж я вы́кормлю, вы́хожу его́.
Поведу́ я коня́ к ба́тюшке
Поведу́ я коня́ к ро́дному.
— Госуда́рь ты мой, ба́тюшка,
Госуда́рыня-ма́тушка,
Ты прими́ слова́ ла́сковыя
Полюби́ слова́ приве́тливыя:
Не дава́й меня́ за́муж за ста́рого,
А отда́й меня́ за ро́внюшку
За молодо́го казака́, за Сёмушку.

Уж я ста́рого насме́рть не люблю́,
Уж я ро́внюшку всей душо́й полюблю́,
Уж за ро́внюшку я за́муж пойду́.

ПЕСНИ КАЗАКОВ НЕКРАСОВЦЕВ*

ПЕСНЯ ПРО ИГНАТА НЕКРАСОВА

Не я́сна заря́ занима́лася
Не кра́сно со́лнце возгора́лося,
Развева́лося то зна́мя ца́рское,
Зна́мя ца́рское, госуда́рское.
А под зна́менем шёл Долгору́ков-князь,**
Он вёл войска́ ца́рские,
Разбива́л войска́ каза́цкие
Каза́цкие — Булави́нские.
Лишь Некра́сов Игна́т не сда́лся,
С Тиха́-До́на с казака́ми сподня́лся,
Горю́чей слезо́й облива́лся,
Душо́й-се́рдцем разрыва́лся,

* See the article "The Nekrassovsky Cossacks," page 280.

** Князь Долгорукий — посланный на усмирение Булавинского восстания — 1708 г.

С ро́дом-пле́менем проща́лся:
«Ты прости́, прости́, наш Ти́хий Дон,
Ты прости́, прости́, оте́ц-ба́тюшка,
И люби́мая моя́ родна́ ма́тушка,
А ещё прости́ весь каза́чий род!
Иду́ я на чужби́нушку, в да́льнюю сторо́нушку,
За Дуна́й-реку́, во Туре́тчину.
А коль смерть придёт, я и там помру́,
Я и там помру́, во Туре́тчине чужеда́льней,
В чужеда́льней сторо́нушке, без пе́нья церко́вного,
Без зво́ну колоко́льного.

НИ СТЕЖЕЧКИ, НИ ДОРОЖЕЧКИ

Ни стёжечки, ни доро́жечки
Не́ту ми́лому прохо́душки,
Ни ко́нному, ни пе́шему.
Слы́шу, ви́жу табу́н лошаде́й идёт,
Впереди́ конь воро́ненький идёт,
Вниз пове́сивши, голо́вушку несёт.
Штож ты, ко́ник, призаду́маный идёшь?
Иль тебе́ доро́жка далека́?
Иль тебе́ пово́зка тяжела́?
— Пово́зка не тяжёленька,
Доро́жка не далёкенька,
А надое́ла мне чужа́я сторона́,
Коню́ се́на не накоси́ть
Со́ли, хле́ба не напроси́ть.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ У НЕКРАСОВЦЕВ

(Девичник накануне свадьбы)

На девичнике пелись «пла́канки» — невеста прощалась с девичьей волей, с родителями, подругами и свою грусть изливала в песенных жалобах:

«Вода́ по́лая разлива́ется,
Си́зый се́лезень купа́ется,
За прича́лищу хвата́ется,
Прича́лища обломи́лася,

А я, молодáя, взмолúлася...
— Вы, подрýжки, схоронúте менЯ́.
Éдуть, éдуть разорúтели,
Разорúтели-разлучúтели.
Разлучáють с отцóм-мáтерью
И с любéзными подрýжками,
С мúлыми раздýшками.
С вáми я водúлася,
Я водúлася, не бранúлася,
А тепéрь на век разлучúлася».

Подруги отвечают ей также печальной песней:

«Зарослá дорóженька, зарослá,
По котóрой дéвицей ходúла,
За собóй подрýжек водúла.
Да идúте, подрýжки, не шумúте,
Да зелёный виногрáд не рвúте,
Да где нáшу дéвицу
Женúх повёз?
Да повезлú дéвицу, промчáли,
В один часóчек венчáли».

В день свадьбы, на восходе солнца, жених с «боярами» выезжает свадебным поездом за невестой. Но перед домом невесты — крепкая засада, и жениху надо «посеребрить» засаду и всем поднести вина.

После венца молодые с «старшим боярином» и свахой садятся на одну подводу и приезжают в дом жениха. На пороге дома родители жениха встречают новобрачных и посыпают их хмелем и деньгами, а потом ведут в горницу и сажают под образами, за «княжий стол».

Гости величают молодых:

«По пóднебесью я́сен-сóкол летáл,
Ой-лéли, ой лель-лéли, летáл.
По полёту чёрных гáлок выбирáл;
Уж он вы́брал себé гáлушку, да чёрную,
Ой-лéли, ой лель-лéли, чёрную,

Как по у́лице да Ва́нюшка гуля́л,
С карагóду кра́сных де́вок выбира́л.
Ой ле́ли, ой ле́ль-ле́ли, выбира́л.
Уж он вы́брал себе́ де́вицу кра́сную,
Красну́ю, чепурну́ю
Праско́вьюшку молоду́ю».

Поют песню молодой о предстоящей ей жизни в доме родителей мужа:

«Как во клю́чику горю́чему
Ва́ня-су́дарь напоя́л свово́ коня́.
А Праско́вьюшка во́ду че́рпала.
Почерпну́вши, вёдры ста́вила,
Она ста́вила, гута́рила,
Про семе́юшку расспра́шивала:
Какова́ ва́ша семе́юшка,
Не грозён ли свёкор-ба́тюшка,
Не грозна́ ли свекры́-ма́тушка,
Я свекро́ви угожу́: ра́но пе́чку затоплю́,
Я свёкору угожу́: тро́йку коне́й запрягу́,
Я золо́вке угожу́: ру́су ко́су заплету́».

Поются старинные застольные песни, когда хозяева потчуют гостей:

«А лю́бые, да ми́лые го́сти,
Про́сим ва́шей че́сти,
Что пи́ли да е́ли,
Да весёлые сиде́ли,
Хле́ба-со́ли да поку́шали,
Хозя́ина да послу́шали».

А в разгаре пира, при общем веселье, раздаются и шутливые «дразнилки», обращенные к «боярам» (дружки жениха), к сватам и другим почётным гостям:

«А се́ли боя́ре, се́ли,
Полови́ну быка́ съе́ли,

А на столе́ да ни кро́шечки,
А под столо́м всё ко́сточки»...

или:

«Через сад гу́ска лете́ла,
С пе́рцем капу́ста кипе́ла,
С лу́ком и с пе́рцем...
Про́сим всем се́рдцем,
Штоб пи́ли да е́ли,
Да весёлые сиде́ли».

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ И У КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

(в различных вариантах)

ПО ПОДНЕБЕСЬЮ ЯСЕН-СОКОЛ ЛЕТАЛ

(Поют хором подруги невесты после «зару́ченья»)

По подне́бесью я́сен со́кол лета́л,
Ой ле́ли, ой ле́ли-лель лета́л,
По полёту чёрных, га́лок выбира́л.
Ой ле́ли, ой ле́ли-лель выбира́л.
Уж он вы́брал себе́ га́лку чёрную
Ой ле́ли, ой лели-ле́ль, га́лку чёрную
Ой ле́ли, ой ле́ли-лель чепурну́ю
По подне́бесью я́сен со́кол лета́л,
Ой ле́ли, ой ле́ли-ле́ль лета́л.
А по у́лице Степа́нушка гуля́л,
Ой ле́ли, ой ле́ли-лель гуля́л.
С караго́ду кра́сных де́вок выбира́л
Уж он вы́брал себе́ де́вку кра́сную,
Ой ле́ли, ой ле́ли-лель, распрекра́сную,
Аксю́тушку чернобро́ву, чепурну́ю
Ой лели, ле́ли-лель, чернобро́ву, чепурну́ю.

БЕЛ ЗАЮШКА

(Поют свахи и подруги невесты, обращаясь к жениху, когда едут смотреть его «поместье»)

Бел за́юшка, бел за́юшка,
Бел за́юшка, горноста́юшка,
Камы́ш-трава́, камы́ш-трава́,
Камы́ш-трава́, ключева́я вода́,
Ключева́я, всё коло́дезная

Ключевáя, всё колóдезная,
Во клю́чиках, во клю́чиках,
Во клю́чиках бéлы лáстушки
Бéлы лáстушки-касáтушки,
Ой молодóй, удалóй
Степáн-свет Ерофéевич,
Аксю́та-душá приголу́била к себé;
Застáвила чáсто в гóсти ходи́ть,
Приневóлила всё подáрочки носи́ть,
Подáрочки и слáдки пря́нички,
Орéшики всё калёные
Нам, дéвушкам, подарёные.
А кто дари́л, а кто дари́л?
А кто дари́л, тот пожáловал.
Дари́л у нас, дари́л у нас,
Дари́л у нас свет-Степáнушка,
Пожáловал Ерофéевич.

ОЙ, НА МОРЕ, НА ЗАРЕ

(Поют подруги невесты на девичнике)

Ой на мóре, на зарé
Слетáлися лáстушки, соколы́;
Ой-лели́, ой-лели́,
Слетáлися лáстушки, соколы́.
Там у́тушка плáвала, плáвала,
Там сéрая ныря́ла, ныря́ла.
Аксю́тушка плáкала, плáкала,
Васи́льевна рыдáла, рыдáла,
На крутóм бережку́ стóючи,
Бéлые сорóчки мóючи;
Ой-лели, ой-лели́,
Бéлые сорóчки мóючи.
По бéрежку цветы́ расцветáют,
По цветáм Степáн-сокóл гуля́ет.
Гуля́й, гуля́й, Степáнушка, здорóво,
Сними́ меня́ с бéрежка кру́того
Ой-лели́, ой-лели́,
Сними́ меня́ с бéрежка крутóго.

А в Степа́нушке жа́лости премно́го,
Снял меня с бе́режка с круто́го.
Ой-лели́, ой-лели́
Ой ле́ли-лель, с круто́го.

ЦВЕЛА У НАС РОЗОЧКА

(Пели подруги невесты на свадьбе,
провожая новобрачную в дом мужа)

Цвела́ у нас ро́зочка
Алый цвет.
Была́ у нас де́вочка,
Тепе́рь нет.
Вы́шла за воро́та,
То́лько ей и сле́д.
Сре́зала кусто́чек ро́зы све́рху,
Расти́, расти́ ро́за без ве́рху.
Живи́, живи́, ма́менька,
Без ми́лой до́ченьки,
Без мое́й де́вичьей красы́
Без мо́ей ру́сой косы́.

ПОГОСТИ У НАС В ГОСТЯХ МАЛЕХОНЬКО

(Невеста-сирота просит благословения
у покойного отца)

Погости́ у нас малёхонько,
На дворе́ у нас тихо́хонько,
Вдруг поду́ли ве́тры бу́йные,
Раскача́ли все дере́вьюшки.
К нам зае́хали разлу́чники,
Разлуча́ют с родно́й ма́терью,
Со любе́зными подру́жками.
«Ты мой бра́тушка, ты, мой Ми́тюшка,
Ты седла́й седло́ несе́дленное,
Бери́ узду́ неу́зданную,
Зануздай коня́ нее́зженного,
Поезжа́й-ка ты в большу́ю це́ркву,
Уда́рь-ка, ты в большо́й ко́локол,
Не рассту́пится ли сыра́ земля́,

Не раско́лется ли гробова́я доска́,
Не вста́нет ли ро́дной ба́тюшка?
Твоя́ ча́да под венцо́м стоит,
Да благослови́ть то её не́кому».

КАК ВО КЛЮЧИКУ ВО ГОРЮЧЕМУ

(О жизни новобрачной в семье мужа)

Как во Ти́хом во Дону́
Ива́н-су́дарь пои́л своо́ бо́рзого коня́
А Мару́ся во́ду брала́,
На тра́вушку вёдра ста́вила,
Ива́на-су́даря расспра́шивала:
А скажи́, Ваню́ша-свет,
Не грозён ли твой ба́тюшка?
Не люта́ ли твоя́ ма́тушка?
— Я свёкору угожу́: бо́рзых коне́й запрягу́
Я свекро́ви угожу́: пе́чку ра́но затоплю́
Я де́верю угожу́: посте́ль бе́лу постелю́,
Я золо́вке угожу́: ру́су ко́су заплету́,
Алой лёнтой завяжу́.

ЗАРОСЛА ДОРОЖЕНЬКА, ЗАРОСЛА

(Новобрачная прощается с подругами)

Заросла́ доро́женька, заросла́,
По кото́рой я молодёшенька, ходи́ла,
И с собо́й подру́женек води́ла,
Без меня́ тепе́рь, подру́жки, иди́те,
Да зелёный виногра́д не рви́те.
— Да зелёный виногра́д траво́й поро́с,
Да где на́шу подру́гу
Жени́х повёз?
— Повезли́ Мару́сю, умча́ли,
В це́ркви Бо́жьей обвенча́ли.

КАЗАЧИЙ ФОЛЬКЛОР

ПЕСНИ ДЕВУШЕК-КАЗАЧЕК

земляни́ка-я́годка, strawberry
наливна́я ви́шенка, juicy cherry
выхваля́ться, to boast
лузья́ (луга́), meadows
ро́внюшка (рове́сник), of the same age

ПЕСНИ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Ни стежечки, ни дорожечки

стёжка, стёжечка, path, road
прохо́д, прохо́душка, passage
пе́ший, on foot, pedestrian
табу́н, a drove of horses
вороно́й (воро́ненький) конь, black horse
призаду́маный, thoughtful, pensive
пово́зка, carriage, vehicle
надое́сть (надое́ла), to annoy
накоси́ть се́на, to mow hay
караго́д-хорово́д, round dance with singing

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

си́зый се́лезень, grey drake
схорони́те (спря́чьте), hide
подру́жка, friend (fem.)
любе́зные подру́жки, beloved friends
разду́шка, darling
разлуча́ть, to separate
расступи́ться, to part
чепурна́я, smart
че́рпать во́ду, to draw water

APPENDIX

VARIOUS THEORIES OF FOLKLORISTICS

The term "Folkloristics" is used to denote the science which deals with folklore.

There have been written records of Russian folklore since the 17th century. The most ancient collection of Russian historical songs was published in 1619-1620 by the English traveler Richard James. Another Englishman, named Collins, transcribed into English (1660, 1669) two tales from the reign of Tsar Ivan IV, the Terrible.

In the 18th century, Russians themselves began to collect popular proverbs and "byliny." A famous collection of northern "byliny" was compiled in the middle of the century by the Cossack Kirsha Danilov, while serving as a guard to one Demidov, a wealthy industrialist residing in the Ural region, who had sent him to collect folk tales.

Folkloristics as a science has been in existence from the first decades of the 19th century. Its origin is closely connected with Romanticism. According to the philosopher Hegel, the most general idea of Romanticism was that of national consciousness, of the affirmation of a people's unity. During that epoch, many scholars and literati applied their knowledge to the study of the "national spirit" of peoples, which is clearly apparent in folk literature.

The first Western European scholars to study the popular literature were the English, later to be followed by the Germans. In England, great interest was shown in MacPherson's poems, "Fingal" and "Songs" (1760), patterned after the ancient Celtic folk

poems. T. Percy published a collection of ancient popular songs in 1765, while the Scottish peasant poet Robert Burns based his songs on Scotch folklore.

In Germany, under the influence of English literature, Gottfried Herder published a celebrated collection of folksongs of many peoples, entitled "Voices of the Nations in Songs" (1778-1779). A leading role in the scholarly treatment of folklore in Germany belongs to the Grimm brothers, Wilhelm (1778-1859) and Jacob (1785-1863). They edited medieval literary works, such as "Song of the Nibelungen," "Reynard the Fox," as well as German folk tales and proverbs. Jacob Grimm's presentation of folklore leaned heavily on myth: "German Mythology" is the title of the book in which he presented his views on the nature of folk poetry.

In Russia, too, the Mythological School was the first manifestation of Folkloristics. In the 1830's the Slavophile movement had started to develop, under the influence of Western Romanticism and the idealistic philosophy of that period. Peter V. Kireevsky, an outstanding member of the Slavophile group, began collecting folksongs in 1831. In the same year appeared the tales of Pushkin and Gogol's "Evenings on a Farm near Dikanka," based on subjects from Russian and Ukrainian folklore.

A famous collection of proverbs and tales was compiled in the 1830's and 1840's by V. I. Dal, a friend of Pushkin. In the 1840's were also published the works of I. P. Sakharov, comprising his "Russian Popular Tales" (1841) and "Legends of the Russian People" (1849), in two volumes, which contain proverbs, sayings, songs and descriptions of wedding and farming ceremonies.

In the years 1831-34, I. M. Snegirev published a collection of "Russian Proverbs," and in 1848 a second collection of "Russian Popular Proverbs." His book on "Holidays and Ceremonies of the Plain Russian People" appeared in 1838. Many other distinguished Russian folklorists were also publishing their collections at that time (Rybnikov, Gilferding, and others).

The most remarkable of the early folkloristic scholars was F. I. Buslaev (1818-1897), whose scientific activity recalls that of Jacob Grimm by its character and range. He was a philologist, a historian of old Russian literature, a student of folk poetry and Slavic mythology. He is the author of "Historical Grammar of the Rus-

sian Language" (1858), "Historical Anthology of Church Slavonic and Old Russian" (1861), "A Russian Anthology of Old Russian Literature" (1870), and many other works.

A. N. Afanasyev was another renowned representative of the Mythological School in Russia. His articles on Slavic mythology were collected in a three-volume work, "The Poetic Attitude of the Slav toward Nature" (1865-1869). In addition, he published eight volumes of folk tales, from 1855 to 1864, and "Russian Popular Legends," in 1860. To the Mythological School also belongs Orest F. Miller, a professor at the University of St. Petersburg, author of the important book, "Elijah of Murom and the Kiev Knighthood," in which the principles of his School were applied.

In 1859, the German orientalist scholar Theodore Benfey published the "Panchatantra" ("The Five Books"), a collection of ancient Hindu tales, dating back to the third century A.D. Benfey pointed out the similarity between the Sanskrit tales and those known to European and other non-European peoples. In Benfey's opinion, the resemblance is due to historical cultural borrowings. Since it is a case of cultural influence from the Orient upon Europe, this point of view is also known as the Orientalistic theory. Benfey indicated certain periods during which the borrowings were made: the time of the campaigns of Alexander the Great, the Hellenistic era which followed (IV-II centuries B.C.), the era of the Arab conquests, the age of the Crusades (X-XII centuries A.D.).

Benfey's theory of Borrowings was the dominant one in European folkloristics until the end of the 19th century. Later, Russian scholars used it for an explanation of cultural ties, as formulated by Pypin, in a very important book, "Literary History of Old Russian Tales" (1857).

In the meantime, another scientific trend made its appearance in Western Europe. The Anthropological, or Ethnographic, theory originated in England, with the publication, in 1890, of "The Golden Bough," by the folklorist and ethnographer James Fraser.

The Anthropological conception became one of the essential elements of the theory of Historical Poetics of the famous Russian scholar A. N. Veselovsky (1837-1906), which was combined with the ideas of the cultural-historical theory. Veselovsky was especially interested in the problem of reciprocal cultural influences between

the various peoples of Europe and the Near East (for example, in his book, "Slavonic Legends of Solomon and Kitovras and Western Legends of Moroff and Merlin," 1872).

A. N. Veselovsky assigned an imporant role to folklore in comparative literature. He wrote: "Popular poetry is the first phase of all poetic and literary development."

After Veselovsky, the Russian folklorists studied the links between folk poetry and Russian history. Thus was born the Historical School, which became firmly established in Russian folkloristics by the middle 1890's, and was still represented in the 1920's. Its best known member was V. F. Miller (1848-1913), who wrote "Outlines of Russian Folk Literature, Byliny" (1897), his most important work.

In the 1920's, the representatives of the Formalist School began their struggle against both the Historical and the Anthropological Schools. The best Formalists, as V. Schklovsky and O. Brick, focused their attention on the formal aspects of folk poetry: rhythm, alliteration, versification, accentuation, etc. V. M. Zhirmunsky is the author of the most valuable works in the field, "Rhythm of the Bylina" (1923), "Introduction to Metrics: the Theory of Verse," "Russian Popular Verse" (1925), and others.

Formalism, however, according to Professor Y. M. Sokolov, a well-known Soviet scholar, has had no serious influence on Soviet folkloristics. The Soviet folklorists (still according to Sokolov) have for the most part followed the ideas of the Sociological School, which considers that the main problem of folkloristics consists in discovering the social basis of every work of folk poetry. These new principles were stated by Y. M. Sokolov in his articles: "The New Tasks in the Study of Russian Folklore" (1926), "On the Sociological Study of Folklore" (1928), "The Russian Epos of the Byliny (a Problem of Social Origin)" (1937).

However, at the present time, the Soviet folklorists are beginning to pay more attention to historical studies and to the analysis of form and language of folk poetry.

THE VERSE

(after L. A. Magnus)

The metrical scheme of the Bylinas and other folk poems is peculiarly Russian.

It consists of lines of three syllables with two of three principal beats, trochaic in rhythm and terminating in a dactyl. There is no rhyme, no assonance: continuity is maintained by the repetition of phrases from the end of one line to the beginning of the next.

The number of syllables is free. The metrical scheme starts with a simple trochaic line: u/-u/-u/-uu. The number of beats in the phrase can be either three or four. (Scheme I). To this scheme may be prefaced an auxiliary syllable: u/-u/-u/-u/-uu. (Scheme II). But as these poems were sung to a monotonous melody accompanied on the "Gusli" (гу́сли), the number of syllables might therefore be free, and then something like iambs may come in, and the metrical scheme may be altered: u-/u-/u-/u-/u (Scheme III). It becomes an iambic pentameter out of a trochaic trimeter. It may also admit an infinite variation of which an example is given under scheme IV: uu/-uu/-/-uu/-uuu.

Generally speaking, the most common form might consist of three trochees with a prefatory syllable. In a later style the same number of syllables turned into lambic metre.

In the late Moscovite period when these poems were intended for speech rather than for song, regular iambic metres come in.

In "Duchovnye stichi" (духо́вные стихи), like the Book of Holy Spirit (Голуби́ная кни́га), anapests are freely substituted for iambs:

uu-/u-/u-/u-uu
uu-/u-/u-/u-/uu-
u-/u-/u-/u-/u-
uu-/u-/uu-/u-
u-/u-/uu-/uu
uu-/u-/u-uu

THE TITLES OF RUSSIAN RULERS

The Russian rulers were Princes—"Knyaz"—plur. "Knyazya" (князь, князья́). The head of the house who ruled at Kiev was styled the Great Prince—"Veliky Knyaz"—(Вели́кий Князь).

The Moscow house first took the title of "Gosudar" (Госуда́рь).

"Hospod" (Госпо́дь)—Lord—is applied only to God. "Gospodin" (Господи́н) originally meant Master. "Gosudar" (Госуда́рь) means

ruler; it was applied only to the majesty of a great monarch. However, in folklore they use "Gosudar-batyushka," "Gosudarynya-Matushka" (Госуда́рь-ба́тюшка, Госуда́рыня-ма́тушка) as a respectful way of addresing one's parents.

The Moscow ruler—Gosudar Ivan IV (16th century) was the first who assumed the title "Tsar" (Царь) in the Byzantine manner.

The country in the earlier style is always spoken of as Rus' (Русь), Svyataya Rus' (Свята́я Русь)—Holy Russia.

Rossia (Росси́я) with the vocalization borrowed from the Greek Rós occurs only in the later Moscovite tales, and applies to the state under the rule of the Russian Tsar (Русский царь).

THE ANCIENT RUSSIAN HOMES AS DESCRIBED IN FOLKLORE

The word by which a house was known in general was "dvor" (двор) or "podvorye" (подво́рье). But the later meaning of "dvor" is a yard. The standing epithet of the "dvor" is "broad" (широ́кий двор).

In the town the houses resembled farmhouses, and were also called later "pomestye, pomestishche" (поме́стье, поме́стище), especially in the Moscovite ballads.

The house lay in a yard—"ograda" (огра́да), surrounded by a fence—"tyn" (тын). The fence and the gate were decorated with varied carvings.

A mansion was called "Khoromy" (хоро́мы). The rooms inside the mansion were called "gridni" (гри́дни). Round the mansion there might be a number of gardens or lawns—"sady" (сады́). The servant's quarters might stand apart from the main building, and were then called "izbá" (изба́). The porter's lodge was called "privorotnaya" (привoро́тная).

There were steps—"Krylco" (крыльцо́) leading up to the hall, which were covered with carpets. The grand stair-case, called "perila" (пери́ла), was covered with carvings, especially with representations of animals, eagles, the sun and stars.

The lower floor, unsuitable for residence, was called the "podklet'" (подкле́ть), and the merchants kept their stock there.

On the first floor there was the large hall called "gridnya," "gridnica" (гри́дня, гри́дница) or "stolováya" (столова́я). In the main room, called "gornica" (го́рница) there was a broad window.

The "séni" (се́ни) was the cool sleeping-room, to which the family retired for the night from the heated rooms, especially in the summer. Next to the "séni" was the heated sleeping-room—"opochiválnya" (опочива́льня), and adjoining was the chapel— "Krestóvaya" or "Molélnaya" (кресто́вая, моле́льная).

In the rich houses there were ornamental windows—"Krasnyye ókna" (красные óкна), also called "kosyashchaty" (косящаты), slanting. The following description in folktales illustrates how the windows were built:

'The windows were cut sideways,
And on each window there was a carving of
A dove with its mate.'

On the top of the window-frame, termed "okonnica" (окóнница), there might be little gilded balls—"makovki" (мáковки).

The stoves in simple houses were made of baked clay, and in the better houses they were decorated with green glazed tiles. Very long benches were set along the walls, as fixtures. There were also stools—"beseda" (бесéда), which were generally made of white oak—"belodubovaya beseda" (белодубóвая бесéда). A chair (стул) usually is described as golden (золотóй стул, или: золотóй стол), because it was covered with cloth of gold. Golden stool or golden stol is also used as meaning "throne" (трон — княжеский или царский трон). In modern Russian the word "prestól" (престóл) is used in the same sense.

The toll house was called "terem" (тéрем) or "terem zlatoverhy" (тéрем златовéрхий), i. e. with a golden roof.

RUSSIAN CHRISTMAS CUSTOMS

The Russian people consider Christmas a great period for celebration.

The Christmas Holidays *are observed* for two weeks, from Christmas Eve until the Epiphany, i. e. from December 24 through January 6.

The Russians fast the entire day before Christmas until the appearance of the first Evening Star. Then they sit down at the table with the entire family for a special Christmas Supper. At first they recite the Christmas prayer and then they eat the special Christmas meal, which consists of boiled wheat with honey and boiled dried fruit. They call this meal *"Kutia"* and *"Uzvar,"* (or *"Vzvar"*).

They put the pots with "Kutia" and "Uzvar" on little piles of hay under the ikons. Hay is a symbol of the Christ-child, lying in the manger.

At the same time the children go through the streets singing Christmas carols ("Koliadki"). For example: "In Jerusalem the bells began ringing early in the evening: Holy Evening,

Good Evening, Heaven and Earth now are very solemn. The Angels tell the miraculous story to the people—Christ is born, God has become man.

The Angels are singing. Three Kings from the East are coming and are bringing gold, incense and myrrh."

At the head of the procession a small boy carries a large star on a long pole.

The Christmas carolërs sing carols under the windows of the houses, whose masters give them candy, cookies, nuts and small coins.

NEW YEAR

On New Year's Eve the children sing New Year's songs which are called "Schedrovki," wishing all a Happy New Year.

The refrain of these songs is the following:

"Generous Evening,

Good Evening,

Good Health to Kind People"

Also on New Year's Eve each family bakes a big pie with meat ("pirog"), and in it they put a silver coin.

At midnight the hostess cuts the pie according to the number of people present, and the one who gets the coin will be happy and rich the whole year.

Early on New Year's morning, just as the sun comes up, little boys go through the houses, scattering grains of wheat or oats, and they congratulate the masters of the house upon the New Year and wish them an abundant harvest.

EPIPHANY

On the Eve of the Epiphany the young girls tell their own fortunes. For example: they put a wedding ring in a glass of water and they look into the center of the ring. If a girl sees a man, that means she will marry him the same year.

Another example: the young girls melt wax, and they pour it into cold water. The cold wax hardens and takes some form; the girls look at this wax form, and from it they predict the events of the

coming year. Then the girls go out on the streets and ask the name of the first passer-by. If, for example, the name of the passer-by is Ivan, then the girl will marry a man named Ivan.

On the morning of the Epiphany all the Russian people with ikons and Church banners go to the river where the priest blesses the water. This custom is called 'going to the River Jordan' as a remembrance of the Baptism of Christ in the River Jordan. At the moment of blessing the water they release white pigeons, as a symbol of the Holy Spirit. After blessing the water, many young men dive into the icy water so that they will be healthy and strong.

All that day the people go sleigh-riding and sing the ancient songs in chorus.

This was the way the Russian people celebrated the Christmas season for many centuries.

RUSSIAN EASTER

CHRISTOS VOSKRESE—CHRIST IS RISEN! With this solemn exclamation begins the Eastern Christian Church celebration of the Resurrection of the Lord.

This religious holiday is also called "Paskha" according to the word in Hebrew in the Old Testament. "Paskha" is the greatest Russian religious holiday.

Lent is observed for seven weeks before the Great Day of "Paskha". Abstinence and fasting are strictly observed in the Eastern Orthodox Church. Most rigorous is the observance of these rules during Holy Week, which starts on the Monday following Palm Sunday. During these days the priest's vestments are black and everything in the church is covered with black cloth.

On Holy Thursday, during Vespers, the priests read from the Four Gospels the description of the Passion of the Lord. The congregation kneels with lighted candles in their hands. On Holy Friday there is the "Procession of the Entombment of the Lord". The priests and several members of the congregation carry around the church the image of Christ lying in His shroud. The Church choir sings the requiem hymns, which are among the most beautiful ones in the Slavonic liturgical music. The Mass of Holy Saturday in filled with the expectation of the Resurrection: the black vestments are replaced by white and gold ones.

A little before midnight, the Church bells begin to ring, and the people come to Church for Easter matins and Mass. Exactly at midnight, before the closed doors of the Church, at the head of a procession, the priest intones CHRISTOS VOSKRESE!—CHRIST IS RISEN, and the faithful answer VOISTINU VOSKRESE!—VERILY SO—HE HAS RISEN! Then proceeds the service of Easter matins filled with hymns of joy and gratitude to the glory of Christ and His Resurrection.

After the Midnight Mass, the priest blesses the traditional Easter food, brought by the people, consisting of Easter bread—"Kulich", Paskha (special cheesecake) and red eggs. Following the Church services, which end early in the morning, the Russian people have a traditional Easter breakfast comprising the food blessed in the Church. And they "христосуются" which means they kiss each other on the cheek three times, symbolizing the joy of Christ's Resurrection, and they say CHRISTOS VOSKRESE! —with the answer VOISTINU VOSKRESE!

THE NEKRASOVSKY COSSACKS— THEIR LANGUAGE, SONGS AND CUSTOMS

Far from the cities, the railroad, the piers—in the reedy mouth of the Kuban River (North Caucasus) are preserved three farm settlements (or khutors): the Nekrasovsky, the Pokrovsky, and the Potemkinsky. The joint name of all three is the Nekrasovsky khutors. "Nekrasovsky" is in memory of the Cossack chieftan (or ataman), Ignatius Nekrasov, a follower of Condraty Bulavin.

Bulavin's Revolt

In order to understand clearly Nekrasov and the history of the Nekrasovsky khutors, one must know something about the remote, by-gone Russia of the beginning of the 18th century.

Peter I ruled Russia at that time; he ruled firmly, autocratically governing all the regions, and only on the Don did the Cossacks act rebelliously. In order to subdue the recalcitrants, Peter restricted the liberties of the Don Cossacks. In answer, the Bakhmutsky ataman, Condraty Bulavin, raised the Don against Moscow. His right-hand man was the Yesaulovsky ataman, Ignatius Nekrasov. The revolt, from 1707 to 1708, covered the whole Don and began

to threaten the State's unity. This seriously worried the government, all the more because at that time Russia was straining its forces in the war with Sweden.

Peter the Great had to remove several regiments from the Ukrainian front and send them to suppress the Don. But even before their arrival, the "well-to-do" Cossacks themselves punished Bulavin. They besieged Bulavin in the Don's capital, the town of Cherkask, and Bulavin, refusing to surrender, shot himself.

Bulavin's fortress—a massive two-story house having a deep cellar with iron doors and surrounded by a high stone wall with loopholes—stands even now in the center of Old-Cherkask village (or stanitsa). It is shown to those passing through as a historical monument. The "pistol" with which Bulavin shot himself is also shown, although the authenticity of the gun is doubtful.

The Nekrasovitz and their Departure to Turkey

Deprived of its leader, the turbulent Don soon calmed down, and only Ignatius Nekrasov with his detachment from the Cossacks living on the upper river, together with their wives and children, left for the Kuban (then outside the borders of Russia) and from there across the Black Sea to the mouth of the Danube. At that time this was a Turkish possession. The Cossacks brought with them to Turkey precious relics: a battle flag with an image of John the Baptist on a green satin field and an icon of the Protection of the Virgin from the Monastery of the Sanctuary. (Monastyrskeye urocisce.)

The Nekrasovsky Cossacks or the Nekrasovitz, naming themselves after their ataman, did not remain peaceful long, even within the boundaries of Turkey. The subsequent generations were as freedom-loving and warlike as their fathers. Their conflicts with the Turkish authorities began to be inevitable, and later the skirmishes became more and more frequent, developing into armed combat.

In order to get rid of the dangerous "immigrants," the Turks gave them land in Asia Minor, and at the end of the 18th century many of the Nekrasovitz had migrated deep into the heart of Asia Minor to Lake Manjas.

Life of the Nekrasovitz in Turkey

In Turkey, true to their ancestors' legacies, they founded settlements like those on their independent Don and lovingly kept alive the ancient Cossack traditions. They elected an ataman and settled their internal affairs by means of the "Cossack Council." They judged in a patriarchal manner, "giving so many" lashes to the guilty one and after this sitting down in a circle to drink a cask of wine, which the guilty one provided, and drinking in a friendly fashion, "so that there would be no resentment among the Cossacks." If a Cossack had committed a great crime, they were not merciful to the criminal, and as it was on the Don in the old days, "they put him into a large sack and threw him into the water."

In the summer Lake Manjas emptied. The Cossacks then went to the Turks in search of a living: in the fields, in the gardens, and in the fisheries.

Again in winter they gathered in a united family, and on the first of October they celebrated the day of the Protection of the Virgin (Prazdnik Pokrova), honored by the whole Don, in remembrance of the miraculous rescuing of the Cossacks in the time of the Azov Siege (in 1641).

In autumn the weddings were merry with all the ancient customs: engagements, the traditional agreements between the two families, symbolized in a handshake, the "maiden party" before the wedding, the marriage procession, the wedding feast (кня́жий стол), etc.

The wedding rites were accompanied by songs. The songs were not simply "sung,"; "the songs were acted," as they say even now on the Don (igrat' pesni).

Wedding Customs and Songs of the Nekrasovitz

The following wedding songs and their "acts" were recorded by the author in 1937 in the words of an old inhabitant of the Nekrasovsky khutors in the Kuban.

During the "maiden party" laments were sung. The bride said good-bye to her maiden liberty, her parents, her friends, and poured out her sadness in a plaintive song:

Flood water overflows,
A blue-gray drake is bathing.
He catches at the mooring,
The mooring breaks,
And I, a bride, am pleading . . .
—You, my dear girl friends, hide me.
Those who will ruin my life are coming, coming,
Those who will destroy me and separate us.
They will separate me from father and mother,
And from loving friends,
From dearest companions.
I have been close and did not quarrel,
And now I am separated forever.

Her girl friends answer her with another sad song:

The path is covered with grass, the path
Along which I walked as a maiden,
And my girl friends followed me.
Walk, my friends, don't make any noise,
Don't pick the green grapes,
The grapes are overgrown with weeds.
Where did God take
Our maiden?
They took our maiden, bolted off,
And wedded her in an hour.

On the day of the wedding at sunrise, the fiance with the "boyars," his friends and the best man, leave in the wedding procession to get the bride. But in front of the bride's house there is an ambush, and the fiance must "silver" the ambushers (distribute silver coins) and offer everyone wine.

After the church ceremony the young couple with the "old boyars" and the matchmaker go to the fiance's house. On the threshhold of the house the fiance's parents greet the newlyweds, shower them with hops and money, then lead them into the main room, and seat them beneath an icon behind the "княжий стол." The wedding feast begins for the whole stanitsa. On the tables are mountains of pies: wine flows in rivers, and gay songs ring out without pause.

They praise the young couple:

In the sky the brave falcon flew,
Oi lelli, oi lell-lelli, flew.
In his flight he picked out some black jackdaws,
He picked himself out a female, little and black,
Oi lelli, oi lell-lelli, black.

So along the street Johnny strolled,
From among the "хоровод" some pretty girls he chose,
Oi lelli, oi lell-lelli, chose,
He chose himself a maiden fair,
Fair, gracious,
Sweet young Mary.

They sing a song to the bride about her future life in the home of her husband's parents:

In the hot spring
Master Johnny watered his horse,
And Mary drew the water.
Having drawn it, she put the pail down
And asked about his family:
What is your family like?
Is my father-in-law strict?
Is my mother-in-law strict?
I'll please my mother-in-law: I'll light the stove early.
I'll please my father-in-law: I'll harness the horse to the troika.
I'll please my sister-in-law: I'll braid her bright blonde hair.

The old festive songs are sung, when the hosts offer the guests food:

And dear, beloved guests,
We invite you respectfully
To eat and drink.
Sit down gaily,
Eat our dishes,
And listen to your host.

At the height of the feast, at the time of general merriment, jokes resound, addressed to the boyars, the matchmaker, and other honored guests:

The boyars sat down, sat down,
And ate half an ox,
And on the table there's not a crumb,
And under the table are all the bones.
or
Across the garden flew a goose,
And a cabbage was boiling with pepper,
With onions and pepper,
We invite you wholeheartedly
To eat and drink
And sit down gaily.

Many of the wedding songs are still sung by the Nekrasovitz.

Preservation of the National Traits of the Nekrasovitz

The Nekrasovitz have a staggering vitality of national spirit. They left Russia in 1708, lived among the Turks for more than two hundred years and, after many generations, not having encountered any Russians over all this protracted period, returned to Russia with the same national character, the same customs, the same songs, the same language, the same melodious dialect, with the "а́канье" and "я́канье" of the Don, with the softened verb endings (они идуть, он несётъ); on the whole, all that their forefathers left with in faraway times.

True, they also took over something from the Turks; for instance, they sometimes insert Turkish words in their Russian speech; their houses are constructed in such a way that only blank walls, with no windows, face the street; they dine at rather low, round tables and sit crosslegged like the Turks; the men wear wide trousers with colorful belts and the women colorful Turkish fabrics and necklaces made from coins.

But even in Turkey they strictly adhered to their old beliefs. As they left with church books printed long ago in the days of Czar Mikhail Fedorovich Romanoff, so they returned with them. They were taught in the old manner by the sacristans in Church-Slavonic script, and even in the Soviet Union they did not forsake the ancient letters. Here is, for example, Ksenofont Petukhov (Ксенофонт Петухов), ataman of the Nekrasovsky khutors, who even in 1937 (when I happened to meet him) signed Soviet documents: Ценофонтъ Пѣтγховъ and his assistant, the stanitsa's captain Піотръ ТелÆтниковъ instead of Пётр Телятников.

The new generations born in Turkey inherited from their fathers and grandfathers a love for Russia and a desire to see the homeland. In all the Manjas stanitsas they "played" songs about the sadness of being alone in a strange land:

> There are neither paths nor roads
> For the young fellow travelling
> On horseback or a-foot. . .
> I hear, I see a herd of horses coming,
> In front comes a black horse,
> Who carries his head hanging low. . .
> Why do you walk so pensively, dear horse?
> Is either your way long
> Or your carriage heavy?

—The carriage is not heavy,
And my way is not long,
But strange lands annoy me.
There is not enough hay mown for a horse,
And there is no one to ask for food.

The Nekrasovitz did not forget the history of the Don nor the fighting audacity of their ancestors. At festivities they sang the old Cossack songs about the Siege of Azov, about the wars with the Turks, about Stepan Razin:

So it was on the Don
In the city of Cherkask;
Our old men drink and feast
And sit and chat
And talk about Azov.

Here they praise the ataman, bravely waging war with the Turks on the sea:

So at evening our ataman
Sailed across the quiet Don,
And at daybreak our ataman
Sailed to the Azov,
Sailed to the Azov.
He sailed over the sea
And waged war on Turkish ships.

Thus the Nekrasovitz lived for many years, enclosed in a sort of social and cultural enclave, although surrounded by Turks.

"We did not become related to the Turks," they say, "nor did we marry them or admit them to the stanitsa."

The History and Fate of the Nekrasovitz After 1914

In 1914 the First World War broke out. Turkey opposed Russia and soon began to recruit the Nekrasovitz for its army. This was against the law, since, according to the agreement between Ignatius Nekrasov and the Turkish sultan, the Cossacks were not to serve with the Turkish troops. What is more, the Cossacks were tormented with the consciousness that they would be fighting against their own people. Thus the yearning to return to Russia was born among the Nekrasovitz. Without the knowledge of the Turkish authorities, the Cossack carts drew near to the Caucasus frontier, but only a few

very bold ones dared to cross the border and reach Batum. They settled there, since in a short while the revolution prevented any further movement. The quiet Don, the birthplace of their ancestors, continued to be a dream, an unattained promised land.

The majority of the Nekrasovitz remained in Turkey as before at Lake Manjas (or "Mainos," according to the Cossack pronunciation).

A second party of the inhabitants of the Manjas decided to go to Russia in 1926, and they arrived to Batum. The "Mainos stanitsa" therefore, continued to exist in Turkey on its original site.

How did the life of the Nekrasovitz remaining in Batum take form? The Soviet authorities moved them northward beyond Tuapse to the deserted mountains. Soon the life of the Nekrasovitz itself had somewhat improved; they were sent from the mountains to the mouth of the Kuban River. The Nekrasovitz were glad of this. They had come nearer to their ancestral land. Before them already lay the quiet Don, the love for which they drank with their mothers' milk. It was remembered how their fathers and grandfathers "acted out" the songs about the father, Don Ivanovich, which ended with the mournful refrain:

We won't be fellows
On the quiet Don.
We won't hear the sound of our church bells.
We won't see the limitless fields.
We say goodbye forever to our father,
To our dear father, bold Don Ivanovich!

On the Kuban they settled on the remote steppe; on one bank of the river there were marshy river reeds, and on the other, quicksand, in which the legs sunk and the wheels stuck fast. It was necessary to make one's way for forty kilometers through the quicksands to the nearest town, Akhtari, on the shores of the Azov.

The Nekrasovitz, however, enthusiastic in their feeling for their ancestral home, quickly built a khutor—the Nekrasovsky—with white huts (ма́занки), corrals for the cattle, wide yards and little gardens in front of the homes. Although it was difficult to transport water from the Kuban, nevertheless, cherry trees were soon growing in the orchards, and in the kitchen gardens the sunflowers were blooming.

The ataman with the assistant-yesauls was to govern the khutor. A general gathering of the inhabitants of the khutor constituted the Cossack Council. The yesauls convened the Council with the traditional Cossack call: "Gather together, honorable stanitsa, to discuss our affairs, to listen to the ataman." (Сбирáйся, честнáя станúца, дýму дýмати, атамáна послушати.) They opened the meeting with the ancient summons: "Be still, honest stanitsa, the ataman takes off his hat and bows." (Помолчú, честнáя станúца! атамáн трухмёнку гнёт.) The ataman actually arrived for such a solemn occasion in a high sheepskin hat (the "трухмёнка) and took it off before the gathering as a sign of his respect and obedience to the people.

Collectivization Among the Nekrasovitz

Such patriarchal ways, however, did not continue long. The Nekrasovitz erected their khutor in 1927-28, and already in 1930 the collectivization had begun. The Nekrasovitz resisted. The Soviet Police came unexpectedly and ruined the chapel, carried off Nekrasov's banner, and arrested many of the Cossacks. The Nekrasovsky khutor was devastated; only the old people and the small children remained. The young generation, however, quickly grew up, and when we succeeded in investigating this remote khutor in 1937, life had once again started there. This life, however, was strongly Sovietized. A small island of ancient Russian history was officially turned into the kolkhoz "Red Nekrasovitz." Nevertheless, folk history is of great vitality, and the old Nekrasovitz are long lived. You can see on the porches of the huts octogenarians warming themselves in the sun, and even some nonagenarians, former atamans. Tales of the past flow endlessly, and youngsters gather around the old men, listen to their grandfathers, and drink in the ancient tales and language of the 17th century.

The Language of the Nekrasovitz

Everyone greets each other in the old Cossack way: "Be well during the day, be well during the night!" (Здорово невáли! Здорово ночевáли!) The women tenderly address each other, "How are you, my darling?" (Ах ты моя болéзная, жáличка крóмочка.) For "enter the house" they say "влезáйтя в курень" and not "войдите в дом;" for "I found three kopeks," "налéз

алтын" and not "я нашёл три копейки;" for "he had set fire," "затеплил" and not "зажёг огонь"; for "to store something," "гобить" instead of "запасаться чем нибудь" (as in the Chronicles, "she has many things stored away in her trunk" — да у неё в рундуке много гобина). They say for "to dance," "плясать, скакать" instead of "танцевать;" for "birds," "птахи" and not "птицы;" for "chicken," "кокошка" and not "курица;" for "rooster," "кочет" or "петел" and not "петух;" for "treasury," "златница" instead of "казна;" for "cane," "палица" instead of "палка;" for "lentil," "сочевица" and not "чечевица;" for "lowland," "удолье" and not "низменность." For "fish soup" they use "ушно́е" instead af "уха́;" for "carpenter," "сечека́рь" and not "пло́тник;" for "a gathering of guests," "бесе́да" and not "собрание гостей;" for "shoulder," "ра́мо" instead of "плечо;" for "round," "добелый" instead of "круглый;" for "dust," "прах" and not "пыль;" for "argument," "пря" and not "спор." "Вино" (wine) means "виноград" (grapes), and "виноград" means "виноградник" (vineyard), "желудок" (stomach) means "жолудь" (acorn). To them "to the right" is "на десно" and not "направо;" "to the left" is "ошуйно" and not "налево;" "here and there" is "семо и тамо" and not "здесь и там." They say "братъся оружием" instead of "биться" for "to fight," "заберечь гостей" instead of "принять и угостить гостей," for "to receive and entertain guests," "назнаменовать начального" instead of "назначить начальника" for "to appoint a chief," "начаяться" instead of "надеяться" for "to hope," "несовестный человек" instead of "нерассудительный" for "a man lacking common sense," "нужные люди" instead of "нуждающиеся" for "needy people," "наши обыкности" instead of "наши обычаи" for "our customs," "надо быть опасным" instead of "надо быть бдительным" for "it is necessary to be vigilant." For "to live freely, without want" they say "жить пространно" and not "жить привольно" (as for example, "we lived in Mainos freely, without want; we had fields, good harvests, fishing, but our souls were attracted to our ancestral land."——"на Майносе жили мы пространно: и поле было, и хлеб родил, и рыба ловилась, а только душа тянула к родной земле"). In contrast with this, "to live in want" is "жить в тесноте" rather than "жить в нужде, притеснениях" (as "we now live in want, oppressed; we lack bread, they took the cow to the kolkhoz, and we

are not even free; without a permit to travel it is impossible to move elsewhere: "живём мы теперь в тесноте: хлебушка нехватает, корову в колхоз забрали, да и воли нету: без проезжего листа никуды не двинешься.").

At feasts "пображничать" means to drink mead with cinnamon; to honor the Cossacks one says, "Hail, warriors of the Don, from the river's source to its mouth, and from its mouth to its source." ("Здравствуй, Войско Донское, с верху до низу и с низу до верху.") and to honor the Tsar, "Hail, our Tsar and lord, in stony Moscow, but we, Don Cossacks, are on the quiet Don." (" Здравствуй, царь-государь, в кременной Москве, а мы, донские казаки на Тихом Дону.")

The Nekrasovitz floridly sprinkle their speech with proverbs and adages. Each proverb comes from the misty grey days of old. The Nekrasovitz say themselves, "An old proverb never breaks."

Sayings with the local color of the Don predominate:

"If you are a Cossack, you are from the Don." (that is, the Don Cossacks were the most ancient of all Cossacks.)

"Be a hero like your grandfather, Yermak, the Don Cossack."

"A Cossack without a good horse is like an arrow without a bow."

"Everyone can become ataman."

In the Summer of 1963 a group of the Nekrasovitz from the village "Esti Cossacks," in Turkey, moved to the United States. At the present time, they live in the State of New York.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Н. Афанасьев: Народные русские сказки. Избранные тексты. Ленинград, 1957 г.

Кирша Данилов: Сборник былин. Москва, 1955 г.

П. В. Киреевский: Собрание песен. Москва, 1868—74 гг.

П. Н. Рыбников: Собрание песен. Москва, 1909—1910 гг.

В. И. Даль: Пословицы русского народа. Москва, 1957 г.

Былины. Изд. «Библиотека поэта». Ленинград, 1957 г.

В. В. Сиповский: Историческая хрестоматия по истории русской словесности. Том 1: Народная словесность. СПБ, 1914 г.

Ф. И. Буслаев: Русский быт и пословицы. СПБ, 1861 г.

Н. Водовозов: Русский народный эпос. Москва, 1957 г.

М. К. Азадовский: История русской фольклористики. Москва, 1958 г.

Ю. М. Соколов: Русский Фольклор. Москва, 1938 г. и 1940 г.

Б. А. Ларин: Русско-Английский Словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619 гг. Ленинград, 1959 г.

М. А. Полторацкая: Фольклор Дона; Казаки-Некрасовцы. Ростов-на-Дону, 1941—1942 гг.

L. A. Magnus: The Heroic Ballads of Russia. London, 1921.

N. Kerschaw Chadwick: Russian Heroic Poetry, Cambridge, 1932.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Обложка работы *Т. Н. Мурзиной*

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЕ ПРАЗДНИКИ

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПЕСНИ

ПЕСНИ УДАЛЫЕ

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

ЗАГОВОРЫ

Стр.

БЫЛИНЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

АПОКРИФЫ

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

СКАЗКИ

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ЗАГАДКИ

ЧАСТУШКИ

CONTENTS

RUSSIAN FOLK HOLIDAYS AND CUSTOMS

HOLIDAY CEREMONIAL SONGS

WEDDING SONGS

DIRGES

INCANTATIONS AND CHARMS

HEROIC BALLADS (BYLINY)

APOCRYPHA

PARABLES

TALES

PROVERBS, SAYINGS, RIDDLES

FOLK RHYMES (CHASTOOSHKA)

FOLK DRAMA

COSSACK FOLKLORE

APPENDIX

(*See page* 298)